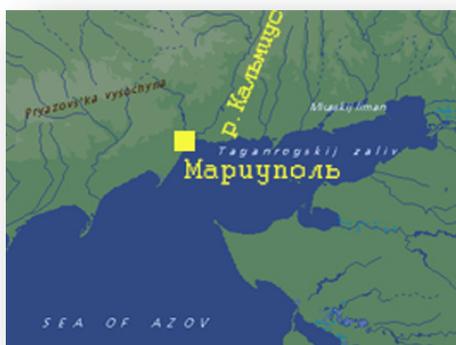


*Посвящается Свято-Иверскому храму –  
полуразрушенному, но живому*



Ver.01.07.2020

## Содержание

Введение	1
1. Историография	2
2. Немного теории	6
3. Первое десятилетие пребывания запорожцев в Северном Приазовье	11
4. Основание Свято-Николаевской церкви. Письмо Киевского митрополита	15
5. Основание Свято-Николаевской церкви. Халва, халява и хотелки	20
6. Некоторые известия по функционированию Свято-Николаевской церкви	29
7. Известия из крепости святого Димитрия Ростовского	31
8. Устройство и внешний вид Свято-Николаевской церкви довоенного периода	38
9. Годы эвакуации	46
10. Возврат церкви на прежнее место	54
11. Внешний вид и вероятная судьба здания Свято-Николаевской церкви 1777 – 1780 годов	73
12. Последние годы существования церкви	79
13. Некоторые фейки и дубли по поводу казацкой Николаевской церкви	89
Приложение 1. Письма 1754 года	100
Приложение 2. «Описание...» 1768 года	105
Приложение 3. Фрагмент из работы архиепископа Гавриила (Розанова)	107
Приложение 4. Фрагменты из книги епископа Феодосия (Макаревского)	109

## Введение

К теме казацкой, походной во имя Святителя Христова Николая (Свято-Николаевской, Николаевской) церкви в запорожской Кальмиуской паланке середины XVIII века (на месте современного Мариуполя) историки и краеведы обращались уже неоднократно. Но, пожалуй, единственная попытка собрать всю историю этой церкви в одном месте была предпринята только Г.И. Тимошевским в 1892 году (об этом расскажем чуть ниже). Однако за последние годы было накоплено довольно много новых данных по этой теме, предпринимались и попытки критического рассмотрения давно известных документов. Поэтому, наверное, есть смысл еще раз обратиться к истории этой церкви. Ниже будет представлено то, что автор статьи смог собрать по данной теме во время своих краеведческих штудий.

## 1. Историография

После ликвидации Сечи в 1775 году запорожская история и тематика оставалась неактуальной и мало кому интересной в течении более полувека. Взрывной рост популярности данной темы у историков и читающей публики был связан, в первую очередь, с деятельностью основанного в 1839 году Одесского Общества Истории и Древностей, одним из виднейших членов которого был А.А. Скальковский (1808 – 1898). Он не только смог найти в Екатеринославе заброшенные остатки сечевого архива, но и обеспечил его обработку и сохранность для потомков. Скальковский серьезно проработал документы из этого архива и в дальнейшем широко использовал эти данные в своих работах по истории края. Собственно, именно из его «Истории Новой Сечи или последнего коша Запорожского», опубликованной в 1842 году, читающая публика получила первую (пусть и краткую) информацию об интересующей нас церкви. К сожалению, автору статьи не удалось добраться до этого первого издания, поэтому приводим интересующий нас фрагмент по второму изданию (1846 года):

*«<...> в Калмиуской паланке, о которой находим сведение, что в 1754 полковник Андрей Порохня (после войсковой асаул), по причине обветшания старой церкви, просит Кош приказать изготовить нужный лес в Самарской товще и переправить оный до паланки т.е. к устью Берды. Для той же церкви и в том же году, Тимофей Щербацкий, митрополит Киевский, послал походный антиманс и благословительную граммату на ея освящение. Кош, отправляя все это с начальником Самарского монастыря «в Калмиус», поручил ему взять в Сечи хранившуюся там древнюю (от Крымского пребывания) церковь, везти ее в Калмиускую паланку, и там поставить для литургии, пока новая не будет построена; <...>»<sup>1</sup>*



**Таким значком мы будем обозначать «технические подробности», интересные только для особо продвинутых «юзеров» Истории. Остальным уважаемым Читателям такие места при чтении вполне можно пропускать, на понимание основного текста это особо не повлияет.**

Указание у Скальковского в данном отрывке на размещение Кальмиусской паланки в «устье Берды» - это его явная ошибка. О том, почему у Аполлона Александровича эта церковь попала вместо устья Кальмиуса в район устья Берды – мы объясним подробно в последней главе данной статьи. Заодно отметим, что тогдашний настоятель Самарского монастыря должен был только дистанционно организовать и проконтролировать исполнение «благословительного указа» о создании данной церкви, никто и не думал обязывать его для этого лично отправляться с Самары в удаленный на двести с лишним верст Кальмиус.

Следующим автором, у которого есть полезная информация по нашей теме, стал архиепископ Гавриил (в миру - Василий Фёдорович Розанов, 1781 – 1858), который с 1828 по 1837 год возглавлял Екатеринославскую епархию. В 1853 году в 3-м томе Записок Одесского общества истории и древностей (ЗООИД) была опубликована часть его работы «Очерк повествования о Новороссийском крае». В нем он, среди прочего, затрагивает и историю Свято-Николаевской церкви начиная от момента вселения греков в Мариуполь, переписку по поводу ее судьбы и, частично, ее дальнейшее существование в Павлограде на Солоной<sup>2</sup> (см. Приложение 3 к данной статье).

<sup>1</sup> А.Скальковский. История Новой Сечи или последнего коша Запорожского, ч.1, Одесса, 1846, с.173-174

<sup>2</sup> Гавриил, архиепископ Тверской и Кашинский. Очерк повествования о Новороссийском крае // ЗООИД, т.3, 1853, с.122-125

И, наконец, последним из больших авторов стал еще один церковный иерарх - Феодосий (в миру - Александр Григорьевич Макаревский, ок. 1822 – 1885), с 1871 года и до самой смерти занимавший пост епископа Екатеринославского и Таганрогского, который оставил фундаментальный труд «Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия» (издан в 1879-1881 годах). В той части его работы, которая не касается фолк-исторических «древних запорожских займищ, старожитных казацких маетностей»<sup>3</sup>, а которая получена им напрямую из подведомственных ему церковных архивов, содержатся огромные залежи ценнейшей, точной и достоверной информации по церковной тематике и по истории основания и развития местных поселений. Также в ней приводится и множество документов по истории и перемещениям нашей Николаевской церкви в период с конца 1760-х и до ее окончательной гибели. Эти материалы, существенно дополняющие сведения архиепископа Гавриила (Розанова), рассеяны по множеству различных статей книги Макаревского (см. Приложение 4). Мы их также будем использовать в соответствующих разделах данной статьи.



Рис. 1.1. Портреты: а) А.А. Скальковского; б) архиепископа Гавриила (Розанова); в) епископа Феодосия (Макаревского); г) автора статьи.

Интересно, что в самом Мариуполе уже ко второй четверти XIX века почти не осталось памяти о «до-греческих» местных делах вообще и о казацкой церкви в частности. Переселенные из благодатного Крыма греческие переселенцы очень трудно привыкали к новым для них условиям, несколько десятилетий город почти не рос. Поэтому не удивительно, что образованность (и связанный с ней интерес к истории) приживалась на земле Мариуполя с огромным трудом. Архиепископ Гавриил, дважды посещавший наш город (в 1828 и 1830 гг.<sup>4</sup>), и интерес которого к Истории был хорошо известен всем окружающим, из разговоров с принимавшими его горожанами услышал по поводу «до-греческих» дел только предания о находившемся здесь «некогда городе Домахе» (в чьем существовании он, впрочем, сомневался) и легенду о местной казачке Домахе,

<sup>3</sup> LV. Древняя история Донбасса. Реквием по перевернутой пирамиде (2015) <http://papacoma.narod.ru/articles/piramida.htm>

<sup>4</sup> Путевые заметки ректора Екатеринославской духовной семинарии, архимандрита Иакова Вечеркова, впоследствии епископа Саратовского, архиепископа Нижегородского // Летопись Екатеринославской архивной комиссии. Вып. 6. – Екатеринослав, 1910.– С.38-88; [http://papacoma.narod.ru/books/old\\_forum-index.htm](http://papacoma.narod.ru/books/old_forum-index.htm) , с.47-48, посты от 19-20.01.2013.

прокопавшей протоку от реки до озера, которое и было названо в ее честь. В этой легенде Гавриил тоже несколько сомневался, но добросовестно ее записал<sup>5</sup>.

Еще одно смутное воспоминание о старых временах найдено уважаемым Nail58 в опубликованном в 1851 году сообщении австрийского генерального посланника о Мариуполе. В нем говорится: «<...> Старейшие ещё живущие греки рассказывали, что когда они прибыли в это место, то встретили на склонах залива несколько обедневших деревень, населённых кочевниками и живущих грабежом, имеющих на острове в устье Кальмиуса маленькую деревянную церковку с иконой св. Георгия [здесь и далее – все выделения фрагментов текста жирным шрифтом сделаны автором статьи]. Как только население узнало, что все земли отданы грекам на поселение, они просто ушли отсюда <...>»<sup>6</sup>. В этих «кочевниках, живущих грабежом» нетрудно узнать бывших запорожцев (недолюбливать которых у греков, как у недавних подданных Крымского ханства, были весьма серьезные и болезненные основания). Ну а на момент прихода греков единственной действующей церковью в радиусе 50 верст была наша Свято-Николаевская (еще была недостроенная церковь во имя Святой Мученицы Марии Магдалины, но она находилась в верхней части города, очень далеко от Кальмиуса). Но подробнее этот момент (и этот «остров») мы обсудим в одном из более поздних разделов данной статьи.

В мариупольском же краеведении тема казацкой Свято-Николаевской церкви была впервые затронута в коллективном труде преподавателей местной Александровской гимназии, который был издан в 1892 году под названием «Мариуполь и его окрестности» (далее - МИЕО). Собственно, с появления этой книги и принято вести отсчет существования мариупольского краеведения. В главе «Православные храмы в Мариуполе» директор гимназии Г.И. Тимошевский дал достаточно полное описание истории данной церкви<sup>7</sup>, почти дословно цитируя большими отрывками трех перечисленных выше авторов, а также дополнительно использовав описание Брауном старинного железного креста из греческого села Богатырь. Это описание у Тимошевского занимает почти 3 страницы, а так как в дальнейшем рассказе мы будем напрямую обращаться к данным этих же «исходных» авторов в соответствующих разделах нашей статьи, то приводить целиком «дублирующий» текст самого Тимошевского мы здесь не станем. Отметим лишь те места, которые Тимошевский вставил от себя или где он отклонился от скопированного им текста.

1. По поводу возможного места расположения Свято-Николаевской церкви Тимошевский не смог найти никаких данных, поэтому ему оставалось только предполагать: «Церковь эта, вероятно, помещалась в крепости». Скорей всего под «крепостью» он имел в виду старый редут на холме за ДОСААФом.

2. По поводу каменной часовни, обнаруженной при устье Кальмиуса губернатором Чертковым при его объезде Азовской губернии летом 1776 года, Тимошевский предполагал такое: «Где дедалась каменная часовня – неизвестно. Не послужила ли она основанием для алтарной части Екатерининской церкви?». Обращаем внимание уважаемого Читателя, что Тимошевский четко различал Свято-Николаевскую церковь (возвращенную в Кальмиус в 1777 году) и предшествовавшую ей «каменную часовню» и помещал их в разных местах. Церковь он

<sup>5</sup> Переселение греков из Крыма в Азовскую губернию и основание Готфийской и Кафийской епархии// ЗООИД, т.1, 1844, с.201-202

<sup>6</sup> Geschichtliche und statistische Notizen über den District von Mariupol am Aowischen Meere nach einem Berichte der k.k. General-Agentie in Mariupol // Mittheilungen über Handel, Gewerbe und Verkehrsmittel, so wie aus dem Gebiete der Statistik überhaupt, nach Berichten an das k.k. Handels-Ministerium/herausgegeben von der Direction der administrativen Statistik. (Zweiter Jahrgang). – Wien: aus der k.k. Hof – und Staatsdruckerei. – 1851. – S. 223-230. Перевод на русский язык выполнен уважаемым Vicky: [http://papacoma.narod.ru/articles/mariupol\\_1851\\_de.htm](http://papacoma.narod.ru/articles/mariupol_1851_de.htm)

<sup>7</sup> Мариуполь и его окрестности. Мариуполь, 1892, с.114 - 117.

предполагал в старом редуте (восточнее нынешнего здания ДОСААФа), а часовню гипотетически видел в алтарной части позднейшей Екатерининской церкви (I-й Харлампиевский собор), которая размещалась в 130 м западнее редута, на юге нынешнего скверика на площади Освобождения. В дальнейшем некоторые мариупольские краеведы, которые в эти нюансы особо не вникали, скрестили обе эти гипотезы и выдвигали уже версию о том, что первый Харлампиевский собор был просто перестроенной греками казацкой церковью. Например, у Льва Яруцкого: «Предполагают, что ее [Екатерининскую церковь - LV] возвели на фундаменте Свято-Николаевской церкви, построенной еще запорожцами»<sup>8</sup>. Но это уже совсем умозрительные гипотезы...

3. В своем рассказе Тимошевский ошибочно пишет, что из Павлограда на Солоной эта церковь сначала была перенесена в Никитинскую крепость, а уже оттуда – в село Александровку. На самом деле перенос в Никитинскую крепость так и не произошел, все осталось только на уровне переписки.

4. В конце своего рассказа о данной церкви Тимошевский приписывает от себя: «Память же о церкви св. Николая среди русского населения в Мариуполе не умирала и, по свидетельству протоиерея Текежи, в Харлампиевском соборе во внимание к тому, что святитель Николай русскими очень чтится, устроен ему с левой стороны предел». Здесь речь идет о II-м Харлампиевском соборе, освященном в середине 1840-х годов и стоявшем в районе западного корпуса здания ДОСААФа. В этом храме было три предела, самый левый из них был посвящен святителю Николаю. Память о казацком храме еще в каком-то виде существовала, но уже без каких-либо подробностей. По крайней мере ни архиепископу Гавриилу в 1828 и 1830 годах, ни Тимошевскому в начале 1890-х годов не удалось ничего выяснить о его былом местонахождении. Ну а в дальнейшем знания о данном храме аборигены черпали уже из работ историков и местных краеведов, и, в первую очередь, из самой МИЕО.

Также в своем рассказе Тимошевский еще умудрился исказить одну важную цитату о нашей церкви, но об этом мы расскажем в 11-й главе.

С момента публикации в 1892 году МИЕО прошел уже век с четвертью. За это время к теме казацкой церкви неоднократно обращались и историки, и местные краеведы. Но в их работах почти не встречается новая, самостоятельно обнаруженная информация. Лишь немногие из авторов обращались напрямую к данным Скальковского, Гавриила и Феодосия (да и то, приблизиться по полноте охвата темы к Тимошевскому не удалось больше никому). А в подавляющем большинстве случаев такие работы представляют собой просто очередные пересказы статей краеведов-предшественников. Причем многие из затрагивавших эту тему авторов обладали весьма смутными познаниями и в церковной, и в казацкой тематике, и не предпринимали никаких попыток критического анализа написанного предшественниками материала. При такой многократной и многоэтапной перекомпиляции скомпилированных кем-то ранее компиляций, накопление откровенных глупостей и явных фейков в них (почему-то) шло в геометрической прогрессии, поэтому рассматривать их здесь особого смысла, к сожалению, нет. Некоторые особо впечатляющие фрагменты такого «старого краеведения» мы для примера приведем в последней 13-й главе данной работы.

Напоследок отметим, что документы по истории этой церкви или с упоминанием каких-то связанных с ней событий сохранились в весьма немалых количествах, особенно в архивах Запорожского Коша и в церковных архивах. Просто их поисками нужно заниматься на регулярной основе. Если же Вам, уважаемый Читатель, на Вашем пути доведется встретить унылого субъекта,

---

<sup>8</sup> Лев Яруцкий. Исчезнувшие храмы Мариуполя, 1990, <http://old-mariupol.com.ua/ischeznuvshie-xramy-mariupolya/>

горестно плачущегося о том, что документов по этой теме и этому времени совсем нет, так как они все «знищені клятими москалями та комуняками» - дайте ему сразу в лоб тяжелой линейкой, и можете даже не интересоваться его именем - это просто не очень умный человек. Автору данной статьи такие люди встречались, к сожалению, неоднократно и оставили после себя просто феерические впечатления... В объективной же реальности значительная часть архивных собраний XVIII века вполне себе благополучно пережила все войны и неурядицы последних двух веков и продолжает терпеливо ожидать своих исследователей. К тому же запорожские документы многократно публиковались целыми сборниками в имперское и в советское время, продолжают они периодически публиковаться и сейчас. Здесь особенно хочется отметить серию «Архив Коша Новой Запорожской Сечи», в которой **сплошняком** печатались документы фонда 229 ЦГИАК, содержащего основную часть сохранившихся архивов запорожского Коша времен Новой Сечи. С 1994 по 2008 год были опубликованы один том с перечнем дел данного фонда и пять томов документов первых 28 дел (из примерно четырехсот имеющихся в данном фонде), после этого, к сожалению, дальнейшая публикация была приостановлена из-за прекращения финансирования. К дореволюционному времени относятся и частые публикации церковных документов в сборниках и специализированных церковных журналах. Также иногда упоминания отдельных документов, связанных с нашей церковью, можно найти и в общих работах, посвященных истории Запорожья и его церковной жизни. Так что периодически документы по нашей теме удастся найти даже без обращения в архивные организации. Но для сбора бóльшего массива сообщений по нашей церкви, все-таки, должна вестись целенаправленная работа. Будем надеяться, что кто-нибудь когда-нибудь еще поставит перед собой такую благородную задачу...

## 2. Немного теории

К сожалению, в XX веке товарищи большевики очень качественно боролись с «опиумом для народа», поэтому знания о канонах родной религии у очень многих наших земляков-современников (включая сюда и самого автора) находятся на удручающе низком уровне. Поэтому нам придется провести для таких недостаточно подкованных в основах Православия Читателей небольшой «ликбез» по нескольким принципиальным вопросам, без знания о которых дальнейший рассказ останется для них во многих принципиальных нюансах просто непонятным. Ну а те уважаемые Читатели, которые остались воцерковлены в лоне нашей Церкви и которые хорошо разбираются в таких вопросах – могут смело пропускать данную главу.

Итак, первый нюанс – это отличия часовни от церкви (да, приходится и это объяснять!):

- **Часовня** - небольшое здание (см. рис.2.2а), предназначенное для личной или общественной молитвы - преимущественно для богослужений суточного богослужебного круга, в том числе «часов», откуда и происходит название. Грубо говоря – это небольшой домик (или просто специально выделенное помещение) с несколькими иконами, в который можно прийти и помолиться Богу, поставить свечку перед иконой. Если «под рукой» есть священник, то он может в часовне периодически или по мере надобности проводить большинство богослужебных обрядов для прихожан – молебны за здоровье, о болящих и путешествующих, молебны перед началом какого-то важного дела и благодарственные, венчание, отпевание, поминальную службу и т.д. Но вот самый главный для православных христиан обряд – **Божественную литургию** - в часовне производить **нельзя**, т.к. в ней отсутствует алтарь (об этом ниже). Часовня должна быть освящена представителем черного или белого духовенства (об отличиях духовенства - тоже ниже) по специальному обряду. Какого-либо специального разрешения на ее строительство не требовалось, и часовню мог устроить любой человек, который считал это необходимым и располагал

необходимыми средствами. Каких-то особых требований к устройству часовни (кроме, пожалуй, наличия креста над ней) или к ее ориентации относительно сторон света – нет.

- **Церковь.** Ее основное отличие (по назначению) от часовни в том, что в ней (помимо всего вышеперечисленного) можно проводить и литургии, при которых христиане причащаются «телом и кровью Христовой» (специально освященными на алтаре хлебом и вином). С учетом того, что человек, который долго не был на причастии и на исповеди, мог быть отлучен за это от Церкви, к наличию возможности участвовать в литургии тогда относились со всей серьезностью и вниманием.



Рис.2.1. Причащение Святых Тайн

В случае, если принималось решение о строительстве новой церкви или об «апгрейде» **существующей часовни в церковь**, в середине XVIII в. для этого было необходимо выполнить несколько действий. Во-первых, нужно было письменно обратиться к правящему архиерею епархии, в которой находится храм (запорожскому Кошу по этому поводу приходилось обращаться к киевскому митрополиту), с просьбой об устройстве нового храма и с подтверждением наличия у тамошней общины достаточных средств для его содержания. Если вышеупомянутый архиерей считал эту просьбу обоснованной – он освящал и подписывал специальный платок - **антиминс** (про него более подробно чуть ниже). После получения письменного известия об одобрении просьбы, местная община могла уже приступать к строительству новой церкви или к переделке существующего здания другого назначения (в том числе и часовни), чтобы она стала пригодной для устройства церкви. Распишем подробнее, какие основные доработки требовались при переделке часовни в церковь. В этом случае основным мероприятием становилось устройство с восточной (желательно) стороны уже существующего здания специально выделенной алтарной части, в которой будет размещаться церковный престол. Это можно было сделать или отделением части внутреннего пространства бывшей часовни (с неизбежным уменьшением «полезной площади» помещения и, соответственно, количества помещающегося в ней народа, см. рис. 2.2б), или разбиралась часть восточной стены и снаружи для алтаря пристраивалась дополнительная пристройка (чаще всего полукруглая в плане, см. рис. 2.2в). В обоих вариантах здание подвергается довольно значительной переделке и дооборудованию, в частности необходимо было изготовить и смонтировать иконостас с «Царскими вратами», закрывающими доступ в алтарную часть.

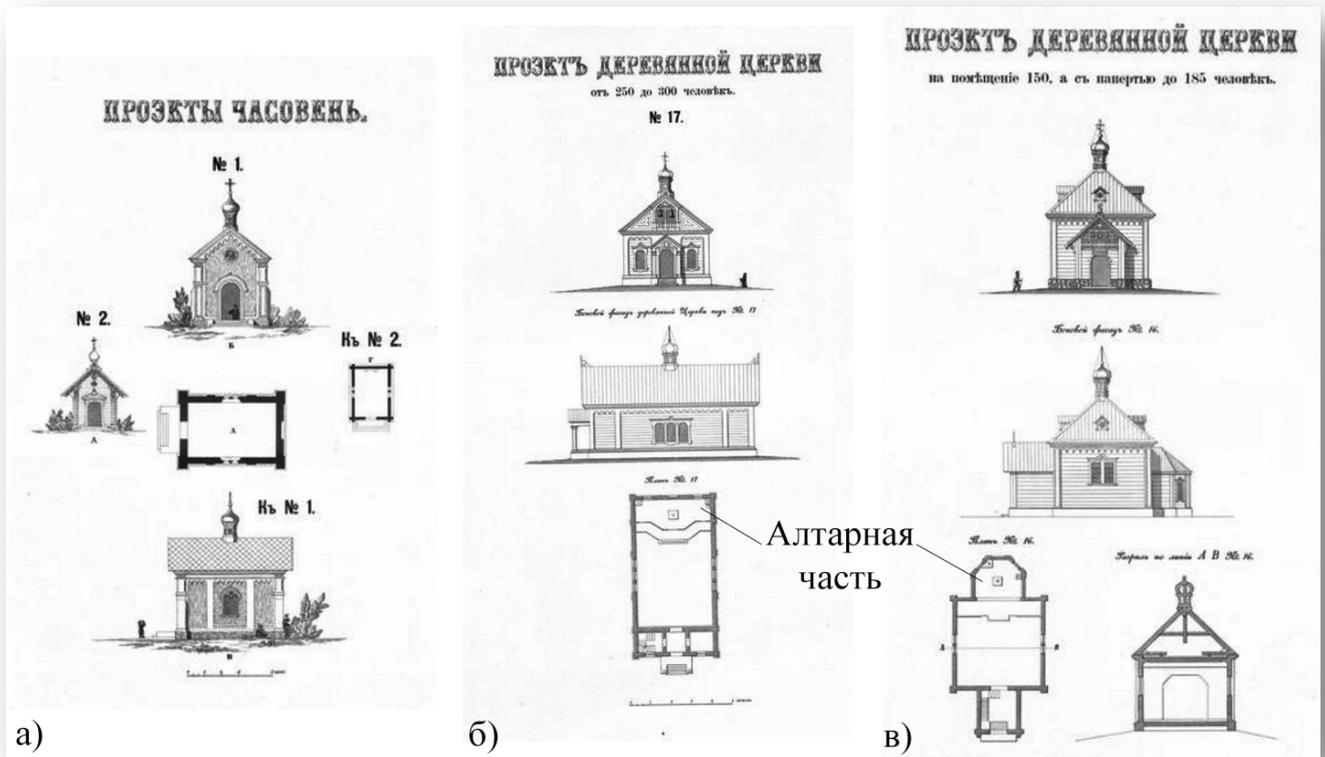


Рис.2.2. Типы простейших православных часовен и церквей: а) часовня; б) церковь с выделением части помещения под алтарную часть; в) церковь с размещением алтаря в специальной пристройке к зданию<sup>9</sup>.

**Антиминс** (греч. «анти» - «вместо», а лат. «mensa» – «стол», «трапеза», т.е. «вместопрестолie») - в Православии четырёхугольный, из шёлковой или льняной материи плат со вшитой в него частицей мощей какого-либо православного святого или мученика, лежащий в алтаре на престоле. Во время литургии антиминсом покрывают алтарь и на него ставятся сосуды для Причастия. К антиминсу, как и к престолу, могут прикасаться только лица, имеющие духовный сан, причем они должны быть соответствующе одеты при этом.

<sup>9</sup> Атлас планов и фасадов церквей, иконостасов к ним и часовень, одобренных для руководства при церковных постройках в селениях. - М., 1911, с. 1, 20, 21. <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/23261#mode/inspect/page/1/zoom/4>



Рис.2.3. Эпизоды чина освящения нескольких антиминсов митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Владимиром (2006 г.): а) вкладывание частички святых мощей в кармашек позади антиминса и б) подписание митрополитом антиминса; в) развернутый на престоле антиминс Спасо-Преображенского собора в Санкт-Петербурге; г) таинство литургии, на антиминсе стоят священные сосуды<sup>10</sup>.

История возникновения антиминсов такова. В первые века христианства архиереям (епископам городов) положено было лично освящать передававшейся им Божьей благодатью престолы (четырёхугольные столы, символизирующие Трон Божий) всех тогдашних церквей, чтобы в них можно было в дальнейшем проводить религиозные службы. Но по мере роста количества и географических пределов распространения своей паствы, архиереи уже физически не могли лично посетить каждый храм для его освящения. А оставлять такой процесс без контроля было никак нельзя, так как тогда в удаленных частях епархий храмы начинали лавинообразно размножаться – без учета финансовой возможности их дальнейшего содержания и без контроля качества и «каноничности» привлекаемых для службы в них священников, среди которых появлялось много самозванцев и открытых еретиков. Тогда и были придуманы антиминсы – специальные платки, которые после освящения, вложения в них частички мощей и подписания для конкретной церкви одним из имеющих на это право высших архиереев, отправлялись в этот храм. А там, уже с использованием данного священного антиминса местный батюшка освящал и сам храм, после чего антиминс продолжал использоваться в нем для литургий. Причем, что интересно, у греков сохранился обычай, что в тех храмах, которые были некогда освящены по полному обряду лично архиереями, антиминс не требовался. Но Русская Православная церковь еще в 1675 году

<sup>10</sup> Интернет-фотоальбом по антиминсам <https://azbyka.ru/parkhomenko/foto/znakomstvo-s-pravoslavnyim-hramom/antimins/1/image/fotor1704/>

постановила, чтобы антиминсы были во ВСЕХ церквях, не зависимо от истории их освящения. Под это дело была подведена какая-то религиозная основа, но, есть подозрение, что главным мотивом была все-таки наша родная склонность к (безуспешной) борьбе с нашим традиционным бардаком путем параноидального учета, контроля и бюрократии. В таком подходе были и положительные моменты, и отрицательные, но они к теме нашей статьи совсем не относятся. Отметим лишь, что правило об обязательности наличия антиминсов в церквях выполнялось и контролировалось очень жестко. И если поначалу в церквушках наших степных казачеств – донского и запорожского – в вопросах строгости применения антиминсов еще могли быть какие-то шатания, то к описываемому времени – середине XVIII века – тяжелая рука Москвы навела порядок в этом вопросе и у них.



Рис.2.4. Пример антиминса, освященного при императрице Елизавете Петровне<sup>11</sup>

В XVIII веке антиминсы обычно массово печатались на ткани с помощью типовых гравированных печатных матриц. Оставлялись пустыми лишь места, куда при освящении антиминса дописывали вручную: дату освящения; название храма, для которого он предназначался; имя епископа, преподавшего антиминс; имя правящего императора. Иногда добавлялась еще какая-то информация.

О важности антиминсов в тогдашней церковной практике говорит еще и то, что при путешествиях по своим епархиям местные архиереи попутно проверяли состояние и условия хранения антиминсов, а также соответствие подписей на нем. И горе было тому батюшке, в чьем приходе с этим делом обнаруживался какой-то беспорядок! Могли и церковь опечатать... Если же антиминсы приходили в плохое состояние из-за своего возраста (например: «святой антиминс уже чрез тридцать девять лет пришел в обветшалость и потемнение»), то запрашивался новый освященный антиминс, а старый должен был сдаваться в епархию.

<sup>11</sup> Интернет-фотоальбом по антиминсам <https://azbyka.ru/parkhomenko/foto/znakomstvo-s-pravoslavnyim-hramom/antimins/1/image/fotor1704/>

**Еще один важный момент.** В зависимости от назначения нового храма, архиерей, выдающий **антиминс**, может подписать его или как постоянный, или как походный (в дальнейшем его тип изменить невозможно!). Наиболее частый и распространенный тип антиминса – **постоянный**. Он выдается на обычную церковь, где и должен находиться вплоть до момента ее ликвидации. И даже в случае, если по какой-либо причине понадобится перенести эту церковь на новое место – старый антиминс может быть затребован к сдаче. Просто так, без официального разрешения, взять и перенести такой антиминс в другую церковь для продолжения служения уже в ней – категорически запрещено. Другое дело – **походный** антиминс. Он предназначается для походных церквей и изначально предполагает возможность частой ее перевозки и оперативной организации (после небольшого обряда) полноценных богослужений в любых приспособленных или не очень приспособленных помещениях, палатках и даже под открытым небом просто в полевых условиях. Такие походные церкви в силу понятных причин были очень популярны в армии и у казаков. Историю как раз такой походной церкви мы и будем рассматривать в данной статье.

**Черное и белое духовенство.** В православии духовенство делится на черное (монашество) и белое (приходское, могут иметь жену). В каждом из них есть своя иерархия. В низовых звеньях эти две иерархии в основном совпадают (хотя и имеют различные наименования), но высшие саны духовенства – от епископа и выше - открыты только для черного духовенства. Служить священниками при церквях (а при их отсутствии и при часовнях) имеют право представители обоих видов духовенства, единственное существенное отличие – монашествующие священники не имели права проводить обряд венчания. Монахи Киево-Межигорского монастыря, с которыми обычно и имели дело запорожцы, относились, как нетрудно догадаться, к черному духовенству, поэтому венчать желающих вступить в законный брак они не могли. Пока запорожцы еще твердо придерживались своего древнего обета безбрачия – это большой проблемой не было. Но в тех местах Вольностей, где примерно с середины XVIII века благодаря целенаправленной политике Коша стали появляться поселения переселенцев-крестьян, благодаря быстро растущему женскому поголовью моральная устойчивость местных казаков резко слабела, так что многие переставали считать насмешливое звание «сиднюк» таким уж оскорбительным для себя... В таких краях приходилось уже и о белом духовенстве задумываться, чтобы уж совсем дело до греха не доводить.

Теперь, когда уважаемый Читатель уже достаточно вооружен необходимыми знаниями, мы можем идти дальше.

### **3. Первое десятилетие пребывания запорожцев в Северном Приазовье.**

История и причины прихода запорожцев в Северное Приазовье и овладения ими здесь значительными территориями - подробно разбирались ранее<sup>12</sup> и в данной статье повторно разбираться не будут. Кратко упомянем лишь то, что после установления в октябре 1742 года новой русско-турецкой границы по Берде и Конке (Конским Водам), уже весной 1743 года Кош, не согласовав своих действий с имперскими властями, отправил в Северное Приазовье отряд полковника Василия Кишенского. Не совсем адекватно поняв тогдашнюю ситуацию, Кош поставил перед этим полковником задачу присоединить к Вольностям ВСЕ отошедшие от Турции к России территории Северного Приазовья вплоть до старой русско-турецкой границы 1714 года в низовьях Дона. Кишенский с жаром попытался выполнить поручение, но и изначально провокационный характер этого задания, и свойственные самому Кишенскому крайне бескомпромиссный и

---

<sup>12</sup> LV. Кальмиусская паланка. Ревизия начал (Тезисы к докладу) // Мариупольский краеведческий сборник / ред. кол. Р.П.Божко, С.Д.Буров, В.Н.Вереникин и др. - Мариуполь: Изд-во "Рената", 2010, с.21-27

конфликтный характер (не раз проявлявшийся и впоследствии<sup>13</sup>) привели к тому, что он быстро вдрызг разругался с донцами. В результате «хотелки» запорожцев оказались выполнены не в полном объеме, и фактическая граница между двумя казачьими Войсками на какое-то время закрепились по Миусу. Так Василий Максимович Кишенский положил начало сварам за рыбные ловли между запорожцами и донцами, которые в дальнейшем периодически сотрясали наш край на протяжении следующих трех десятилетий.



Стоит акцентировать внимание уважаемого Читателя, что вплоть до 1742 года **ВСЕ** Северное Приазовье веков было татарской землей (с некоторыми оговорками по периоду 1696 – 1714 годов). Здесь в течении пяти веков жили и кочевали различные роды татар, творивших свою Историю, довольно неплохо отображенную в первоисточниках. Здесь же проходила стратегическая для татар приморская дорога между Перекопом и Азовом.

Оформившиеся же в XVI веке запорожские и донские казаки периодически устраивали набеги на Северное Приазовье с целью обидеть местных кочевников или для прорывов в Азовское море. И только ближе к концу XVII века начинают фиксироваться первые попытки казаков наладить мирные хозяйственные связи с данным регионом. Но это делалось только в мирное время и с разрешения местных татарских и турецких властей, и к оседанию здесь казаков тогда так и не привело. Никаких признаков существования в Северном Приазовье постоянных или временных казачьих поселений ранее 1743 года в источниках не содержится.

Поэтому задача найти на территории Мариупольщины следы древних казацких церквей является, мягко говоря, трудноосуществимой в связи с полным их отсутствием здесь вплоть до середины XVIII века. А вот вероятность находок остатков татарских мечетей – далеко не нулевая. Но это уже тоже выходит за рамки данной статьи.

Для контроля за этой новой «границей» Кишенский стал «на речке Среднем Еланчике паланкой<sup>14</sup>» (видимо, на Сухом Еланчике). Эта паланка просуществовала около 3 лет. И, похоже, именно здесь фиксируется первое (известное на сей момент) свидетельство о каком-то культовом сооружении у тамошних запорожцев.

На фоне непрекращающихся раздоров между двумя казачьими Войсками за спорные территории в Северном Приазовье (при крайне слабых обоснованиях своих требований с обеих сторон конфликта), центральное правительство весной 1746 года приняло волевое решение о разделе этой территории между донцами и запорожцами по Кальмиусу. Когда эта информация по неофициальным каналам дошла до тогдашней столицы донцов Черкаска, глава Войска Донского войсковой атаман Данила Ефремович Ефремов, которого уже крайне достали продолжавшиеся уже три года постоянные жалобы подчиненного населения на грабежи со стороны запорожцев, не стал дожидаться официальной публикации и присылки этого указа и решил ускорить уход запорожских казаков с территории западнее Миуса. В это же время рядом, в крепости святой Анны (в 4 верстах от Черкаска) заседала комиссия во главе с поручиком стародубского полка киевского гарнизона Михаилом Швиковым, которая пыталась расследовать некоторые из особо тяжелых предыдущих уголовных происшествий между донцами и запорожцами, для чего здесь находилась довольно большая группа запорожских и донских казаков, затребованных в качестве участников или свидетелей тех событий. Ефремов попытался привлечь Швикова к участию в планируемом им «мероприятии», чтобы придать ему максимально-возможный законный и легитимный вид. Но Швиков, который за время предыдущих разборок уже успел основательно поднатореть в тонкостях

<sup>13</sup> Василь Максимович Кишенський - постать-легенда та реальність / В. Полторак // Козацька спадщина. — 2006. — Вип. 3. — с. 182-186 <http://dspace.nbu.gov.ua/handle/123456789/90861>

<sup>14</sup> Там же, с. 185, ссылка на ЦГИАК (Киев), ф.229, оп.1, д.319, л.5, 5об., 9.

сложных взаимоотношений между двумя Войсками, хорошо понимал всю авантюренность и незаконность намерений атамана и наотрез отказался участвовать в них<sup>15</sup>.

Ефремов не сильно расстроился отказу Швикова, и по его приказу 1 апреля 1746 года за Миус все-таки вторгся отряд полковника Тимофея Туроверова<sup>16</sup>. Под его командой были значительные силы – 600 человек конницы из донцов и базовых калмыков, а также до 1000 человек пехоты «в шестнадцати легких судах», на которых была и судовая артиллерия из небольших пушечек-фальконетов (на наличие которых потом особенно обижались запорожцы). Донцы начали настойчиво (и не слишком вежливо) выдворять запорожцев за Кальмиус. Запорожцы были категорически против своего выдворения с занятых ими еще в 1743 году территорий, они нередко грозились взяться за оружие, но все-таки донцам удалось более-менее мирно убедить их уйти. Немало этому помогло то, что на тот момент запорожские силы здесь были несоразмерно меньшими, чем напавший отряд. По подсчетам донцов, здесь они встретили около 2 тысяч или несколько более человек, но из них и «сто человек действительных козаков не было», а остальные были приходящими наемными работниками, большей частью из Малороссии<sup>17</sup>. Имущество изгнанных запорожцев было частично разграблено и вывезено донцами, частично уничтожено. Также донцы задержали 18 человек беспаспортных бродяг, которых увезли с собой. Впрочем, запорожцы так и не дали донцам проверить исправность «пашпортов» у основной массы работников-малороссиян и увели их с собой за Кальмиус. Так в начале апреля 1746 года закончилась история Еланчикской паланки, и с этого момента основным центром запорожцев в Северном Приазовье на следующие 22 года стала Кальмиусская паланка (по некоторым данным можно предположить ее существование уже в 1745 году).

Одним из первых дел, которые тогдашний «калмиуский полковник Леонтий Федоров» (видимо он же – Леонтий Федорович (?) Таран) сделал после окончания эвакуации на Кальмиус, была отправка письма к уже упоминавшемуся поручику М.Швику, через которого запорожский полковник надеялся надавить на донцов в этой неприятной ситуации. Также он подал весть о случившемся и запорожским представителям, находившимся при комиссии Швикова, которые после этого заявили свой протест на действия донцов и засобирались в обратную дорогу. Вот что говорилось в письме калмиусского полковника Швику: *«что донцы вовся их [запорожцев] разорили и как с Миуса, так и изо всех запорожских кос козаков и их с [Еланчикской] поланки согнали, и церковь раскидали, и много казацкой худобы пограбили и поразорили во многом числе сухим и водяным путем и с пушками, и которые де их запорожские козаки были в лотках, от страха уходя под час ветру худобы потопили и сами потонули. И согнали по самой Калмиус, и ныне стоят поланкою тамо, и козакам добуватца негде <...>»<sup>18</sup>.*

Это письмо писалось в условиях еще не прошедшей общей паники и неразберихи, поэтому информация в нем, к сожалению, очень неполная и не везде достоверная. Так, из составленных запорожцами весьма подробных реестров (основного и дополнительного) утраченного тогда имущества можно узнать, что четыре лодки, принадлежавших казакам Федору Шандре, Грицку Шпаку, Тимошу Смирному и Дмитрию из Корсунского куреня, действительно затонули вместе с вывозимым на них имуществом из-за резкого ухудшения погоды во время эвакуации, но вот момент про утонувших на них казаках из дальнейшей переписки пропал и в вину донцам более не предъявлялся. Так что, видимо, никто из «лодочников» тогда не утонул, это дело ограничилось только материальными убытками для них. Кстати, судя по тем же реестрам, упоминаемая здесь «худоба» в данном конкретном случае означает не домашний скот, а просто движимое имущество.

<sup>15</sup> Д.И. Эварницкий. Источники для истории запорожских козаков. Т. 2, Владимир, 1908, с.1476-1477

<sup>16</sup> Там же, с.1460-1462, 1476-1479, 1483-1485, 1579-1583, 1635-1636, 1641-1642

<sup>17</sup> Там же, с.1461

<sup>18</sup> Там же, с.1477, 1635-1636

Вообще подавляющая часть упомянутого в этих реестрах имущества относится к оборудованию рыбных заводов, необходимым материалам для засолки рыбы или к уже готовой продукции этих заводов. По ним можно хорошо изучать казацкий рыбный промысел на морских косах в это время.

Что касается данной церкви – то пока единственное ее упоминание содержится только в этом письме, в дальнейшей переписке по этому делу, а также в подробнейших перечнях утраченного запорожцами имущества она более нигде не упоминается, что довольно странно. Судя по контексту, она должна была находиться при Еланчикской паланке. Но была ли это полноценная действующая церковь, или только строящееся под церковь здание, или еще что-то – никакой информации нет. Также нет упоминаний о дальнейшей судьбе ее имущества и антиминса, хотя такое событие, как разрушение действующей церкви одним православным Войском у другого православного Войска в условиях Российской империи было тяжелым преступлением. Само слово «раскидали» (о церкви) – похоже на правду. Хотя незадолго до похода пьяный атаман Ефремов красочно хвастался своим гостям (среди которых присутствовали и запорожские депутаты), что он запорожцев с приморских кос сгонит и их «строение» сожжет (а при случае и самого кошевого повесит)<sup>19</sup>, на трезвую голову он, похоже, дал полковнику Туроверову значительно более осторожные указания. Конкретно в том походе донцы (видимо по четкому приказу свыше) старались особо ничего не жечь, обычно в описаниях тех событий употребляется словосочетания типа «шиши их разметать» и «строения их подрубливая разорить». Случаи сжигания имущества в связи с данными событиями в запорожских жалобах, составленных по горячим следам, почти не упоминаются. И лишь в материалах последующих разборок Торской комиссии 1747-1748 г., которая расследовала в том числе и события этого похода, можно найти, что запорожцами в вину Туроверову ставилось дело «о спаленом козаку Станиславском»<sup>20</sup>. Но судя по тому, что Тимофей Туроверов позже, в 1752 году, все еще был походным атаманом, повесить на него эту смерть так и не удалось. Так что, вероятно, случаи сожжений имущества объясняются скорее «эксцессами исполнителей», где-то донские командиры не досмотрели за действиями подчиненных.

Возвращаясь к интересующей нас теме. Пока из документов дела удалось найти только несколько фактов, которые возможно, прямо или косвенно связаны с темой данной церкви. Так, одним из людей, арестованных во время похода и увезенных донцами с собой, был некий беглый чернец (монах) из Троицкого Мигулинского монастыря на Дону<sup>21</sup> (не он ли служил в той церкви?). А в еще одном недатированном реестре, пописанном кошевым писарем Алексеем Петрушей, где вперемешку собраны обиды запорожцам от донцов за период с 1743 и как минимум по 1745 год (возможно и несколько позже), упоминается, что у казака Кисляковского куреня Ивана Черевка донцы помимо уничтожения его лодки (ценой 25 руб.), отобрали еще сотню «делей» (сетки, применяемые для изготовления рыболовных неводов) что-то для рыболовных сетей) на сумму 12 руб., а также «ладану в два рубли, воску в один рубль двадцать копеек, образов в три рубли»<sup>22</sup>. Но где и когда это произошло и имеет ли отношение к еланчикской церкви (ктитор церкви?) или это просто предметы личного употребления особо богобоязненного казака – неизвестно. Для полноты картины упомянем еще в связи с событиями апреля 1746 года, что донской полковник Гарбузлаев у Карпа, казака Титаровского куреня, среди прочего скудного имущества отобрал «икону одну в пятьдесят копеек»<sup>23</sup>. И более НИКАКИХ следов религиозной тематики в опубликованных Яворницким материалах этого огромного Сенатского дела (1260 листов, толщина связки 0,5 аршина!)<sup>24</sup>, относящихся к событиям в Призовье, обнаружить не удалось.

<sup>19</sup> Д.И. Эварницкий. Источники для истории запорожских козаков. Т. 2, Владимир, 1908, с.1579-1580

<sup>20</sup> Архив Коша Новой Запорожской Сечи. Корпус документов, 1734-1775, Т.2, К., 2000, с.190

<sup>21</sup> Д.И. Эварницкий. Источники для истории запорожских козаков. Т. 2, Владимир, 1908, с.1461

<sup>22</sup> Там же, с.1576

<sup>23</sup> Там же, с.1484

<sup>24</sup> Там же, с.1293-1701

Чтобы закончить тему про эту церковь – предшественницу нашей Николаевской церкви в Кальмиусе, выскажем свое **предположение** о возможном ходе событий в связи с этой церковью. Может быть, что в связи с отсутствием на тот момент свободных монахов Киево-Межигорского монастыря для этого наиболее отдаленного от Коша уголка Вольностей, местные полковники могли воспользоваться услугами беглого монаха из одного из донских монастырей. Причем бывали случаи, что у таких авантюристов могли иметься в «личном пользовании» и «незаконные», нелегально добытые где-то старые церковные антиминсы (хотя официальная церковь с этим нещадно боролась). При аресте такого человека можно было бы ожидать, что он забрал бы «свой» антиминс с собой. А это одним махом возвращало церковь в статус обычной часовни. Донцы тогда разграбили имущество запорожских казаков лишь частично, многое позволили тем вывезти за Кальмиус. Вероятно, донцы не стали брать грех на душу и также позволили вывести с Еланчика на Кальмиус и церковное имущество (кроме антиминса), а уничтожили («разметали») только само опустевшее здание, как и остальные здания Еланчикской паланки (отряд полковника Туроверова тогда не пытался закрепиться на очищенных территориях, а уже к концу апреля возвратился в Черкасск, так что сохранять здесь прежние запорожские строения им было не с руки). В этом варианте было бы не трудно объяснить отсутствие в документах по этим событиям апреля 1746 года последующих жалоб запорожцев на разграбление этой церкви и ее имущества, а вывезенная в Кальмиус церковная утварь позволила бы быстро устроить богослужения уже на новом месте. Но, очень похоже, что в Кальмиусе с этого момента действовала не церковь, а именно часовня. Иначе сложно объяснить отсутствие упоминаний здесь церкви вплоть до самого 1754 года, хотя богослужения здесь каким-то образом велись и до 1754 года. Но, повторимся, насчет судьбы церкви на Еланчике - это лишь **рабочая гипотеза**, которая пока особо ничем не подтверждена, так что, вполне возможно, что по мере находки новых документов эти события еще будут дополняться и уточняться.

#### 4. Основание Свято-Николаевской церкви. Письмо Киевского митрополита.

Об обстоятельствах основания этой церкви пока известно только два документа. Это грамота Киевского митрополита Тимофея (Щербацкого) начальнику запорожских церквей иеромонаху Макарию от 9 февраля 1754 года<sup>25</sup> и рапорт кальмиусского полковника Андрея Порохни кошевому атаману Даниле Стефановичу Гладкому от 16 мая того же года. Они опубликованы в I-м томе «Архива Коша Новой сечи», вышедшем в 1998 году, и помещены нами полностью в приложении 1 к данной статье. Эти документы невелики по объему, но очень богаты по содержанию. Сейчас мы постараемся извлечь из них максимум полезной информации.

Итак, вся эта история завертелась в самом начале 1754 года (вероятно, ее предваряли какие-то переговоры внутри запорожской администрации, но об этом мы ничего не знаем). 20 января кошевой атаман Войска Запорожского Д.С.Гладкой отправил из Сечи письмо Киевскому митрополиту Тимофею (Щербацкому), в котором просил у него следующее:

1. Два постоянных антиминса для сечевой Покровской церкви. В последующем тексте приводится описание их материала и назначения: *«они два антиминси на неподвижном основании – еден материалний [т.е. из какой-то дорогой материии - LV], для праздничних и высокаторжественних дней, а другий полотняний для повседневногo с[вя]щеннослужения»*. Также запрашивался один походных антиминс в «старую походную сечевую» церковь. Для чего казакам понадобилось обновлять антиминсы в уже существующих церквях (старую походную

<sup>25</sup> Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. Т. 1/ упор. Л.З.Гісцова, Д.Л.Автономов и др., Киев, 1998 г., с.121-122

сечевую церковь запорожцы привезли с собой из Крымского ханства, а «стационарную» сечевую Покровскую церковь возвели и освятили еще в середине 1730-х) – в дошедших до нас документах, к сожалению, не раскрывается. Может, их внешний вид уже оставлял желать лучшего? Или были какие-то другие соображения? Что интересно, о дальнейшей судьбе старых антиминов этих двух церквей в известных нам документах не говорится ничего, нет в них и требований по их сдаче в митрополию.

2. «Мира с[вя]таго для помазания новоприходящих тамо з желанием введения в православну веру геретиков и разных языков крещения». Миро (специально приготовленное и освященное ароматическое масло, используемое в таинстве миропомазания) было нужно для крещения в Православие «еретиков» (христиан других конфессий) и иноверцев, желающих осесть на территории Запорожских Вольностей. Но это было более актуально для ведомств заднепровских паланок.

3. И, наконец, самое интересное для нас. Кошевой просил у Киевского митрополита: «да особливо ж-де С[амар]скаго м[о]н[а]ст[ы]ра начальнику благословителной граммати о **зделан[ии] вновь и о пос[вя]щении в Калмиусе во имя с[вя]тителя Хр[и]ст[о]ва Ник[о]лая походной церкви и в оной с[вя]щеннодействия, також и о выдачи к оно[й] антиминов».**

Видимо, не сильно надеясь на оперативность в решении своих вопросов в канцелярии митрополии, Кош решил (по практиковавшемуся тогда обычаю) напомнить митрополиту Киевскому о своей просьбе и с другого направления. Поэтому одновременно похожее письмо с просьбой походатайствовать перед митрополией было отправлено и к настоятелю Киево-Межигорского монастыря архимандриту Никанору, который и получил его 4 февраля. У данного монастыря были традиционно теснейшие связи с Запорожьем, так что отказать в такой просьбе кошевому Никанор никак не мог. Он сразу же отправил Киевскому митрополиту письмо, в которой сообщал о поступивших к нему казацких запросах и просил от лица монастыря об их удовлетворении.



Киево-Межигорский Спасо-Преображенский монастырь располагался под Вышгородом, несколько севернее Киева. К концу XVII века он сумел стать «монополистом» по взаимодействию с Войском Запорожским. Фактически только из него Кош принимал монахов для служения в церквях и монастырях Вольностей. Монастырская братия и командированные от нее монахи молились за благоденствие Войска и выполняли потребные казакам требы, принимали в стенах монастыря старых и увечных казаков, а запорожцы, в свою очередь, защищали монастырь и его права от посягательств церковных и мирских высших властей, а также регулярно делали щедрые вклады, так что к мазепинским временам этот монастырь сильно поднялся по влиянию и богатству. Такое положение не сильно нравилось Киевским митрополитам, мимо которых протекал щедрый ручей пожертвований с Запорожья. Но данный монастырь еще с 1609 года периодически получал статус ставропигийного – т.е. в такие периоды он подчинялся не местному митрополиту, а напрямую патриарху (первоначально – Константинопольскому). В процессе перехода Киевской митрополии от Константинопольского патриархата под юрисдикцию Московского (1686-1688), тогдашний Московский патриарх Иоаким (сам выходец из Киево-Межигорского монастыря) в 1688 году вновь подтвердил ставропигию этого монастыря<sup>26</sup>. В дальнейшем данный статус монастырем то утрачивался, то опять подтверждался. После ухода запорожцев под Крым позиции монастыря были серьезно подорваны. Но уже в 1735 году, вскоре после возвращения казаков под российскую власть, Кош вновь

<sup>26</sup> Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. Т. 1/ упор. Л.З.Гісцова, Д.Л.Автономов и др., Киев, 1998 г., с.551, 565.

восстановил свое сотрудничество с Киево-Межигорским монастырем по-прежнему обычаю. Почти все монахи, служившие во времена Новой Сечи в запорожских церквях и часовнях, а также в единственном в Вольностях Самарском Свято-Николаевском монастыре, были из него. Представителей других монастырей и «беспаспортных» монахов на территорию Вольностей Кош старался не допускать и выгонять (хотя в удаленных паланках это не всегда исполнялось на «низовом» уровне). На неоднократные попытки очередных Киевских митрополитов поставить запорожское духовенство под свой контроль или хотя бы просто получить статистическую информацию по ним – из Коша обычно отправлялись уклончивые ответы, в которых давали вежливый и дипломатичный, но твердый отказ. После посвящения в июне 1774 года прежнего начальника Сечевых церквей Владимира Сокальского в архимандриты (с фактическим переходом запорожских церквей под омофор Киевского митрополита), и особенно после разгона Сечи в 1775 году - Киево-Межигорский монастырь опять захирел.

После получения такой «напоминалки», которая пришла к митрополиту 6 февраля, канцелярия митрополии, наконец, проснулась, и уже 9 февраля заинтересованным лицам был отправлен ответ с положительным решением по всем запросам. Из ответов митрополита до нас дошел только экземпляр, направленный им начальнику Сечевых церквей иеромонаху Макарию. Это был еще один представитель братии Киево-Межигорского монастыря, который на тот момент руководил и организовывал религиозную жизнь на всей территории Вольностей и контролировал соблюдение обрядности и каноничности во всех быстро множасьихся культовых сооружениях у запорожцев.

Теперь разберем третий пункт запроса Коша подробнее. Самарский Свято-Николаевский пустынный монастырь, который упоминается в этом пункте, располагался на правом берегу нижней Самары возле нынешнего Новомосковска. Для запорожцев это был «войсковой монастырь», история которого теснейше связана со взлетами и падениями этого Войска. Организационно он был «приписным» к Киево-Межигорскому монастырю, являясь его удаленным филиалом. Его настоятель и братия большей частью комплектовались из монахов, «командированных» из материнского монастыря, которые сменялись чаще всего или осенью, или весной. Обычный срок служения для отправлявшихся на территорию Вольностей монахов составлял один - два года, после чего они сменялись другими братьями. Но, в зависимости от личности и успехов конкретного брата – срок мог как сокращаться до нескольких месяцев, так и вырастать до нескольких лет; за особо плохое и негодное поведение администрация Коша могла провинившихся монахов и взащей выгнать, а понравившихся братьев – нередко старалась задержать у себя подольше. Видимо из этого же Самарского монастыря, из-за близости расположения, должны были черпаться основные кадры священнослужителей для церквей восточной части Вольностей. По просьбе Коша именно предстоятелю этого монастыря Киевский митрополит должен был отправить «благословительную грамоту» на освящение в Кальмиусе Свято-Николаевской походной церкви и на организацию богослужений в ней. Ему же должен был быть направлен из Киева освященный антиминос для этой церкви (*кто из уважаемых Читателей уже подзабыл, что такое «антиминос» – просьба еще раз перечитать главу 2*). Также можно отметить, что фраза «о зделании вновь» тогда означала не повторное создание или возобновление чего-то (как любят иногда трактовать ее сейчас украинские историки), а именно построение нового. А вот как интересующий нас пункт звучал в письме митрополиту от архимандрита Никанора (в пересказе митрополитской канцелярии): *«Почему он, превелебнейший от[е]ц арихмандрит [так в публикации - LV] Никанор, на прошение Коша Сечового просил нас, пастира, о выдачи <...> так и благословителнаго к заложению и освящению в Калмиусе походной во имя с[вя]тителя Хр[и]стова Николая церкви указа и в оную с[вя]таго особеннаго походного антиминоса»*. То есть – здесь однозначно речь идет о создании **НОВОЙ**

церкви, для которой и посылался антиминос, и которая должна была быть освящена. Ни про какой ремонт «старой церкви» здесь не говорится. Мы еще проверим это утверждение в остальных частях данных документов.



К сожалению, автору не удалось выяснить, кто именно был настоятелем Самарского монастыря на начало 1754 года. Предыдущий настоятель Феодорит Руткевич покинул стены данного монастыря в середине 1753 года, а в 1755 году местным настоятелем упоминается Самуил Пилипенко<sup>27</sup>. Но был ли он сменщиком Феодорита Руткевича или между ними были еще какие-то настоятели?

После пересказа всех событий, связанных с казачьей просьбой, далее митрополит Тимофей (Щербатский) сообщает свое решение по поводу нашей церкви: *«По которому его превелебнейшаго отца архимандрита Никанора и его велможности г[о]сп[о]д[и]на атамана кошевого прошениям, мы, пастир, властью нам от Б[о]га данною, благословляем всечестности твоей Самарскаго м[о]н[а]ст[ы]ра началнику приказать в Калмиусе походную во имя с[вя]т[и]теля Хр[и]ст[о]ва Николая церковь **строить** по примеру армейских полковых походных церквей. И когда она со всеми к ней принадлежностями совершенно **достроена** [будет - LV], и все приличествующее **ко ос[вя]щению** оной изготовится, то оную **освятить** и в ней с[вя]щеннодействовать»*. Здесь тоже понятно, что речь идет именно о новой церкви, которую еще только предстоит достроить и обеспечить всеми необходимыми, и только тогда ее можно будет освятить.

А вот тут интересный вопрос: можно ли из документов понять – строилось ли для этой церкви новое здание или реконструировалось под нее какое-то уже существующее? И если второе – то каким было первоначальное предназначение этого здания? Ведь, как мы уже говорили выше, к 1754 году запорожская Кальмиусская паланка существовала уже около 8–9 лет и предполагать, что все это время местные казаки обходились без церковных обрядов, было бы довольно странно и наивно. И мы такое предполагать тоже не будем, тем более, что в несколько более поздней приписке к письму кальмиусского полковника Андрея Порохни (это письмо будем анализировать ниже) упоминается служение монахов **«как за бывших полковников**, так и н[ы]не иеромонах Симон, калмиуский начальник». А пока вновь вернемся к письму Киевского митрополита.

Из него можно понять, что уже после отправки письма в митрополию, Кош озаботился еще и тем соображением, что на время достройки новой церкви, кальмиусским казакам станет негде проводить богослужения. Поэтому к митрополиту спешно отправили еще и отдельную делегацию с изложением своих предложений по устранению этого затруднения. Откуда в разбираемом письме появилось такое сообщение: *«Пока же она церковь совершенно состроится, по прошению нарочно присланных сечових козаков, дабы в оном Калмиусе без преподавания находящиеся козаки треб хр[и]стиянских и без слушания церковного пения не были, имеющую в Сечи Запорожской походную старую церковь в оной Кальмиус перевезть и, место ос[вя]тив, разставить, и в ней с[вя]щеннодействовать пастирско бл[а]гословляем»*.



Трѣбы – священнодействия и молитвословия, совершаемые священником по нужде (церк.-слав. «требованию») отдельных лиц. К ним относятся таинства (крещение, исповедь, причащение на дому, елеосвящение, венчание – последнее не может совершаться черным духовенством), церковные обряды (отпевание, погребение, освящение дома, лодки, колодца и пр.) и другие молитвенные чины и последования, имеющие частный характер.

Литургии к требам не относятся.

<sup>27</sup> О.С. Кузьмук. «Козацьке благочестя»: Військо Запорозьке Низове і київські чоловічі монастирі в XVII—XVIII ст.: еволюція взаємовідносин. - К.: ВД «Стилос», 2006, с.90, прил. И

Итак, мы уже знаем, что богослужения в Кальмиусе к тому времени проводились уже по меньшей мере несколько лет («как за бывших полковников»), и явно не под открытым небом – должно было быть какое-то помещение или здание для этого. Если бы строительство новой церкви началось на новом месте – это никак не повлияло бы на привычный ход богослужений здесь. Получается, что вся проблема образовалась из-за того, что новую церковь устраивали именно в том самом здании, где и до того проводились религиозные обряды. Именно из-за этого Кошу пришлось срочно направлять в Кальмиус старую походную Сечевую церковь, для временного закрытия данной проблемы. Но все-таки, какое именно прежнее сооружение – церковь или часовню – реконструировали в этом случае? У нас уже есть следующие факты:

- в митрополитском письме неоднократно говорится о мероприятиях по строительству (достройке) и освящению новой церкви, но ни разу – о ремонте или реконструкции старой действующей;

- для этой новой церкви посылается освященный антиминс, при этом нет никаких указаний по поводу судьбы старого антиминса гипотетической церкви;

- в описании затруднений кальмиусских казаков на время строительства упоминается невозможность им на это время получать требы и слушать церковное пение (что возможно и в церкви, и в часовне), но вовсе не упоминаются гораздо более важные для Православных христиан литургии (которые можно проводить только в церкви).

Отсюда можно с очень большой степенью уверенности предполагать, что реконструкции подверглась уже существующая часовня! Но уважаемый Читатель может вполне резонно спросить – а откуда же наши историки и краеведы взяли «древнюю обветшалую церковь» по состоянию на 1754 год? Об этом расскажем ниже.

В конце письма Щербацкого содержится еще немного указаний по устройству и содержанию обеих походных церквей (старой Сечевой и новой Николаевской) : «Только б на оние обе походные церкви подлежащие к сохранению их сундуки зготовлены и во всякой чистоте были содержани <...>». Дело в том, что основная форма походной церкви (в связи с ее функциями) выполнялась в виде большой холщовой палатки со складными иконостасом и алтарем, которые в сложенном виде могли транспортироваться вслед за войском в специально выделенных для этого больших сундуках. Что, впрочем, не исключало возможности в тех местах, где планировалось использование такой церкви на одном месте в течении многих лет - выстраивать для нее и стационарное здание классической церковной архитектуры. В этом случае церковная палатка складывалась и хранилась в своем сундуке до следующей тревоги и похода. Но в случае тревоги стационарное здание просто забрасывалось, а сундуки с палаткой, иконостасом и церковным имуществом устремлялись вслед за вояками. Естественно, что высшие церковные иерархи вели постоянную (хотя и не очень успешную) борьбу за то, чтобы ящики для хранения походных церквей, когда в них не было необходимости (а это иногда длилось и годами) содержались в приличном виде и не захламлялись посторонним хламом. Несколько более подробно мы эту тему рассмотрим в разделе о внешнем виде нашей Свято-Николаевской церкви.

## 5. Основание Свято-Николаевской церкви. Халва, халява и хотелки.

Второй документ представляет собой рапорт кальмиусского полковника Андрея Порохни кошевому атаману Д.С. Гладкому от 16 мая 1754 года<sup>28</sup>, это один из отчетов о ходе строительства новой церкви. Данный полковник славен не только тем, что под его попечением в Кальмиусе появилась собственная церковь. Это вообще был очень яркий и одаренный человек, который впоследствии неоднократно занимал разные должности в Войске Запорожском и быстро вошел в состав Сечевой старшины. Доводилось ему и ездить в столицу за жалованьем для Войска, и командовать значительными силами казаков в очередную русско-турецкую войну 1768-1774 годов. Но его интереснейшая биография выходит за рамки данной статьи.

В начале своего письма полковник сообщает текущие новости о ходе строительства. Так, он пишет о том, что согласно полученному в этом году (вероятно, тоже в феврале) приказу Коша, пара местных казаков специально посылались им в столицу донцов Черкасск для того, чтобы что-то заказать для новой церкви. Вот как это воспроизведено в тексте соответствующего документа в I-м томе «Архива Коша Новой Запорожской сечи»: *«нарочно посланний били козаки куреня Щербиновского Петро Велегура да Ведор [Федор - LV] Лопата в Черкаске для исправки ис хрящу к церкви Калмуской поланки, которые сего мая 11 дня по приезду (совсем изделавши) з Черкасского и находится в поготовности при Калмусе. Оной же цена 27 р.»*. Хрящ здесь – это очень грубая толстая и плотная ткань (некий аналог брезента), которая использовалась для палаток, рыбацких плащей и прочих вещей, которые должны были быть максимально водонепроницаемыми (возможно, после специальной пропитки). Из документа понятно, что отправленные два казака заказали в Черкасске изготовление какого-то изделия из этого самого «хряща» для новой церкви, что они дождались изготовления своего заказа и, заплатив за него 27 рублей, доставили в Кальмиус. Но из этой публикации непонятно - что же именно они заказали? Этот вопрос уже очень давно волновал автора данной статьи, было даже подозрение, что или писец, или публикаторы умудрились пропустить в этом предложении ключевое слово, которое должно было ответить на этот вопрос. Но все оказалось намного проще... Публикаторы (спасибо им!) на с.123 и 124 опубликовали фотокопию этого письма и конверта к нему. И когда автор стал сверять фотокопию с опубликованным текстом, оказалось, что публикаторы просто неправильно прочитали одно слово: в данном месте вместо слова «поланки» стоит четкое «полатки» (см. рис.5.1). Поэтому нужно читать так: *«для исправки ис хрящу к церкви Калмуской полатки»*. То есть Петр Велегура и Федор Лопата заказывали в Черкасске палатку из «хруща» для нашей походной церкви!

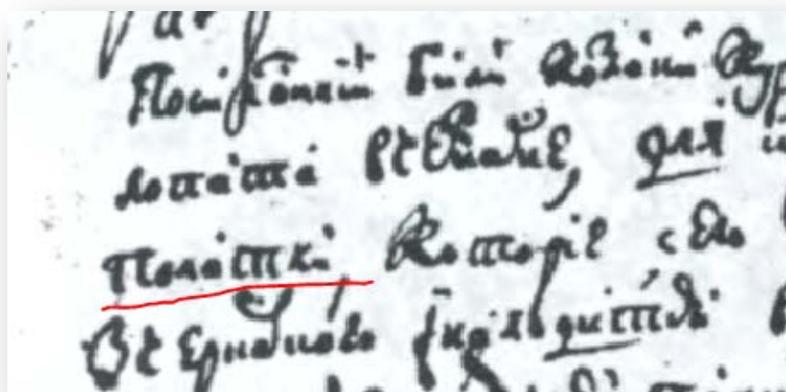


Рис.5.1. Фрагмент письма А.Порохни с упоминанием «полатки».

<sup>28</sup> Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. Т. 1/ упор. Л.З.Гісцова, Д.Л.Автономов и др., Киев, 1998 г., с.122-125



Петр Велегура из Щербиновского куреня – еще одна из ярких и заметных личностей времен Новой Сечи. И хоть он не достиг таких высот как Андрей Порохня, зато большая часть его жизни оказалась теснейше связана с Северным Приазовьем. Он был одним из тех казаков, кого в апреле 1746 года сгоняли донцы Туроверова (позже вызывался в Торскую комиссию как свидетель этих событий). В 1754 году он был причастен к устройству Свято-Николаевской церкви и вместе с еще одним казаком отправлялся в Черкасск. Судя по этому, надо полагать, что уже тогда он был на хорошем счету у тогдашнего кальмиусского полковника Порохни. В 1763 году донцы отобрали у Велегуры рыбный завод на левом (донском) берегу Кальмиуса. Ну а остальную часть его биографии мы расскажем позже, так как она и далее будет плотно пересекаться с темой нашей статьи.

Затем Порохня кратко сообщает в Кош о том, что для доставки в Кальмиус освященного антиминос посылаются (вероятно, в Самарский монастырь) кальмиусский писарь Данило Маленовский, да казаки Давид Чорный и Федор Кислый из Ведмедовского куреня и Михайло Чорный из Деревянковского куреня. Надо полагать, для такого почетного задания полковник отбирал не абы кого, а наиболее уважаемых и достойных казаков из ведомства своей паланки.

Ну а далее в письме полковника идет его основная часть, ради которой оно, собственно, и было написано именно здесь и сейчас. Но для того, чтобы понять его в полном объеме, нам придется опять отвлечься и рассказать еще один совсем побочный сюжет...

Большая часть запорожских Вольностей находилась в степных местах, поэтому и в самой Сечи, и в ведомствах большинства паланок древесина (на дрова, на строительство или в качестве сырья для разных ремесел) была в постоянном дефиците, ее приходилось привозить издалека, с более северных территорий. Более прочих в этом плане повезло ведомству Самарской паланки из-за расположенной поблизости Самарской товщи (лесного массива). Но и там пригодных лесов было не слишком много, поэтому Кошу приходилось предпринимать целенаправленные усилия по их сохранению и рациональному использованию. Что, естественно, было хорошо в дальней перспективе, но в текущее время вело к еще большему увеличению дефицита древесины в ведомствах южных паланок.

И вот весной 1754 года зоркий глаз Коша заметил, что на Усть-Самарском острове имперские власти когда-то заготовили и складировали большие запасы рубленного леса (местного происхождения или привозного – в документах найти не удалось). Возможно он изначально предназначался для гарнизонов русских укреплений в Степи или это были неприкосновенные запасы на случай очередного обострения с Портой (например, для строительства лодок и судов) – не суть важно. Важно то, что он значительное время пролежал без активного использования, чем и привлек с себе внимание кошевой администрации.

В Коше традиционно каждый год составляли письмо в Петербург по поводу выплаты Войску Запорожскому Низовому ежегодного жалованья деньгами, ржаной мукой, крупами, порохом и свинцом. Его размер был неизменен с середины 1730-х годов, а в условиях мирного времени численный состав Войска сильно вырос. Поэтому не менее традиционно запорожцы просили себе увеличения размера жалованья, присылки новой артиллерии, взамен пришедшей в негодность из-за частой салютации по высокаторжественным дням, и тому подобного. Эти прошения о дополнительных ассигнованиях правительством большей частью традиционно игнорировались (они будут частично удовлетворены, но это случится значительно позднее и к нашему рассказу не относится), а Кош не менее традиционно продолжал вставлять эти просьбы в свои ежегодные послания (фактически выработав уже установившуюся форму этого документа), в которые лишь

иногда вставлял какие-то новые злободневные запросы. В 1754 году там был поставлен и вопрос о складированном на Усть-Самарском острове лесе.

В письме от 5 мая 1754 года на имя «Всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийской, государыни всемилостивейшей» Кош среди прочих традиционных просьб сообщает еще и о том, что *«да еще на многие войсковые строения лесу немалое число потребно»*. И ниже просит: *«да лежащим в Усть-Самарском острове рубленным лесом, яко оной ни на что не употребляется, но напрасно лежит, на наше войсковые строения пожаловать»*. Похожие письма (с незначительными отклонениями) в тот же день были написаны и к гетману К. Разумовскому, генеральному войсковому писарю А. Безбородько, генеральному войсковому обозному С. Кочубею и советнику коллегии иностранных дел М. Ивановичу<sup>29</sup>. От гетмана, в частности, просили еще и на Войско «походную же церковь, по примеру армейских полков» (вероятно, хотели обновить походную Сечевую церковь, которая на тот момент находилась «во временном пользовании» в Кальмиусе). К сожалению, в ответе от гетмана Разумовского, который будет отправлен только в августе, хотя и упоминается о просьбах запорожцев увеличить им жалованье, разрешить забрать лес с Самары и выдать походную церковь, но в итоговой части все ограничилось ежегодным жалованьем в обычных размерах. Запросы про лес и церковь были оставлены без ответа<sup>30</sup>. И в следующем году Кош уже не станет их включать в свое очередное послание в Петербург...

Ну а пока, в начале мая 1754 года в Коше еще были некоторые надежды на благополучное разрешение от центральных властей хотя бы на то, чтобы забрать с Самары никому не нужный лес. И, видимо, слухи об этом смогли легко преодолеть частокол Сечи, и по Степи начало гулять такое сладкое слово – Халява! И вот (какое совпадение!) уже 16 мая того же года (т.е. всего через 11 дней после отправки из Коша письма императрице) в Кальмиусе рождается разбираемое нами письмо местного полковника в Кош, основная часть которого посвящена как раз «древесному» вопросу. Сразу после уже цитировавшихся сообщений о получении палатки из Черкаска и о намерении отправить казаков за антиминсом (новости, бесспорно любопытные, но вряд ли требующие срочного доведения до сведения Коша), Порохня приступает к главному: *«Да при сем же вашей панской милости объявляю, что владений Калмиюском [вероятно следует читать «владение Калмиюское» - LV], не имевши удобного как к церкви, и к паланце дерева, яко еще за великим разстоянием в товщ Самарскую отсюда ехать, в крайней обедшалости состоит»*. Здесь «в крайней обедшалости» состоит некое «владение Калмиюское» (что бы ни понимал под этим выражением кальмиусский писарь Данила Маленовский), так как нет «удобного» дерева для церкви и для паланки.



Автор статьи в свое время долго отработывал интересную версию, что «обедшалость» неправильно переводить на современный язык как «обветшалость», что здесь другой корень - не «ветх», а «бед». Т.е., что аналогично цепочке ветхий-обветшать-обветшалость могла быть не совсем типичная для современного языка цепочка бедный – обеднеть/обедшать – обедшалость. Тогда «владение Калмиюское» нужно было бы понимать как аналог «ведомства Кальмиусской паланки» - в широком географическом понимании. Т.е. что здесь речь шла о том, что на подчиненной Кальмиусской паланке территории хозяйства местных казаков крайне обеднели на древесину из-за ее дефицитности и труднодоступности.

К сожалению, за многие прошедшие годы существенных подтверждений этой версии найти так и не удалось, так что приходится от нее отказаться. И все-таки, красивая была версия. Мир ее праху!

<sup>29</sup> Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів, 1734-1775, Т.2, К., 2000, с.69-72, 74-78.

<sup>30</sup> Там же, с.80-81

После трогательного повествования о том, как его казакам далеко ездить в «товщ Самарскую», полковник Порохня предлагает Кошу свой вариант решения данной проблемы: *«А яко весма по способности полковнику новоселянскому следующим людем до моря накласт на вози и присилать в Калмиус, того ради вашей велможности покорнейше прошу, даби находящаяс в Калмиусе как церков, яко и паланка не била в обедшалости, по своем високом[u]л[o]стивим рассмотрением писменно приказат полковнику новоселянскому, даби приказал жителствующимся в Новоселице людем завременно заготовит яко то: к церкви дверей и на престол, а к паланце – лав на сирно (а в разсуждении вашей велможности, буди можно – и пал для огорожи церкви и паланки) и следующим как з Малой России, так [и] из владения нашего запорожского людем же чрез мост, оное б дерево сколько будет числом накладенно на вози, при дачи от полковника к артельщ[u]кам, присиланно б в Кальмиус. В чем с покорностию мою к вашей панской велможности с прошением о више писанном репортую».*

Разберем этот фрагмент подробнее. В слободе Новоселице (она же Самарчик, ныне – г.Новомосковск, на правом берегу Самары, неподалеку от ее впадения в Днепр) располагалась паланка самарского полковника. Ведомство этой паланки было одной из наиболее заселенных и экономически развитых областей Запорожских Вольностей, через нее проходили оживленные торговые пути, связывавшие Малороссию с Крымом и Приазовьем. Причем Кош сознательно ограничивал количество переездов и переправ через Самару для лучшего контроля со своей стороны этих грузопотоков (в этом вопросе главную роль играл финансовый интерес). Соответственно кальмиусский полковник предлагал для перевоза древесины с Самары в Кальмиус использовать транзитный потенциал этого места. Разумеется, Порохня мог бы послать в Новоселицу «в командировку» кого-то из своих казаков, который организовывал бы заготовку и изготовление запрошенного имущества новоселицкими жителями, а затем отлавливал бы едущих на юг порожняком артельщиков и договаривался с ними о перевозке дополнительного груза. Но вот отправлять надолго на Самару кого-то из своих доверенных людей и снабжать его необходимыми для этой миссии деньгами и припасами - нашему полковнику как-то не очень хотелось. Поэтому он попытался переложить свои проблемы на плечи самарского полковника. И, понимая, что тот вряд ли добровольно согласится с навешиванием на себя дополнительных «почетных» обязанностей, Порохня не стал пытаться договариваться с ним напрямую в рабочем порядке (как это обычно происходит в таких случаях между руководителями родственных структур одного уровня), а попытался надавить на него сразу через приказ Коша (как вышестоящей начальственной структуры). Любопытно, что ни о каких гарантиях со своей стороны финансово скомпенсировать трудозатраты новоселицких мастеров и артельщиков-перевозчиков Порохня в своем письме совсем не упоминает, видимо была надежда, что по приказу Коша все может получиться «бездвозмездно, то есть даром» (С). Это был не совсем красивый прием, до сих пор хорошо известный и нередко используемый в «аппаратных играх». Срабатывает он, к счастью, не слишком часто, но каждое его применение вызывает потом длительную склоку между инициаторами и их жертвами. Автору статьи, к сожалению, самому периодически приходится участвовать в составлении похожих писем и отбиваться от чужих наездов, так что родным и хорошо знакомым повеяло...

В этом фрагменте второй (и последний) раз используется слово «обедшалость». Только если в первый раз оно применялось к «владению Калмиускому» (в широком смысле), то во втором – более конкретно: *«даби находящаяс в Калмиусе как церков, яко и паланка не била в обедшалости».* Это именно отсюда идет (в несколько искаженном виде) фраза об «обветшавшей церкви», которая присутствует в каждой работе, упоминающей об этой церкви. Но вот тот ли смысл вкладывал в данном месте сам кальмиусский полковник? Попробуем разобраться. Ну, насколько сумеем. На всякий случай, напоминаем, что по мнению автора данной статьи реальный возраст

перестраиваемого под Свято-Николаевскую церковь существующего здания к 1754 году не мог превышать одиннадцать лет (а скорее 8-9 лет).



Кстати, как нетрудно заметить, в этом месте своего письма полковник Порохня переживает об «обедшалости» не только церкви, но и самой паланки, но этот нюанс счастливо избежал внимания наших историков и краеведов. Это объясняется легко, так как полный текст документа был опубликован только в 1998 году, а до того (да и, честно говоря, и позже, вплоть до настоящего времени) все свои знания об основании Свято-Николаевской церкви вышеупомянутые историки и краеведы черпали только из очень краткого сообщения об этом событии в труде Скальковского (где момент про паланку он опустил), а также друг у друга. При этом в результате многократных компиляций и перекомпиляций этого единственного источника нередко получаются просто «шедевральные» вещи. См. в последней главе.

В своей статье «Как Екатерина Вторая и бютовец Михаил Поживанов воровали историю Мариуполя» Анатолий Герсимчук глубокомысленно вопрошал: «А теперь еще и подумайте, сколько же лет надо было простоять церкви, чтобы обветшать?». Как ни странно, но его вопрос отнюдь не бессмысленен и вполне логичен. И действительно, сколько лет надо было тогда простоять деревянной церкви, чтобы обветшать? Для ответа на этот вопрос лучше всего проштудировать сплошняком труд Феодосия Макаревского «Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия». Здесь приведено огромное количество документов по местным церквям XVIII века, которые и по хронологическому периоду, и по климату, и по строительным материалам, и по приемам строительства – хорошо соотносятся с нашей темой. В той части сведений Макаревского, которая взята им из епархиального консисторского архива, его сведения вполне надежны и достоверны, к этой части его труда претензий почти нет.

Из приведенных Феодосием документов можно заметить, что некоторые церкви делались на скорую руку и из малоподходящих некачественных материалов, такие могли обветшать достаточно быстро. Например:

- Поставленная в спешке в феврале 1776 года «на наносной мерзлой земле» Успенская церковь в пятом шанце Желтого гусарского полка уже следующим летом, когда «оная земля растаяла» просела и перекосилась. И уже в 1783 году (т.е. всего через 7 лет) местным жителям пришлось принимать срочные меры по ее выравниванию и ремонту.

- В Ейском укреплении в 1778 году была нелегально построена Троицкая церковь, которую в 1779 году все-таки получилось «узаконить» и освятить. Первоначально она описывалась так: «походная церковь из полотна, а для затиxости от ветра ограждена камнем». В дальнейшем, видимо, была устроена уже дерновая кровля, в 1790 году (т.е. через 12 лет) местный священник жаловался: «состоящая в том Ейском Укреплении дерновая Троицкая церковь крышею обветшала, и потому во время дождей бывает во оной церкви великая течь, просил покрыть оную Троицкую церковь вновь тесом, куда надлежит, представить».

- Сооруженная в 1767 году «из хвороста (!) и в малом виде» в славяно-сербском шанце Калиновском церковь Усекновения Главы Крестителя Иоанна пришла в «совершенную ветхость» за 13 лет.

- Сооруженная в 1769 году в Таганроге походная Архангело-Михайловская церковь «построена на время из тонких досок» «пришла в самосовершенную ветхость так, что и службу Божию отправлять в ней уже опасно» к 1782 году, т.е. тоже за 13 лет.

- В посаде Александровском (ныне г. Запорожье) построенная в 1773 году Свято-Покровская церковь обветшала за 14 лет. В ней в негодность пришли и деревянные стены с крышей, и каменное

основание («обветшала крайне в стенах потому, что оной кирпич местами хотя был кладен и жженой, но несовершенно, а местами вовсе не жженой, а между тем кладены были в перемешку и камня дикаго небольшие штуки без извести, на обыкновенной простой глине и без щекотурки, кои отъ бываемых дождей поразмыло в некоторых местах»).

- Построенная в крепости Святого Димитрия Ростовского (нынешний Ростов-на-Дону) в 3-м батальоне Успенская церковь обветшала уже к 1777 году: «построена из тонкаго леса и, при неумеренной величине, стены ея совсем покрывились и могут вывалиться, а ныне и крыша весьма ветха и при дождях дает большую течь», простояв не более 16 лет.

- В средней из трех «малороссийских» слобод на нижнем Миусе – Троицкой – в 1777 году жители всех трех слобод совместно поставили церковь Сошествия святого Духа. Через 17 лет Мариупольское духовное правление так описывало ее состояние: «церковь ветхая, которая в подвалинах вся уже сгнила, в стенах похилилась и в углах разсунулась и совсем уже приготовилась к падению, и потому во время летнее от дождей, а зимнее от намету снежнаго как в олтаре, так и во всей церкви бывает превеличайшая течь. И в разсуждении прописанной оной церкви крайней ветхости, опасаясь, дабы она падением своим не могла кого умертвить и вновь сделаннаго в ней иконостаса сокрушить <...>»<sup>31</sup>.

Ну и так далее. Но гораздо чаще деревянные церкви в наших степях достаточно неплохо стояли по 25 – 50 лет. Если, конечно, не сгорали (что тогда тоже случалось нередко). А вот как описываются дефекты по-настоящему старых деревянных церквей. Николаевская церковь Нового Кодака (простояла более 50 лет): «за сгнитием в конец основания ея, вошла глубоко в землю, а тяжесть неумереннаго верха ея, угнетая весь корпус, раздвинула оный столько, что стены во всех четырех сторонах от верха до низу подались с мест своих и даже инде выворотились, а самые бревна большею частию так сотлели, что от легкаго прикосновения оказывается гниль; в южной-же стороне и в самом олтаре бревна, кроме оказанной гнилости, выдвигаются с своих мест и угрожают ежеминутно падением». Свято-Михайловская церковь Старого Кодака (простояла 32 года): «стены ея всецело обветшали; подвалины сгнили и разрушились; во время дождей течь сильно лилась по стенам и по углам как во всей церкви, так и в олтаре; от сырости и течи во многих местах появился мох и выросли губки; в церкви свободно летали птицы и в олтаре свили гнезда». Бывшая сечевая Покровская церковь в селе Покровском по состоянию на 1794 год (простояла 60 лет) описывалась так: «до крайности ветхая, что даже и служения иметь в ней крайне опасно; подвалины совсем сгнили и церковь вошла в землю на полтора аршина, вверху в приделах бревна раздвоились, и совсем к падению наклонна»<sup>32</sup>. В таких случаях церкви подлежали или закрытию и разборке, или очень серьезному капитальному ремонту.

Еще раз напомним по случаю, что по мнению многих наших историков и краеведов наша кальмиусская церковь была к тому моменту уже очень старой и «обветшалой». И, наверное, ей тоже нужен был серьезный ремонт? Ну а теперь посмотрим, что именно заказывал кальмиусский полковник для своей церкви. Итак, он заказывал Кошу (полный список):

1) «к церкви дверей и на престол»;

2) «а к паланце лав на сирно»;

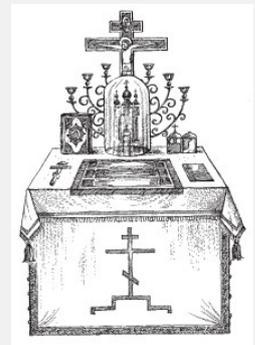
3) «палы» (колья, колы): «а в разсуждении вашей велможности, буди можно – и пал для огорожи церкви и паланки».

<sup>31</sup> Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с. 391-392, 700-701, 847-848, 869, 892, 905, 932-934 <https://www.libr.dp.ua/book.htm>

<sup>32</sup> Там же, с. 169, 181, 282



**Церковный престол** – специальный стол (обычно деревянный) в центре алтарной части церкви, напротив Царских Врат, самое святое место в храме. Высота около 1 м. Его форма, размеры, украшения, покрытие и т.д. – очень формализованы и имеют глубокую символику. Прикасаться к престолу и к предметам, на нем находящимся, разрешается только епископам, священникам и диаконам. Пространство от Царских врат алтаря до Престола священнослужителям позволено пересекать лишь по мере богослужебной необходимости.



Описание внутреннего устройства типового запорожского куреня на Сечи у Яворницкого: «Внутри куреня, во всю длину его, от порога до покутья, ставилось **«сырно»**, т.е. стол, на подобие монашеских трапез, из одной толстой доски, больше трех четвертей аршина ширины, положенной во всю длину на вкопанных в землю столбах и прибитой к ним железными гвоздями; вокруг **сырна** ставились узкие скамьи, а вдоль стен, с трех сторон, настилался из толстых досок на столбах помост или накат, заменявший козакам постели; на нем могло спать от тридцати до «полчвартаста» человек, во всем же курене могло вместиться до 600 человек козаков»<sup>33</sup>.



Наличие **церковной ограды** была в XVIII веке одним из обязательных требований к обустройству храмов. Помимо общего благоустройства, она еще предохраняла церковную территорию от захламления и от захода скота.

Т.е. Порохня хотел получить для своей церкви от новоселицких мастеров церковный престол и двери (вероятно – самые обычные, входные, если только не имелись в виду Царские врата), несколько лавок к столу-сырно в помещении паланки. И колья для ограды церкви и паланки (если дадут). Уважаемый Читатель, как думаете – достаточно ли вышеперечисленного для серьезного и вдумчивого ремонта «обветшавшей» старой церкви? Думается, что ответ очевиден. А вот для мелкого косметического ремонта при перестройке уже существующего здания в церковь – вполне. Здесь мы видим только хлопоты по устройству алтарной части и замену входных дверей, которые, видимо, были в совсем уж затрапезном состоянии. Единственно, мы здесь не видим устройство самого иконостаса. В стационарных церквях он обычно изготавливался столбами из дерева, а в походных – часто использовался нарисованный на холсте или сделанный в виде съемных ширм. Видимо, где-то в другом месте его уже раздобыли.

Но тогда для чего вообще кальмиусский полковник так настойчиво писал про «обедшалость» своего «владения»? Так это же ведь характерный прием для еще одного «эпистолярного» жанра делопроизводственной переписки - «хотелок»! А этот жанр хорошо знаком всем ИТР-овцам и руководителям средней руки, которым регулярно приходится сталкиваться с необходимостью заказа каких-либо ресурсов или запчастей в условиях ограниченного бюджетирования, особенно при аварийных и внеплановых потребностях. Для классической «хотелки» характерны два основных момента. **Во-первых**, в ее преамбуле необходимо внятно обосновать руководству саму необходимость выделения средств и срочной поставки заявленных ресурсов. И для того, чтобы начальство не выкинуло эту бумагу сразу в корзину (что, к сожалению, происходит чаще), а хотя бы обдумало ее вдумчиво, составители «хотелок» обычно расписывают состояние своего имущества и последствия его аварийной остановки в максимально черных и траурных тонах, нередко сильно

<sup>33</sup> Яворницкий Д.І. Історія запорозьких козаків: У 3 т./ Редкол.: П.С.Сохань (відп. ред.) та ін. – К.; Наук. думка, 1990-1991. Т. 1, с.158

сгущая краски по сравнению с реальным положением дел (особенно в тех случаях, когда точно понятно, что начальство не приедет для личной проверки этих сведений). В хорошей «хотелке» начальство должно содрогнуться от ужаса и безысходности уже при чтении ее преамбулы, тогда шансы на получение просителями хотя бы части заказанного резко возрастают. **Во-вторых**, надо учитывать, что к руководству разнообразные «хотелки» поступает в больших количествах и со всех сторон, но доступные начальству ресурсы обычно ограничены. То есть, даже в случае благоприятного решения по «хотелке», ее, скорей всего, «порежут». Поэтому часто есть смысл составлять заявку на заведомо завышенное количество, чтобы дать начальству моральное удовлетворение от хорошо сделанной им работы по срезке запросов особо обнаглевших подчиненных, и (в итоге) самому получить заявленное в близком к реальным потребностям количестве. А чтобы начальство резало не наугад и хаотично, а в «заранее заданном направлении», хорошим стилем является вставка в заявку заведомо лишних, «жертвенных» позиций, хорошо бросающихся в глаза опытному руководителю. Это чтобы начальство вычеркнуло их недрогнувшей рукой и с чувством уже выполненного долга пропустило остальное. Ну а если случится чудо и «хотелку» пропустят в полном объеме – так даже еще лучше! ☺

И вот оба эти момента четко видны в основной части письма полковника Порохни. Сначала он трогательно расписывает, что «владение Калмиуское, не имевши удобного как к церкви, и к паланце дерева, яко еще за великим разстоянием в товщ Самарскую отсюда ехать, в крайней обедшалости состоит». Затем просит Кош дать приказ полковнику новоселицкому на доставку груза, «даби находящаяс в Калмиусе как церков, яко и паланка не била в обедшалости». Понятно, что имевшиеся в наличии здания паланки и часовни (?), построенные еще в середине 1740-х годов на скорую руку и из подручных материалов (да еще и без всякого применения лакокрасочных составов), через примерно десятилетие своего существования выглядели уже не совсем свежими и глаз не слишком радовали, но и заиметь серьезные дефекты (наподобие перечислявшихся выше примеров) они еще не успели. Иначе «хотелка» Порохни выглядела бы гораздо более конкретной, а не ограничивалась только упором на «обедшалость». Если бы полковник мог записать конкретные проблемы с этими зданиями – он бы их не опустил. А так – в преамбуле ему пришлось выкручиваться исключительно той «обедшалостью», на которую его фантазии и совести хватило...

И во второй части своей заявки Порохня сначала перечисляет то, что ему на самом деле было нужно позарез – это престол и двери к церкви и лавки для паланки. А дальше он кидает «сакральную» жертву: *«а в разсуждении вашей велможности, буди можно – и пал для огорожи церкви и паланки»*. Как бы – эти позиции тоже желательны, но, если что – ими можно без особых проблем и пожертвовать. Как известно из описания и плана Кальмиусской паланки 1768 года – ограда «тынником» вокруг Свято-Николаевской церкви таки была поставлена (при Порохне или позже – пока выяснить не удалось). А вот ограда вокруг самой паланки, похоже, так и не появилась. Видимо, как раз ее и «порезали» в 1754 году.



В пользу версии о том, что здание церкви в реале еще не нуждалось в особом ремонте и восстановлении, приведем еще одно косвенное наблюдение. В книге Макаревского неоднократно приводятся перечни лесоматериалов, которые заранее подготавливались для устройства **новых** церквей. Например: *«имеется в наличии дерева дубоваго на подвалины колод 14, сосновых резанных четырех верш. в толщину, а в долготу четырех саженных 322, досток на помост 50, шелевок 130, колод сосновых 25»*. Или *«имеется уже в заготовлении дубовых подвалин двадцать, сосновых колод не пиленных девяносто семь, пиленных дерев семьдесят семь, досок сорок две, да на покрывку церкви гонты две тысячи двесте»*. В тех случаях, когда планировалась **полная разборка церкви и новое ее строительство** на том же месте (с частичным использованием хорошо сохранившегося леса из старой постройки) – новых лесоматериалов могло подготавливаться меньше, но и там нередк приходилось вести

серьезную поготовку, например: «Леса на перестройку оной вновь приготовленного соснового длиною трех сажень, толщиною в трубе от семи и до десяти вершков, 600, дубоваго тойже длины и толщины, 50; а всего 650 бревен не распиленного имеется»<sup>34</sup>. А сколько бревен и досок на эти цели заказывал кальмиусский полковник? Так отожд...

Когда письмо полковника было уже закончено и подписано, писарю Маленовскому пришлось вновь к нему возвращаться и делать к нему приписку по поводу еще одного не слишком приятного происшествия, которое кальмиусский полковник также счел необходимым донести до сведения Коша. Вот этот постскриптум: «*Да при сем же вашей панской велможности всепокорнейше прошу, буди присланние писар с козаками получают антими[н]с для служения к церкви Калм[и]уской, приказат бы писменно от вашей велможности началнику Пустино-Самарского Николаевского м[о]н[а]ст[ы]ря, даби оной началника в Калмиус прислал честного, не в п[ь]янство, но ко исправлению христианского закону; ибо как за бувших полковников, так и н[ы]не иеромонах Симон, калмуский началник, сего мая 10 д., тайно своровавши някие вещи, бежал. А хочай й затем о сиску и поимки от мене и послани били, точию не сискался. И о таковых, буди присилатимутся и впредь, поверить нам церковний сосуд никак можна и в сумнителстве немалом находитимемось».*

Здесь крайне раздраженный полковник доносил в Кош, что за 6 дней до того (10 мая) из Кальмиуса бежал местный священник – иеромонах Симон. По утверждению полковника, и сам Симон, и все его предшественники («как за бувших полковников»), направлявшиеся сюда из Пустынно-Самарского Николаевского монастыря, показывали своей пастве не самый лучший пример христианской жизни и больше отличались в пьянстве. Видимо, вдали от строгого присмотра монастырского начальства, многие иеромонахи позволяли себе излишне «расслабляться». Отличавшемуся особой набожностью и горевшему желанием поскорее устроить в своей паланке церковь, полковнику Андрею Порохне это явно сильно не нравилось. Вероятно, на этой почве у него с Симоном произошел некий конфликт, после которого иеромонах «тайно своровавши некие вещи» сбежал из паланки (кстати, тогда подобные случаи особой редкостью не были). Порохня скрывал факт этого происшествия от Коша несколько дней, надеясь, что Симон одумается и вернется, или же его удастся поймать специально посланным на его поиски людям. Но, видимо, уже после завершения основной части письма как раз вернулась эта партия с неутешительными новостями о том, что беглеца они найти не смогли. Видимо, за время своего «послуха» Симон успел хорошо ознакомиться с местностью, а возможно и завел себе приятелей-собутельников из близлежащих зимовников и рыбных заводов, где успешно и спрятался. Вот так - наш Симон мог остаться в Истории как первый священник нашей Свято-Николаевской церкви, но по факту прописался там же как пьяница, вор и беглец. А все из-за своего пристрастия к зеленому змию...

Пришлось Порохне переступить через свою гордость и докладывать о происшествии Кошу. Также он просил Кош, чтобы тот письменно приказал начальнику Самарского монастыря, дабы следующего направляемого в Кальмиус иеромонаха тот отобрал «честного, не в пьянство, но ко исправлению христианского закону». Это уже был какой-то «крик души» от нашего полковника, сильно уж его эта история достала... И в заключение он (несколько скептически по отношению к возможности присылки «честного» монаха) отмечал, что если и следующие присылаемые с Самары иноки будут по качеству такими же, как Симон, то доверить им «церковный сосуд» очень чревато и опасно. Нам последний момент интересен еще и тем, что он показывает еще один этап подготовки к открытию новой церкви. Для этого, кроме всего, о чем говорилось выше в данной статье

<sup>34</sup> Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с. 316, 335, 935

(антиминс, престол, иконостас, палатка) необходимо было заранее приготовить еще много вещей – церковные сосуды, книги, священническое одеяние и многое другое. Вот как раз «церковный сосуд», который Порохня так опасался отдавать будущим сменщикам Симона – он и был подготовлен (но еще не выдан священникам на руки) к открытию Свято-Николаевской церкви.

На этом разбор этих двух писем по устройству казацкой церкви в Кальмиусе мы заканчиваем. Фух! Конечно, особо внимательный Читатель может резонно спросить – а при чем здесь халва? Да, в общем-то, не при чем. Просто еще одно хорошее слово на букву «х», хорошо ряд дополняло. К сожалению, автору так и не удалось найти ни одной существенной причины, почему нельзя было бы применить его в статье. Пришлось включать... 🍪

## 6. Некоторые известия по функционированию Свято-Николаевской церкви.

От первого десятилетия функционирования нашей церкви на сегодня удалось найти очень мало документов с ее упоминанием. Поэтому сказать что-то о ее истории в данный период пока затруднительно. Неясно даже, была ли она с самого начала круглогодичной или (подобно походной церкви Гарда) прекращала свою деятельность с окончанием рыболовного сезона и вывозилась на зиму в более обжитые края. Пока ясно лишь то, что она в это время спокойно и без особых потрясений функционировала в Кальмиусе. Разумеется, если хорошо покопаться в архивах Новой Сечи (пока опубликована только очень малая часть их), то можно будет найти еще документы, отследить имена ее священников и связанные с ними события. Но это уже пусть остается задачей для будущих мариупольских краеведов, не стоит их совсем уж хлеба лишать. 😊



Отрывок из инструкции, данной кошевым Григорием Федоровичем Лантухом **Бугогардовской** паланочной старшине, т.е. полковнику Дмитрию Стягайле, писарю Якову Дону и есаулу Харьку Ведерке (середина 1750-х гг.):

*«§2. Прибывши в «Гард» и расположившись на тех местах, где и прежде до сего бывшие полковники стояли лагерями, сделать всей команде перепись и, назначив от всякаго куреня атаманов, списки в Кош прислать».*

*«§4. Зимовники в Ингульце и Великом Ингуле и обитающих списать и накрепко смотреть, чтобы в каждом зимовнике на число людей: господарей <...> и молодиков, пашпорты з Коша за войсковою печатью взимаемы были».*

*«§10. Походной церкви Божией всегда с священником **тамо быть, где лагеря ваши стоят будут, а не на острове** <...>, а вам со всею командою, священника, дьячка и пономаря ничем не обижать, а за ктитора з хозяев себе обрать».*

*«§11. Быть вам там в Гарду чрез все лето до осени, а **на зиму со всею вашею командою и походною Божиею церковию, сойти в Великий Ингул**»<sup>35</sup>.*

Теоретически, и у нашей кальмиусской походной церкви мог быть (особенно поначалу) такой «кочующий» режим функционирования. Пока проверить не удалось.

Ну а пока – удалось найти, например, такие сообщения по нашей теме:

- Ответный рапорт кальмиусского полковника Андрея Вербицкого кошевому Г.Ф. Лантуху по поводу полученных им приказов о розыске беглецов из Славяно-Сербии (1 октября 1758 г.): *«В силе велможности вашей приказов, <...> в паланки мною з старшиною и товариством получение, якие в церкви С[вя]то-Николаевской Калмиюской в праздничные дне при собрании многих козаков*

<sup>35</sup> Скальковский А.А. История новой-Сечи или последнего коша запорожского, Одесса, 1846, часть 1, с.64-65

*публиковани, и по изображенім в оних приказах приметам тех всех беглих пересматривать и в паланку отдавать мною здешним козакам крепко подтверждено <...>»<sup>36</sup>. Да, собрания в церквях и для таких целей использовались. Весь доступный культурный досуг местных казаков ограничивался тогда только церковными службами и отдыхом в шинках. Причем шинки по популярности были сильно впереди. Собрать казаков для прочтения очередных указов непосредственно в шинках было бы проще, но вряд ли они смогли бы тогда сосредоточиться на услышанном...*

- А это известие не имеет прямой связи с кальмиусской церковью, но может косвенно свидетельствовать о том, что она располагалась в достаточно привлекательном с экономической точки зрения районе. В феврале 1764 года Киевский митрополит по просьбе настоятеля киевского Николо-Пустынского монастыря (который собирал средства на ремонт церкви св. Николая в своей обители) выдал двум его монахам грамоты и специальные прошнурованные книги для сбора милостыни на Запорожье. Одну грамоту получил иеромонах Гедеон на сбор милостыни «в Сечи Запорожской и в прочих к ней принадлежащих местах» сроком на два года. Вторую – иеромонах Дионисий на сбор средств в **«ведомства Сечи Запорожской в Калмиус и в других тамошних к оному принадлежащих местах чрез год»**. Гедеон собрал (за два года) 268 руб. 19 копеек. Сколько удалось получить Дионисию – данные не известны<sup>37</sup>.

- Из работы И.Лимана «Церковное устройство Запорожских Вольностей (1734-1775)» можно узнать имена нескольких монахов, служивших когда-то в Свято-Николаевской церкви в Кальмиусе (к сожалению, дата не указана) – это иеромонах Домаскин с иеродиаконом Елисеем и их сменщики - иеромонах Ерофей с безымянным иеродиаконом. В данной работе приводится фрагмент письма иеромонаха Феодорита Руткевича (наместника Киево-Межигорского монастыря) к Григорию Ивановичу Порохне (не путать с уже знакомым нам полковником Андреем Порохней!): **«по древнему обычаю, а особенно по письменному вельможности вашей требованию посылаются в Пустынно-Николаевский Самарский монастырь иеромонах Василий, да с ним 2 иеромонаха на иерейство в Сечи пребывающие: на место уставщика иеромонаха Иоанника в Гарде иеромонах Амвросий, да на место пребывающего при походной церкви Кальмиусской иеромонаха Домаскина иеромонах Ерофей, да с ним иеродиакон, на место иеродиакона Елисея, и честный чернец Ефрем в Самаре на экономическое звание»**<sup>38</sup> (обратный перевод с украинского). Можно попробовать вычислить вероятную дату этого сообщения. Феодорит Руткевич (1722-1784) был иноком Киево-Межигорского монастыря. За свою жизнь не раз занимал высокие должности и в самом монастыре, и в Сечи, и в Самарском монастыре. Конкретно пост настоятеля Киево-Межигорского монастыря (если здесь нет ошибки в определении его должности на момент составления письма) он занимал в 1750-1751 и 1757-1766, 1768-1777. В то же время в перечне начальников Самарского монастыря (весьма неполном) упоминается только один Василий в 1762 году<sup>39</sup>. Так что последняя дата могла бы быть датой этого письма. Но проблема в том, что Г.И.Порохня на тот момент был еще обычным священником Троицкой церкви в Самарчике, которому Ф.Руткевич вряд ли стал бы рапортовать по таким вопросам, а тем более называть его «вельможностью вашей». Так что это, вероятней, относится к периоду после того, как в 1767 году

<sup>36</sup> Архив Коша Новой Запорожской сечи. Корпус документов, К., 2004, Т.3, с.515

<sup>37</sup> Кузьмук О.С. «Козацьке благочестя»: Військо Запорозьке Низове і київські чоловічі монастирі в XVII—XVIII ст.: еволюція взаємовідносин. - К.: ВД «Стилос», 2006, с.139

<sup>38</sup> І.Лиман. Церковний устрій Запорозьких Вольностей (1734 - 1775), РА "Тандем-У", Запоріжжя, 1998.

<http://www.cossackdom.com/book/bookzherkva.html#zmist> Ссылка на: Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской Академии наук (Архив СпбФИРИ РАН). Ф. 200: Фонд Скальковского А.А., оп. 3, д.112, л.3

<sup>39</sup> Кузьмук О.С. «Козацьке благочестя»: Військо Запорозьке Низове і київські чоловічі монастирі в XVII—XVIII ст.: еволюція взаємовідносин. - К.: ВД «Стилос», 2006, с.71-72, 138.

Григорий Порохня занял высокий пост наместника Старокодацкого духовного правления<sup>40</sup>, но до эвакуации Свято-Николаевской церкви из Кальмиуса в 1768 году.

На этом с немногочисленными найденными документами распрощаемся и перейдем к гораздо более интересной теме.

## 7. Известия из крепости святого Димитрия Ростовского

И здесь нам опять придется отвлечься, но мы постараемся кратенько. Итак, по итогам Русско-турецкой войны 1736-1739 годов Российская империя получила значительные территории в Приазовье и Причерноморье. Переговоры по прохождению новых границ затянулись на несколько лет. Размежевание территорий к востоку от Днепра было завершено только 12 октября 1742 года. По нему турецкая граница прошла от устья Конки (при ее впадении в Днепр) вверх по этой реке, затем несколько километров прямой линией через водораздел к истоку Берды и вниз по последней вплоть до ее устья. А вот российская граница была определена несколько сложнее. Она тоже шла по Конке и верхней Берде, но вот от места впадения в Берду левого притока Каратыша она прямой линией шла через степь к устью Миусского лимана. А неширокий клин приморских земель между нижней Бердой и устьем Миусского лимана был объявлен «барьерными землями», не принадлежащими ни одной из империй. Это был несколько сокращенный рудимент аналогичных «порожных» земель, установленных еще при Петре I в Константинопольском мирном договоре 1700 года. И в новых условиях высокие договаривающиеся стороны согласились, что статус этих земель должен оставаться тем же самым, как он был прописан в упомянутом договоре 1700 года. В V статье того трактата определялось, что на таких землях полностью запрещалось устраивать постоянные жилища и поселения. А в статье VI говорилось, что подданные обеих империй могут беспрепятственно въезжать в «порожные» земли для своих сезонных хозяйственных занятий (таких как заготовка дров, содержание пасек, сенокос, вывоз соли, рыболовля, добыча зверя, выпас скота и т.д.), "только бы мирно и без ружья при пришествии и отшествии"<sup>41</sup>.

Задумка с барьерными землями, как бы, была неплохая. Но до ума ее так и не довели, демаркацией северных границ «Барьера» так никто и не занялся. Поэтому определить где ты находишься еще на территории Российской империи, а где уже зашел в нейтральные барьерные земли – возможности не было никакой. Ну а когда в Северное Приазовье весной 1743 года с деликатностью слона в посудной лавке вперлись запорожцы, им на все эти заумные барьеры было вообще плевать с высокой колокольни. В общем, хорошую идею совместными усилиями благополучно похерили, и в практической жизни местного населения послевоенного времени наличие здесь барьера никак не учитывалось.

---

<sup>40</sup> Там же, с.96

<sup>41</sup> LV. Кальмиусская паланка. Пограничный инцидент 1747 года с ногайцами // Мариупольский краеведческий сборник, вып.2, Мариуполь, 2014, [http://papacoma.narod.ru/articles/nogaycy\\_1747.htm](http://papacoma.narod.ru/articles/nogaycy_1747.htm)



Рис.7.1. Прохождение русско-турецкой границы и северной границы барьерных земель в Северном Приазовье по состоянию на 1746 год.

Реальное прохождение барьерных земель можно было установить только по географическим картам (которых у запорожцев практически не было). Но вот так получилось, что несколько километров нижнего Кальмиуса также попадали в «барьер». И когда в середине 1740-х годов здесь загнездилась Кальмиусская паланка (поселение), она самим фактом своего существования на барьерных землях стала нарушением условий мирных трактатов. Расположение Кальмиусской паланки при устье Кальмиуса не было особой тайной для крымских татар, так как со временем им удалось достичь договоренностей с запорожцами, и те за соответствующую плату пропускали их для выпаса стад вплоть до Таганрога (оговоренное в мирном договоре право татар беспрепятственно и бесплатно пасти свои стада в барьерных землях так и не прижилось на практике). Тем не менее, долгое время факт наличия постоянного запорожского поселения в барьерных землях никого особо не волновал.

Все изменилось, когда в 1767 году в Польше (и без того уже сильно ослабленной) развернулась гражданская война между разными группировками шляхетской знати. В эти события начала активно вмешиваться Российская империя, что сильно не понравилось Османской Порте, у которой там были свои интересы. Международная ситуация быстро накалялась и дело шло к большой войне. В этой ситуации турецкие дипломаты стали задавать своим российским коллегам много неудобных вопросов, некоторые из которых были очень далеки от польских дел. В частности, Турция (справедливо) считала появление поселений в барьерной зоне нарушением условий Белградского договора 1739 г.

Чтобы разобраться в реальной ситуации на местах, Коллегия иностранных дел (далее - КИД) в конце 1767 года отправила соответствующий запрос в ближайшее к Приазовью русское укрепление, которым на тот момент была крепость Святого Димитрия Ростовского (на месте нынешнего Ростова-на-Дону), 8 января 1768 года он был там получен. В крепости в сжатые сроки подготовили ответ и уже 22 января 1768 года отправили его в КИД (плюс копию в Военную коллегия). В этом ответе содержалось подробное текстовое «Описание, учиненное селениям и рыбным ватагам ведомства Войска Донского и Запорожского в бариерных местах от реки Берды до Калмиуса и даже до Таган рога, а чье оно именно и где зимовники и ватаги находятца, о том явствует ниже» (этот документ в полном объеме с и комментариями опубликовал в 2014 году аксайский историк П.А. Аваков; сам документ мы приводим в приложении 2 к данной статье). Также к нему прилагались еще и два плана. Первый – с показанием селений, находящихся в «бариерных местах», и второй - специальный план «о Калмиуской полковой поланке».

Вот как описывается в данном текстовом описании сама Кальмиусская паланка (поселение)<sup>42</sup>:

При устье реки Калмиуса ведомства того же Войска Запорожского поселение, называемое полковая поланка, в которой **церковь деревянная в столбах, забрата досками и оставлена вокруг оградю тынником** ---- 1  
 рубленых жилых куреней или изб ————— 8  
 землянок - - - - - 8  
 погребов в земле выратых - - - - - 2

В составлении этого ответа активное участие принимал и А.И. Ригельман, на тот момент – начальник инженерной команды данной крепости (а по совместительству – и один из первых краеведов в Приазовье). К хранящейся в Киеве в рукописном отделе НБУ ранней редакции его известной работы «Ведомость и географическое описание крепости Святого Димитрия Ростовского с принадлежащими и прикосновенными к ней местами, сочиненное по Указу Правительствующего Сената 1768 года»<sup>43</sup> приложено несколько карт. На одной из них - "Карте лежащим местам около крепости Святого Димитрия Ростовского с показанием Российской Империи границ" - Ригельман использовал и данные январского ответа в КИД. Приведем ее фрагмент с Кальмиусской паланкой Войска Запорожского и попытаемся перенести эти данные на современную карту города.

<sup>42</sup> Аваков П.А. Описание рыболовецких селений и ватаг донских и запорожских казаков в Северном Приазовье 1768 г. / Січеславський альманах, №7, 2014 г. <http://sa.nmu.org.ua/pdf/2014/Avakov.pdf>

<sup>43</sup> [http://papacoma.narod.ru/books/rigelman\\_1768-index.htm](http://papacoma.narod.ru/books/rigelman_1768-index.htm)



Рис.7.2. Фрагмент с устьем Кальмиуса с "Карты лежащим местам около крепости Святого Димитрия Ростовского с показанием Российской Империи границ" (1768) А.И.Ригельмана

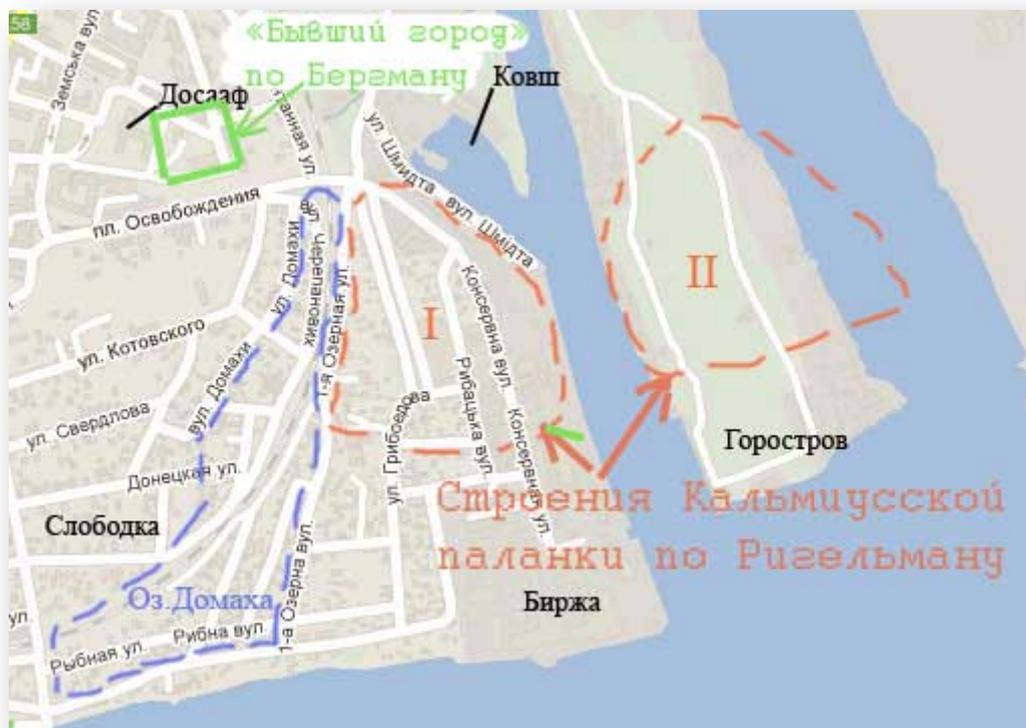


Рис.7.3. Перенос данных карты А.И.Ригельмана на современный план Мариуполя

Для мариупольцев главным сюрпризом данной карты является следующий момент. Традиционно (хотя и без опоры на первоисточники) считалось, что запорожская Кальмиусская паланка располагалась на холме за ДОСААФом, на том же самом месте, где в 1702 году Питер Бергман фиксировал развалины какого-то старого безымянного укрепления<sup>44</sup>, а на планах города конца XVIII – начала XIX века показывался старый редут<sup>45</sup>. В сквере на площади Освобождения перед ДОСААФом местные казаки даже установили памятник в честь 500-летия Кальмиусской паланки. А археологические раскопки 2010 – 2015 (!) гг. в районе восточной куртины старого редута дали (помимо прочего) и казацкий материал XVIII века.



Особо интересны были раскопки 2014 и 2015 годов, которые проходили под звуки артиллерийской канонады, а «разнонаправленные» участники раскопок старательно пытались не заводить между собой дискуссии на политические темы. Уважаемый Читатель, поверьте на слово (проверять такие ситуации на практике, пожалуй, не стоит) - это незабываемые ощущения и море драйва! Тем не менее, невзирая на все сложности, раскопки проходили дружно и увлекательно, на них царила хорошая атмосфера. Спасибо и организаторам, и всем добровольным участникам раскопок. Было весело! ☺

Из данных же Ригельмана выходит, что эта паланка располагалась не в верхней, старой части города, а в нижней – на Гавани (название одного из районов Мариуполя), на плоской низменности между главным устьем Кальмиуса и ныне уничтоженным озером Домаха, а также частично на Горострове. Т.е., что территориально старый редут и Кальмиусская паланка не совпадали. Тогда возникает еще один интересный вопрос – кто и когда насыпал этот редут? Надежного ответа нет пока и на него (хотя возможных вариантов ответа найдено уже несколько, порой довольно неожиданных).

<sup>44</sup> [http://papacoma.narod.ru/maps/kalmius\\_1702.htm](http://papacoma.narod.ru/maps/kalmius_1702.htm)

<sup>45</sup> [http://papacoma.narod.ru/articles/mariupol\\_planes.htm](http://papacoma.narod.ru/articles/mariupol_planes.htm)

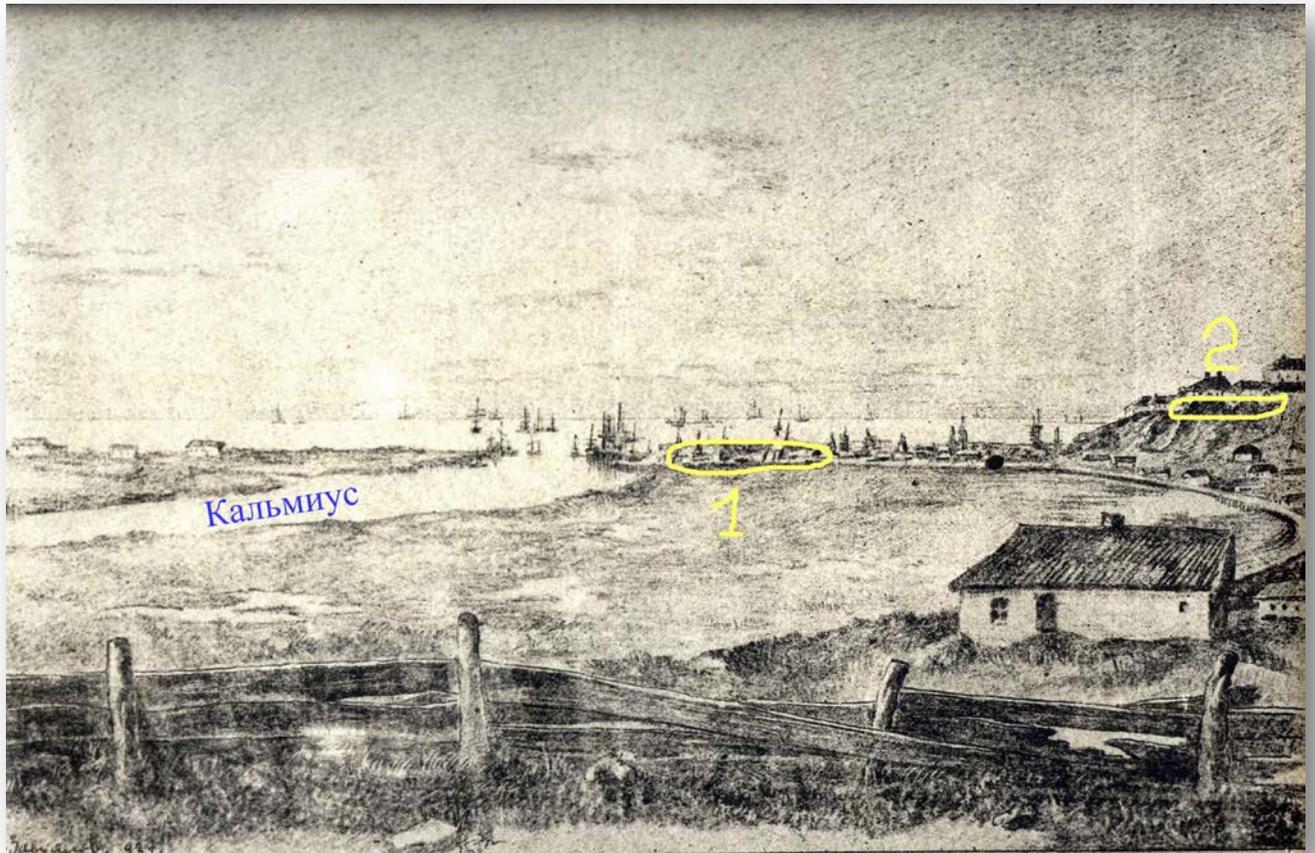


Рис.7.4. Вид на устье Кальмиуса с севера. Копия, выполненная преподавателем мариупольской Александровской гимназии В. Завьяловым с рисунка ученика И. Ханакадопуло, конец XIX века. На данном рисунке мы под цифрой 1 показали место расположения Кальмиусской паланки в низине у устья реки по данным А.И. Ригельмана 1768 года, а под цифрой 2 – место расположения на горе «бывшего города» на плане П.Бергмана 1702 года и «старого редута, назначенного к срытию» на планах начала XIX века. На данном рисунке удобно иллюстрировать разницу их местоположения.

Автору данной статьи удалось добраться и до самого плана паланки, прилагавшегося к ответу из крепости Св. Димитрия, так что можно несколько уточнить и дополнить данные с уже упоминавшейся карты Азовского моря Ригельмана. Например, оказалось, что по сравнению с ней на более подробном плане южные постройки паланки подходили гораздо ближе к морю, а вот на Горострове находилось значительно меньше строений, т.е. изображение паланки на мелкомасштабной карте Ригельмана было сделано довольно условно.

Обнаруженный подробный план изображает паланку по состоянию на 1767 год. План глазомерный, без всякого масштаба, рисовался явно по памяти. Автор этого плана был хорошо знаком с самим поселением, но, судя по сильно искаженному изображению впадения притока Кальчика - слабо представлял себе даже ближайшие окрестности паланки. С очень большой долей вероятности эта информация была получена руководством крепости Св. Димитрия Ростовского от купца той же крепости Алексея Самарина, который имел лавку с полотном в Кальмиусе и у которого весной 1767 года был конфликт с кальмиусским полковником Иваном Засухой (материалы разбирательств по этому конфликту содержатся в 208 деле Архива Коша Новой Сечи<sup>46</sup>, к сожалению, они еще не опубликованы). В зимнее время, когда большая часть сезонных работников

<sup>46</sup> Архив Коша Новой Запорожской Сечи. Опись дел 1713-1776, К., 1993, с.101

уходила на север домой, население Кальмиусской паланки резко падало, и торговля зимой почти замирала. Так что этому ростовскому купцу (если он после конфликта вообще не забросил торговлю здесь) не было никакого смысла сидеть в своей лавке в Кальмиусе, и можно было спокойно отдохнуть в своем ростовском доме, тем более, во время затяжных Рождественских праздников.

Как уже говорилось, согласно данному плану основная часть паланки располагалась между озером Домаха и основным устьем Кальмиуса. Озеро было соединено с рекой искусственным протоком (нынешняя гавань Ковша является его отдаленным потомком), так что проехать в паланку «с материка» можно было только через узкий перешеек между озером и морем. Что интересно, на плане П.Бергмана 1702 года озеро с рекой еще не соединилось, т.е. этот проток действительно рукотворный, как и говорится в одной из местных легенд о казачке Домахе, записанной в 1828 или 1830 г. архиепископом Гавриилом (Розановым). Само озеро на плане 1768 года названо «река Адамаха». Никакие укрепления в паланке не показаны, как почему-то не показано и старое городище на холме. В самой паланке всего чуть больше двух десятков зданий (если считать вместе с хозпостройками), поставленных без всякого представления о планировке. В южной ее части, ближе к морю, вокруг небольшой пустой площадки «базара» и примыкавших к нему с восточной стороны «шинков для летнего времени, камышевых» (их было 4 штуки под общей кровлей, видимо, те самые «шинковые будки», за пользование которыми администрация паланки собирала определенный сбор<sup>47</sup>), хаотично располагалось около десятка «куреней или изб, где жительство имеют казаки». Т.е. это была основная жилая часть паланки.

Севернее, примерно в центре паланки стояла наша Свято-Николаевская церковь – «церковь деревянная, забранная досками и вокруг огорожена тынником». Эта ограда, кстати, тоже показана. Западнее церкви располагалось также огражденное подворье «где жительство имеют иеромонахи», оно состояло из одного длинного здания и еще пары небольших изб, стоящих в противоположных углах подворья. Восточнее церкви располагалось небольшое здание «титарни» (кладовая церковного старосты – ктитора).

Ну и в самом северном углу паланки стояла большая изба - «поланка, при которой жительство имеет полковник» и «при оной две избы» поменьше, «конюшня камышовая» с огражденным выгоном и еще некоторые хозпостройки («при поланке в земле погреб с погребицею камышевою» да «сарай деревянной»). Никаких укреплений вокруг паланки показано не было.

Из остального – можно еще упомянуть отдельно вынесенную в западную часть этого полуострова (с учетом преобладающей розы ветров) кузницу; жилой курень и пару камышовых сараев за рекой на нынешнем Горострове; да еще один курень на «материке» с другой стороны протоки к озеру Домахе. Еще на «паланочном» полуострове изображены пара небольших рощиц - «деревя дикие яблоневого и грушевого, и тернового».

Отдельно стоит упомянуть про «школу, где обучаются музыке и петь». В текстовой подписи она упомянута в единственном числе, а вот литера «L», обозначающая ее, на плане проставлена дважды (одно из зданий возле избы полковника и здание к югу от рыночной площади и поблизости от шинков). Можно, конечно, предположить, что это свидетельство о сильной тяге запорожцев к просвещению, но для столь крохотного поселения такое количество представляется явно излишним. Скорей всего в одном из случаев чертежник просто написал не ту букву. Но где тогда должна помещаться «правильная» - сказать уже вряд ли удастся. То ли дети мешали своим пением мирному послеобеденному сну полковника, то ли сами обогащали свой словарный запас возле шинков? Пусть уважаемый Читатель сам выберет понравившийся вариант, наука на этот вопрос четко ответить пока не в состоянии... Епископ Феодосий (Макаревский) не раз упоминал о школах

---

<sup>47</sup> Н.Г. Руденко. Приазовье – колыбель казачества, гл. 8, <http://old-mariupol.com.ua/priazove-%E2%80%93-kolybel-kazachestva-%E2%80%93-8/>, ссылка на ЦГИАК, ф.229, д.231, л.1

при приходских церквях на Запорожье, например: «Церковная школа в слободе Новоселице (ныне Новомосковск) и **музыкально-певческая** в Орловщине, при Самарском монастыре, в новоосаженные слободы и в вновь открываемые приходы давали деятельных и усердных священников и отличных церковников—читак и спевак,—превосходных чтецов и певцов»<sup>48</sup>. Так что, видимо, в некоторых приходских школах была специализация с большим упором не на обучение чтению, а именно на музыку и пение, и школа в устье Кальмиуса была как раз из таких.

Более подробно данный план Кальмиусской паланки разбирался на форуме<sup>49</sup>. Как его трактовать, как объяснять отсутствие на нем указания на старое укрепление на ДОСААФовском холме, как совмещать между собой данные этого плана и результаты раскопок на месте редута – Бог весть, пока готового и внятного ответа у автора статьи нет, рассматриваются самые разные варианты, в том числе и довольно экзотические. Но, тем не менее, указанный план паланки не производит впечатление полного фальсификата, слишком много в нем показано хорошо узнаваемых подробностей и мелочей, совершенно не требующихся для фальшивки. Да и что-то по-крупному исказить в таком международном дипломатическом деле было для руководства крепости Св. Димитрия очень чревато. Им бы головы поснимали в случае выявления крымскими татарами (которые хорошо знали эти места) серьезных фальсификаций в переданном русскими дипломатами ответе на турецкие претензии. К тому же, что «нижнее» место для паланки, что «верхнее» - одинаково находились в «Барьере», поэтому такая «подмена» смягчить факт нарушения данного условия мирных трактатов никак не могла. Так что, скорей всего, памятник Кальмиусской паланке нашим казачкам придется-таки перетаскивать на новое место. ☺ Впрочем, в данной статье мы говорим не о размещении паланки, а только о Свято-Николаевской церкви из нее, поэтому возвращаемся к заявленной теме.

## 8. Устройство и внешний вид Свято-Николаевской церкви довоенного периода.

Наверное, уважаемый Читатель, у которого хватило терпения дочитать аж до этого места, уже задавался вопросом – а как могла выглядеть эта казацкая Свято-Николаевская церковь? (О тех, кому терпения не хватило – мы в этом плане так волноваться не будем, им эта тема явно не слишком интересна ☺).

Информации по данному вопросу, к сожалению, не слишком много. Но то, что есть, мы сейчас рассмотрим. Еще в письме киевского митрополита Тимофея (Щербатцкого) встречается такая фраза: «**приказать в Калмиусе походную во имя с[вя]т[и]теля Хр[и]ст[о]ва церковь **строить по примеру армейских полковых походных церквей****». Похожие фразы про устройство по образцу полковых церквей довольно часто встречаются и относительно других казацких походных церквей времен Новой Сечи. И церковное, и светское начальство даже тогда любило приятное глазу единообразие и универсальность. Тем более, что в армии традиционно все было очень продуманно и рационально.



В нормативных армейских документах середины XVIII века не только очень четко прописывались требования к внешнему виду воинов, но и очень дотошно и мелко регламентировались самые разные стороны их существования. Были там и строгие требования к составу и внешнему оформлению полкового обоза.

**«Полковый обоз составляли: ящики—церковный для иконостаса, церковный для ризницы и книг; казенный (для денежной казны), восемь патронных, два**

<sup>48</sup> Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с. 117

<sup>49</sup> <http://vse-grani.com/viewtopic.php?p=152711#p152711>

аптечные, двенадцать палаточных, четыре артиллерийские и канцелярский; фуры—казначейская, кузнечная, двенадцать провиантских и двенадцать телег лазаретных.

Каждый род ящиков и фур, кроме уже различия в величине и устройстве, разнствовал от другаго окраскою и изображениями. Только ход и колеса имели один, общий цветъ: красный; прочия главныя части, т. е. кузова, согласно данным образцам, были следующия:

**Церковный ящик для иконостаса**—голубый; на крышке, в облаках, представлен Архангел, в левой руке держащий трубу, с занавесою, на которой изображено вензеловое Имя Императрицы Екатерины II, а в правой—хартию, с словами из 50 псалма; „По всей земли слава Твоя;“ вокруг, по углам крышки—четыре Ангела, с лавровыми венками в одной, и с масличными ветвями в другой руке; по бокам кузова—два Херувима, в облаках (Рис. № 516, а).

**Церковный ящик для ризницы и книг** — голубый; на крышке изображены, в облаках: Херувим, кадило и Евангелие, с Высочайшим вензелем и двуглавым орлом; по бокам кузова—Херувимы, в облаках же (Рис. № 516, б)»<sup>50</sup>.

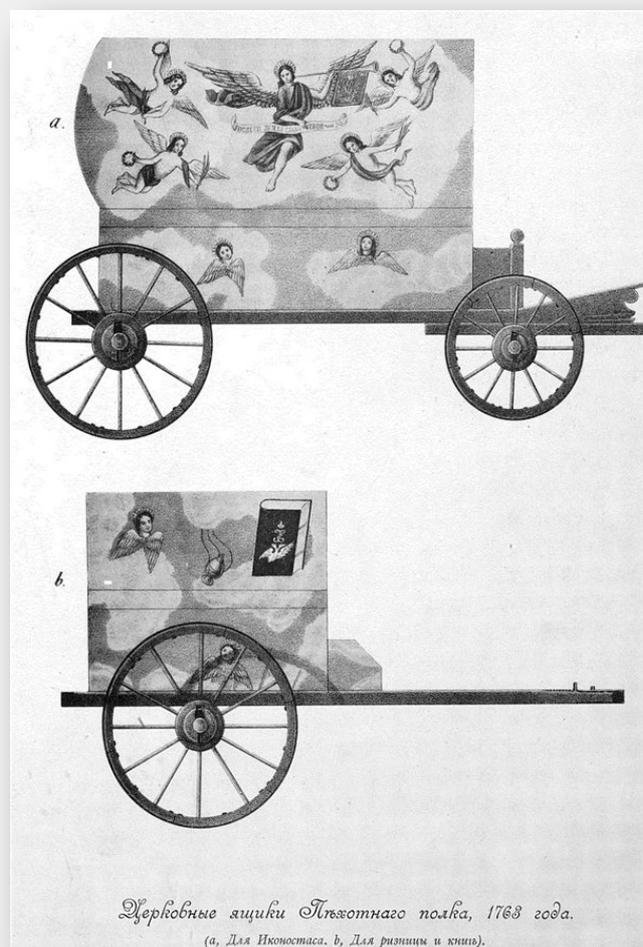


Рис.8.1. Церковные ящики пехотного полка Русской армии, 1763 год. Изображение обнаружено уважаемым detective.

Казачи, понятно, не настолько заморачивались внешним видом своих обозов — что собрали, на том и поехали...

<sup>50</sup> Висковатов В.В. «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с древнейших времён», часть 11, СПб, 1900. <https://xn--80aaap4axsw6a.xn--p1ai/index.php/istoricheskoe-opisanie-odezhdy-i-vooruzheniya-rossijskikh-vojsk-1899.html> , <https://elena-sem.livejournal.com/3127700.html>

Автору статьи пока удалось найти только одно очень краткое описание полковой походной церкви середины XVIII века. Это была «бывшего Болгарского гусарского полка походная церковь Святого Великомученика Георгия Победоносца», установленная в 1772 году в Александровской крепости (нынешний г. Запорожье) в качестве временной меры до постройки постоянной церкви. Она представляла собой следующее: «палатка с полами, иконостас с царскими вратами, с пятью местными иконами, престол и жертвенник, писанные на холсте, с священными сосудами, с одеждами и книгами»<sup>51</sup>. Изображений же или более подробных описаний таких культовых сооружений XVIII века автору, к сожалению, пока раздобыть не удалось. Поэтому мы просто покажем образцы походных палаточных церквей более позднего периода, какое-то представление об этом вопросе можно почерпнуть и из них. Единственно, что удалось выяснить, что в таких полковых церквях в обязательном порядке должна была быть икона того святого, в честь которого она была названа. Так что в случае с нашей кальмиусской Николаевской церковью можно уверенно говорить, что икона святого Николая в ней точно была.



Рис.8.2. Русские походные церкви начала XX века и современные в их «палаточной» форме (фото).

Как уже говорилось выше, основная (по крайней мере в теории) форма походных церквей была в виде большой палатки. Такая форма была очень удобна для быстрой перевозки и установки, но не слишком хорошо защищала от дождей и холода. Поэтому если планировалось длительное круглогодичное использование такой церкви на одном месте, то чаще всего обязательную палатку аккуратно складывали в специальный сундук и хранили отдельно (на случай необходимости использования походной церкви по ее прямому назначению), и выстраивали (в меру финансовых возможностей общины) постоянное здание для церкви. Иногда встречались особо извращенные варианты, но это было скорее исключение из правил. Так церковь в Ейском укреплении в начале

<sup>51</sup> Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с. 929

своего существования (в 1779 году) описывалась так: «походная церковь из полотна, а для затишности от ветра ограждена камнем». Современную попытку реконструкции ее внешнего вида можно посмотреть на рис.8.3 (почему-то с деревянными стенами). Или замена в шанце Калиновском на Лугани установленной в 1753 году прежней походной церкви Усекновения Главы Крестителя Иоанна, которая была «холщевая, ширмы с палатками», в 1767 году на церковь того же названия (также походную?) «из хвороста и в малом виде», пока в 1782-1785 годах на месте этого недоразумения не построили нормальную стационарную церковь. Аналогичные плетневые «из лозы и хворосту» временные церкви были первоначально устроены в 1780 году греками-переселенцами в селах Старый Крым и Ласпе (Старой Ласпе). А в селах Бешево (Старобешево) и Большой Янисоли тогда же устроили себе церкви в землянках. На рис.8.4 и 8.5 показана еще пара походных церквей, сделанных на скорую руку из подручных материалов, но это уже продукт военного времени. Ну а в абсолютном большинстве случаев постоянные здания походных церквей были полностью аналогичны обычным стационарным церквям. Для примера (возможно, не совсем удачного, но зато в нем мелькает название, связанное с нашим городом) – на рис. 8.6 приведем походную церковь в честь Св. Николая Чудотворца 4-го гусарского Мариупольского полка. Первоначально это был деревянный царский павильон, построенный на время Высочайшего смотра под г. Белостоком в августе 1897 г. После окончания смотра, по ходатайству командира полка полковника Крыжановского, он был выделен Мариупольскому гусарскому полку для перестройки под полковую церковь, для чего в нем снесли внутренние перегородки и пристроили снаружи алтарную часть. Иконостас в ней был резной дубовый. Эта полковая церковь простояла с 1897 и (как минимум) по 1913 год<sup>52</sup>.



Рис.8.3. Современная реконструкция Ейской походной церкви<sup>53</sup>.

<sup>52</sup> 4-й Гусарский Мариупольский полк <https://genrogge.ru/memo/4gmp.htm>

<sup>53</sup> О.В. Гальченко. История храмов Ейского района. Храмы г.Ейска, Ейск, 2013 <http://www.grandov.ru/nuda/o-v-galechenko-istoriya-hramov-ejskogo-rajona-hrami-g-ejska-ej/main.html>



Рис.8.4. Походная церковь Кавказского отряда на берегу Каспийского моря<sup>54</sup>



Рис.8.5. Постройка походной церкви<sup>55</sup>

<sup>54</sup> Гродеков Н. И. Хивинский поход 1873 года. Действия кавказских отрядов. — СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. — С. 119

<sup>55</sup> Дореволюционные передвижные храмы [https://ortox.ru/news/dorevolyutsionnye-peredvizhnye-khramy/?PAGEN\\_4=446](https://ortox.ru/news/dorevolyutsionnye-peredvizhnye-khramy/?PAGEN_4=446)

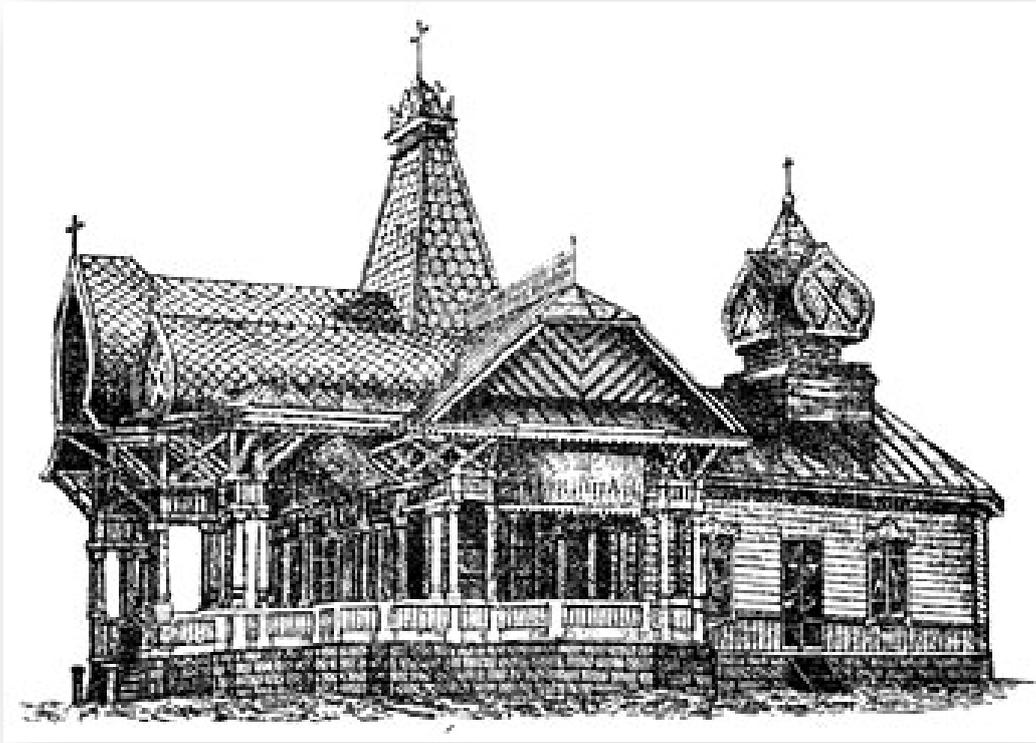


Рис.8.6. Полковая походная церковь 4-го Мариупольского гусарского полка в Белостоке

Иконостасы в походных церквях XVIII века обычно были или в виде разборных ширм (рис.8.7) или холщовые (рис.8.8 – 8.9). Судя по описанию архиепископом Гавриилом (Розановым) гораздо более поздних событий 1780 года, в нашей Николаевской церкви он был последнего типа – «с иконостасом в ней, на холсте написанном»<sup>56</sup>. Возможно, что запорожцы заказали его одновременно с палаткой в Черкасске, но это лишь предположение.

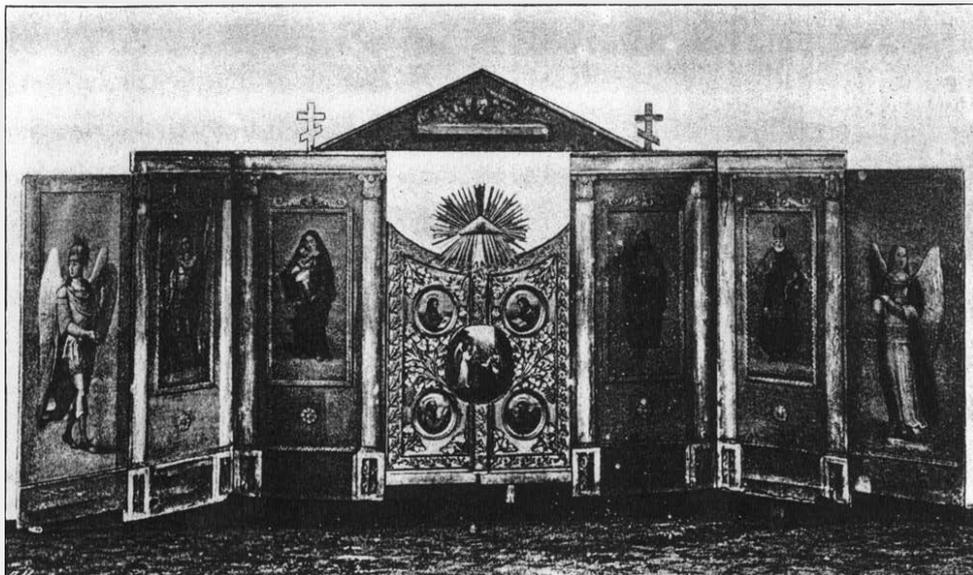


Рис.8.7. Иконостас ширменный к походной церкви, 1765 год.

<sup>56</sup> Гавриил, архиепископ Тверской и Кашинский. Очерк повествования о Новороссийском крае // ЗООИД, Т.3, 1853, с.123

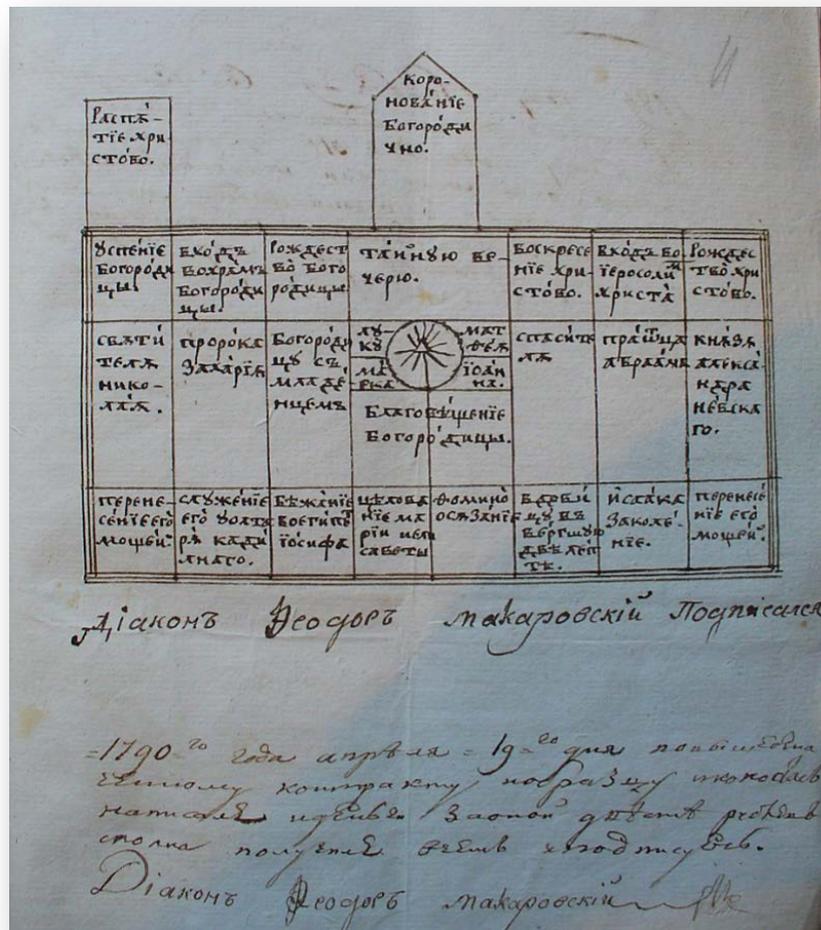


Рис.8.8. Схематичный эскиз росписи полотняного иконостаса походной Александро-Невской воинской церкви Александровской крепости, выполненный автором иконостаса – новоселицим дьяконом Федором Макаровским в 1790 году<sup>57</sup>.



Рис.8.9. Современный матерчатый иконостас к походной церкви.

<sup>57</sup> Макидонов А.В. Днепровская линия (1770-1797). – Запорожье: Акцент Инвест-трейд, 2014, с.195, 538

В текстовом описании Кальмиусской паланки, отправленном в начале 1768 года из крепости Св. Димитрия Ростовского в КИД, наша церковь описана так: *«в которой церковь деревянная в столбах, забрата досками и оставлена вокруг оградю тынником»*. На плане Кальмиусской паланки она подписана почти также (только не упомянуты «столбы»). Надо полагать, что опорная (несущая) часть здания церкви была столбовой конструкции, а снаружи к столбам были прибиты ряды досок. Видимо, это один из вариантов фахверковой конструкции. Что использовалось в качестве утеплителя – известные источники, к сожалению, не сообщают. Удалось найти описание еще одной церкви аналогичной по конструкции. Вот как описывалась Архангело-Михайловская церковь в Таганроге (кстати, тоже походная), построенная в 1769 году: *«построенная поспешно и только на время, первая, единая и единственная в Таганроге, вовсе не отвечала своему назначению для крепостного и военно-портового города. В 1777 году главнокомандующий Азовскою флотилиею и Таганрогским портом контр-адмирал Феодот Алексеевич Клокачев доносил уже преосвященному Евгению, архиепископу Славенскому и Херсонскому, что крепостная городовая, т. е., соборная в Таганроге Архангело-Михайловская церковь «построена забором в столбах, покрыта лубьями и столь тесна, что более 200 человек не может вместить в себе»<sup>58</sup>*.

Напоследок еще отметим, что на плане Кальмиусской паланки (если полностью доверять ему) данная церковь имела в плане вид не слишком большого прямоугольника, никаких выступов для внешней колокольни и внешней алтарной части не показано. Так что, видимо, у нашей церкви алтарная часть была встроена внутри здания. Ориентация ее продольной оси показана не традиционная W-O, а скорее NNO-SSW. Возможно, такой «неформат» был как раз связан с тем, что такую ориентацию имело первоначальное здание, которое в 1754 году было переделано под церковь.

**Резюмируя.** Кальмиусская Свято-Николаевская церковь этого периода (насколько позволяют судить наши сегодняшние знания) была небольшой деревянной церковью фахверковой конструкции, прямоугольной в плане, с встроеной алтарной частью. По устройству ее кровли – данных пока нет. Возможно она была камышовая, менее вероятно – из гонта. Наличие купола и колокольни - очень сомнительно. Просто небольшая скромная церковь. Располагалась в центре нынешней Гавани. Как-то так... Если в дальнейшем будут появляться новые документы – возможно, что-то еще удастся уточнить. На пока все.



Уже после написания этой статьи была найдена недатированная карта морского побережья между Самбеком и Миусом, вероятно относящаяся примерно к середине 1760-х годов<sup>59</sup>. На ней в устье Кальмиуса (на том же месте, что и на картах Ригельмана) показана Кальмиусская паланка и церковь в ее середине. Церковь показана в виде высокого здания (с высокой крышей?), к которой примыкает башенка с островерхим куполом. Аналогий этому рисунку в известной Православной церковной архитектуре XVIII века найти не удалось. С учетом многочисленных ошибок в показании именно этого места (при общей великолепной точности данной карты!) – указание вместо озера Домаха нескольких рукавов Кальмиуса, впадающих в море, и несовпадений в изображении расположения центра паланки с планами Ригельмана – скорее всего автор карты правобережье устья Кальмиуса лично увидеть так и не смог. Поэтому не факт, что данное изображение церкви имеет хоть какое-то отношение к реальности. Возможно, здесь просто использовано условное обозначение церкви у военных топографов. Но других изображений этой довоенной церкви у нас пока нет...

<sup>58</sup> Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с. 848

<sup>59</sup> РГВИА, ф.846 (ВУА), оп.16 (т.III), д.№22885

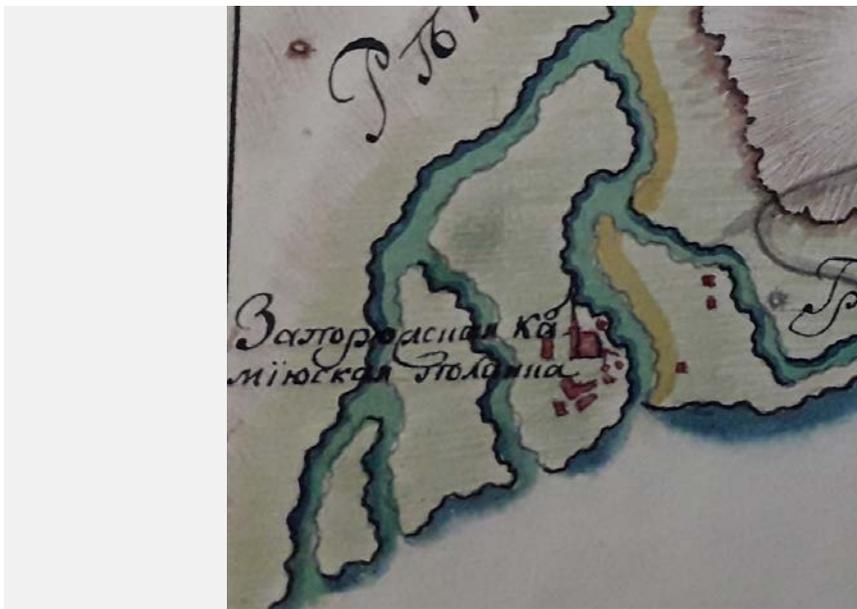


Рис.8.10. Фрагмент карты с устьем Кальмиуса (1760-е?).

## 9. Годы эвакуации.

У Феодосия (Макаревского), а следом за ним и в МИЕО, резкое изменение в судьбе нашей церкви описывается так: *«В тревожные времена, пред страшным нашествием агарянским [татарским - LV], по распоряжению Коша, она была разобрана, снята и для безопасного хранения, в 1767 году, отправлена в Самарский монастырь»*<sup>60</sup>. Дата здесь приводится откровенно ошибочная. Сведения об обстоятельствах этой эвакуации Макаревский мог взять только из церковных архивов, из переписки второй половины 1770-х годов. Возможно, уже там была записана ошибочная дата (бывает и такое). А возможно – там это событие было вообще недатированным, просто упоминалось как произошедшее незадолго до «страшного нашествия агарянского» (под которым в оригинальном документе явно подразумевался большой татарский набег на Бахмут и Присамарье, совершенный в январе 1769 года), а год Макаревский вставил уже сам, по собственному разумению. Сам он был родом с Черниговщины и значительную часть своей взрослой жизни провел в великорусских епархиях. На Екатеринославщину он попал уже в возрасте 49 лет. Помимо истории Церкви, ему также были очень интересны казацкие темы, но местную степную Историю запорожского периода он толком не знал.

Как уже говорилось в 6-й главе, к концу 1760-х годов международная обстановка стала совсем взрывоопасной. Турцию активно подталкивала к войне с Россией Франция, а также часть польской знати. Когда польские конфедераты пообещали уступить Порте Волынь и Подолию, турки окончательно созрели, но нужен был приличный повод для войны. И он не заставил себя долго ждать. В июне 1768 года один из отрядов польских конфедератов, пытаюсь спастись от преследующего его отряда украинских гайдамаков зашел в турецкий город Балту (на севере нынешней Одесской области). Гайдамаки последовали за ними, и там произошли некоторые не совсем красивые события локального масштаба (разбираться с которыми в нашу задачу не входит). Турецкое правительство решило использовать их в качестве удобного *Casus belli* и 25 сентября 1768 года объявило войну Российской империи. В ответ Екатерина II 18 ноября того же года также опубликовала манифест о начале войны с Турцией. Обеими сторонами началось интенсивное стягивание войск к границам и прочие необходимые приготовления к войне.

<sup>60</sup> Там же, с.430

Один из участников той войны, русский генерал Александр Александрович Прозоровский несколько позже, а именно летом 1770 года, имел хорошую возможность плотно пообщаться с запорожской старшиной, в том числе и лично с кошевым Петром Калнышевским. Результаты своего общения он свел в одну записку, в которой затрагивались самые разные темы, связанные с военной и довоенной жизнью запорожцев. 25 июня 1770 года он переслал свои наблюдения графу Захару Григорьевичу Чернышеву, тогдашнему вице-президенту Военной коллегии (они поддерживали дружескую переписку с тех пор, как во время Семилетней войны Прозоровский служил под командой Чернышева). Вот что он писал со слов запорожцев о событиях двухлетней давности: «*Как скоро нынешняя с Портою Оттоманскою война открылась, то Запорожцы тотчас в совете своем положили все селении, лежащие от устья Самары до реки Конской по рекам Волчей, Терской, Сухим и Мокрым Ялам, по Торцу и Кальмиусу, сжечь, а некоторые оставить без жителей. Что того ж времени и исполнили. Селение в устье Кальмиуса, где было дворов до пяти сот и церковь, сожгли, а жителей всех согнали к устью Самаре и к Сече запорожской*»<sup>61</sup>.



В официальном ответе из крепости Св. Димитрия в КИД количество зданий в Кальмиусской паланке указывалось равным 19 (считая вместе с церковью). По информации Чернышева, полученной из вторых рук – «дворов до пятисот и церковь». Почему появились столь противоречивые оценки, кто где дал неправильную информацию, кто где схимичил или что-то неправильно понял – Бог весть. Лично автор статьи более доверяет «ростовской» цифре и связанному с ним плану Кальмиусской паланки, а во втором случае подозревает какую-то ошибку (число жителей? число вместе с зимовниками?). Но полной уверенности в этом вопросе быть не может, пока не будут найдены новые независимые первоисточники, которые смогут подтвердить ту или иную оценку. Будем искать...

Получается, что Кош при получении известий о начале войны (напомним, это осень 1768 года) предпринял целенаправленные шаги для плановой эвакуации населения и движимого имущества ведомств южных степных паланок в северные, более защищенные районы Вольностей. При этом часть оставляемых селений (и зимовников?) была просто оставлена, а часть сожжена (вероятно, чтобы не давать татарам где-то обогреться на случай их действий в зимнее время). Такому же «плановому» сожжению самими запорожцами (!) была подвергнута и Кальмиусская паланка (поселение) с ее деревянной церковью. Выходит, что сами запорожцы (в отличие от нынешних историков и краеведов) крымских татар в уничтожении и сожжении этой паланки обвинять и не думали! Так что если даже некоторые татары во время январского набега на Бахмут из любопытства и заглянули на свежее пепелище при устье Кальмиуса, то дожечь они могли только какие-то случайно уцелевшие при устроенном казаками пожаре здания. Да и то не факт... Нечего и некого татарам здесь было ловить. Сразу после своего сообщения о сожжении Кальмиуса, князь Прозоровский укоряет запорожцев: «*<...> Но что ж бы из сего заключать? Естли согласно говорить с запорожцами, то можно сказать, что они сделали хорошо, дабы их люди, живущие в разных местах по их зимовникам, не сделались неприятелю жертвою. <...> Сие доказывает то, что естли б запорожцы в охранение отечества своего границ войска своего в одно место не сбিরали, а оставили бы хотя по малой части при реках у устья Московки, к вершинам Волчей и посреди реки Кальмиуса, а в правую сторону к устью Буга и к устью реки Синюхи, то татарам проходить бы было трудно или по крайности сведан бы был неприятель о его предприятиях и удерживаем, поколь собрались бы российския войски оного преследовать. А им [запорожцам - LV] отделять от себя [отдельные отряды - LV] опасности не было никакой в рассуждении свободной*

<sup>61</sup> Журнал генерал-фельдмаршала князя А.А.Прозоровского, 1769-1776, с.353. <http://feb-web.ru/feb/rosarc/zgp/zgp-177-.htm>. В XIX веке данное письмо также публиковалось самостоятельно, как анонимное «Примечание о Запорожцах неизвестного лица».

ретирады [отступления - LV] к российским границам»<sup>62</sup>. Так что после эвакуации Кальмиусской паланки Запорожский Кош в нашем регионе вообще ни одного своего отряда не оставил, все отвел на север.



Такими значками мы будем отмечать посвященные нашей церкви фрагменты работ предшествующих историков и краеведов, где содержатся особо значительные искажения информации. Смотрите, сравнивайте с изложенным в статье материалом, думайте...

Миф о героической гибели гарнизона Кальмиусской паланки во время татарского набега уже прочно вошел в сознание мариупольского краеведения. Упоминания об этом «событии» встречаются в большинстве работ по истории нашей паланки. Судя по всему, данный миф является плодом творчества украинского «писателя-историка» А.Ф. Кашченко (1858 - 1921), отношения которого с Историей были достаточно своеобразными. Вот что говорится в его сочинении «Оповідання про славне Військо Запорозьке низове»: *«Як тільки татари довідались, що кошовий із 7350 запорожцями вийшов із Січі на захід, умить же двома ордами наскочили на Запорожжя. Перша хотіла перевезтися через Дніпро біля устя Кам'янки, щоб напасти прямо на Січ, але тут Стягайло з військовими байдаками перешкодив татарам на перевозі і навіть потопив деякі їхні судна разом із людьми. Друга орда таки продерлася крізь російське військо генерала Берга, що стояло понад річкою Конкою, **наскочила на запорозьку Кальміуську паланку, і хоч запорожці завзято оборонялися, але татари всіх їх перебили** й, подавшись на північ, поруйнували Самарську, Протовчанську й Орельську паланки. Полковник Порохня, що був на лівобережних запорозьких землях, мав у всіх паланках всього 1260 козаків, та й ті були розкидані, через те він не зміг оборонити лівобережного Запорожжя, й татари попалили багато зимівників та слобід <...>»<sup>63</sup>.*

Реально же первоисточники данного мифа происходят из книги Скальковского, хотя он сам очень удивился бы, если бы узнал об этом. Откроем 3-й том Скальковского, страницу 26: «<...> как Татары, под бунчуком самага Калги-Султана, пробившись через линию генерала фон-Берга, **истребили команду Калмиусскаго полковника и ворвавшись в Самарскую, Протовчанскую и даже Орельскую поланки, сделали ужасныя там опустошения**»<sup>64</sup>. Казалось бы – ну вот же оно, искомое! Ну подумаешь, Кашченко чуть-чуть перефразировал текст, из-за чего «команда Кальмиусского полковника» превратилась в «Кальмиусскую паланку», эка мелочь, эка невидаль! Но нет, друзья, дьявол как раз и кроется в деталях.

А весь цимес в том, что Скальковский здесь описывает события, которые случились только **через полгода** после эвакуации казаками Кальмиусской паланки. И которые происходили уже в совсем другом регионе. Это описание летнего татарского набега на Присамарье, совершенного ими **в последних числах июля 1769 года**. Тогда основные силы запорожцев выдвинулись на помощь русским в Елизаветградскую провинцию, а для обороны от татар населения запорожского Присамарья Кошем были оставлены достаточно скромные силы, среди которых было много эвакуированных с Кальмиуса казаков, а командовал силами прикрытия уже знакомый нам бывший кальмиусский полковник Андрей Порохня (тот самый, который некогда обустроивал церковь в Кальмиусе). Еще южнее рубеж по Конке и Берде на тот момент пытался прикрывать русский корпус Магнуса фон Берга. Но из него как раз перед этим дезертировала бóльшая часть калмыцкой конницы, и в образовавшуюся после их ухода брешь удачно проникли крымские татары. Они тогда навели много шороху в присамарских областях запорожцев. Действия Порохни по их отражению тогда тоже

<sup>62</sup> Журнал генерал-фельдмаршала князя А.А.Прозоровского, 1769-1776, с.353-354.

<sup>63</sup> Кашченко Адріан. Оповідання про славне військо запорозьке низове. <http://ukrclassic.com.ua/katalog/k/kashchenko-adrian/2862-adrian-kashchenko-opovidannya-pro-slavne-vijsko-zaporozke-nizove?showall=1>

<sup>64</sup> Скальковский А.А. История новой-Сечи или последнего коша запорожского, Одесса, 1846, часть 3, с.24, 26

оказались не особо удачны. И Скальковский здесь описывает один из таких не очень веселых моментов. Но к Приазовью и это отношения вообще не имеет! Вот как эти же летние события описываются в статье современного историка В.В. Грибовского: «Через щойно утворену «щілину» миттю прослизнули кримці й загубилися в степах у напрямку до р. Самара. <...> Опісля ж з'ясувалося, що кількість диверсантів ледь перевищувала 3 тис. осіб. <...> У верхів'ях р. Кильчень кримці **розбили невеликий загін запорожців Кальміуської паланки** й рушили до Самарської, Орільської та Протовчанської паланок <...>»<sup>65</sup>. Кильчень, кто не в курсе, это река в Днепропетровской области, правый приток Самары... Вот так неправильно понята информация про разгром к северу от Самары одного из отрядов эвакуированных кальмиусских казаков превратилась, с легкой руки Кащенко, в уничтожение самой Кальмиусской паланки (укрепления). А это уже две большие разницы! Но в остальном, Кащенко в данном отрывке и по датировке, и по сопутствующим событиям не слишком отклонился от рассказа Скальковского.

В Советском Союзе с 30-х годов творчество Кащенко оказалось под запретом, ссылки на его книги не приветствовались. Тем не менее, информация из них все-равно продолжала просачиваться в краеведение, просто ссылку обычно не ставили. Поэтому после нескольких заимствований последующих авторов друг у друга и многочисленных компиляций, рассматриваемый сюжет окончательно оторвался от своей «первоосновы» и зажил собственной бурной жизнью. Проверить его, в отсутствие ссылок на первоисточники, уже никто не мог. В дальнейшем у многих краеведов и историков появилось еще и вполне логичное умозаключение про то, что вместе с «гарнизонам» паланки погиб и ее полковник (ну, раз «всех перебили»). А сама «гибель Кальмиусской паланки» каким-то чудным образом сдвинулась с лета 1769 года на значительно более раннее время. Разные авторы датировали «уничтоживший» ее татарский набег по-разному: «осень 1768 г.», «поздняя осень 1768 г.», «январь 1769 г.» (привязка к набегу на Бахмут) и т.д. И ведь никого из многочисленных исследователей, вспоминая про эту тему, даже не смутило, что при хорошо развитой бюрократии середины XVIII века этот героический полковник так и остался анонимом... Не, не задумывались...

Приведем лишь один из свежих примеров: «*В конце 1768 во время очередной русско-турецкой войны 1768-1774 гг. полковую **канцелярию** эвакуировали из Кальмиуса за реку Самару. Пользуясь этим, **17-тыс. отряд татар и турок** напал на земли Кальмиусской паланки, разграбил зимовники и **осадил Кальмиус. Гарнизон из 500 запорожцев упорно оборонялся, однако полностью погиб под саблями и пулями врагов вместе с полковником**» (В. Джывага. История о том, как на территории Мариуполя казаки поселились (ФОТО), 2017)<sup>66</sup>.*

Не очень понятно, как именно эвакуация «канцелярии» смогла настолько существенно ослабить оборону паланки, что татары смогли этим воспользоваться, но оставим это на совести автора. Как и «фото» тех событий. ☺

Здесь мы уже видим настолько хороший и наглядный пример полного и окончательного торжества «абсолютной компиляции в вакууме» над Историей и здравым смыслом, что не грех его и подробней разобрать. Так, события здесь сместились на конец 1768 года. А сведения о «17-тыс. отряде татар и турок» отдаленно происходят тоже из Скальковского. Опять открываем его 3-й том, только страницу 24: «*При чем Кош извещал графа Румянцева, что один козак, взятый было в плен при порогах и ушедший от Татар, показал старшине, что Татаре готовились сделать еще раз нападение на Русския границы и что уже **до 17,000 всадников** отправилось к Запорожским границам со стороны Калмиуской поланки (Бердянского уезда)*».

<sup>65</sup> В. В. Грибовський. Диверсійний рейд Шехбаз Гірея на Присамар'я 1769 р. (2017), на сайте <https://etnoparky.dniprorada.gov.ua/>

<sup>66</sup> В. Джывага. История о том, как на территории Мариуполя казаки поселились (ФОТО), 2017. <https://www.0629.com.ua/news/1827227/istoria-o-tom-kak-na-territorii-mariupola-kazaki-poselilis-foto>

Знакомая цифра, правда? Да еще и рядом со словами «Кальмиусская паланка». Вот только это **июнь 1769 года**. И Скальковский вовсе не говорил о том, что перед тем, как отправляться «со стороны Кальмиусской паланки» татары предварительно её еще и разрушили. Ну двигались себе – и двигались... Кстати, эта татарская партия, похоже, растворилась в воздухе, так никакой особой шкоды и не наделав. А турки в данном инциденте вообще не при делах были.

Ну а по поводу «гарнизона из 500 запорожцев» (в другом месте той же статьи приводится другая цифра - «до 600 сабель») - это еще один старый фейк. Эта цифра является отдаленным потомком упоминания о 674 казаках, принявших присягу в Кальмиусской паланке при восшествии на престол Екатерины II, о чем кратко сообщает Скальковский<sup>67</sup>. Это событие произошло во второй половине лета 1762 года (т.е. в теплый сезон), когда население ведомства Кальмиусской паланки многократно возрастало за счет наемных «забродов» на рыбных заводах и приехавших за рыбой чумацких артелей, среди которых было и много «чистых» запорожцев. Они тогда присягали в нашей Свято-Николаевской церкви наравне с местными аборигенами-зимовчиками. Увязывать эту цифру с понятием «гарнизон» абсолютно не корректно.

Ни у Коша, ни у кальмиусского полковника вплоть до самого начала войны не было никакого резона вывозить кальмиусскую церковь в Присамарье, надолго оставляя недоумевающих местных казаков без религиозных треб. Да и когда в январе 1768 года в крепости Святого Димитрия Ростовского писали свой отчет для КИД, они про эвакуацию местной церкви ничего не упоминали. Так что в дате эвакуации церкви в 1767 году – епископ Феодосий (или документ, который он здесь использовал) просто ошибся.

По идее, основной массив документов по процессу этой эвакуации (где можно ожидать и упоминаний нашей церкви, и наличия каких-то данных о количестве выводимого населения и его маршрутах) должен находиться в Киеве, в деле 226 Архива Коша Новой Запорожской Сечи (ЦГИАК, фонд 229)<sup>68</sup>. К сожалению, данное дело пока не опубликовано и автору не доступно. Но даже из его краткого описания можно узнать о том, что плановая эвакуация ведомства Кальмиусской паланки производилась в декабре 1768 года кальмиусским полковником Сидором Чалым. Вероятно, тогда же была вывезена на Самару и Николаевская церковь. Получается, что сделано это было очень вовремя, так как всего через считанные недели последует январский набег крымцев на Бахмут. Успели Запорожцы...

<sup>67</sup> Скальковский А.А. История новой-Сечи или последнего коша запорожского, Одесса, 1846, часть 2, с.238

<sup>68</sup> Архів Коша Нової Запорозької Січі. Опис справ/ упор. Л.З.Гісцова, Л.Я. Демченко, К.- 1994 г., с.106-107

226. 1768 р.— «Дѣло о висилки з вѣдомствъ Кодацкаго и Самарскаго бродящихъ и укрывающихся отъ курѣнныхъ повинностей козаковъ до Сѣчи и о непускѣ чрезъ Кодацкіи перевозы также Кременчуцкой и Перево-лочанской и протчіе по Украинской линіи форпости такъ же о сходѣ з вѣдомствъ калмиускаго, богогардоваго и ингулскаго козакамъ со вѣми ихъ скоты и имуществи в ближніе Сѣчи и Самары мѣста и о принятой въ войскы предъосторожности причиною заграничныхъ важныхъ обращеній. 1768 года, октября съ 16 д. Тутъ же и о обыдахъ народу здѣшнему произшедшихъ отъ бывшихъ въ походѣ. № 1». — 82 [80] арк.

[«О высылке с вѣдомствъ кодацкихъ и самарскихъ бродящихъ и укрывающихся отъ куренныхъ обязанностей козаковъ Сечи и о перевозке козацкого имущества в ближніе места Сечи и Самары. № 260».

Так само. 2.I.—19.XII.1768. № 210.]

Напередодні російсько-турецької війни 1768—1774 рр.: притягнення до курінних обов'язків тих, хто ухилився від служби, евакуація Кальміуса й Прогнойської товщі. Озброєння.

Мобілізація почалася поступово. Як свідчили отамани куренів, чутки про непевний політичний стан і близькість війни викликали масове переселення з Вольностей Війська Запорозького на територію Гетьманщини за Українську лінію. Кіш просив генерала П. О. Румянцева, Черткова й О. Ісакова не пропускати без паспортів Коша, одночасно заборонив це на своїх перевозах. Мобілізація нежонатих у паланках.

Самарський полковник Дмитро Кулик і кодацький — Йосип Калнишевський просили дозволу відрядити людей на Гетьманщину, щоб закупити зброю та порох, яких не вистачало в багатьох козаків і посполитих. З Протовщі Йосип Рубан повідомляв про малу кількість мобілізованих. Кіш надіслав за пропозицією Дмитра Кулика ордери до паланок — всіх, хто ухилився, затримувати і посилати до Січі, а хутори й зимівники їхні спалити. Евакуація Кальміуса в грудні за Самар-ріку. Полковник Сидір Чалий доносив, що козаки з зимівників і хуторів відмовлялися евакуюватися через те, що на Самарі не було сіна для худоби, скаржилися на дорожнечу хліба в Бахмуті й Ростові, бо в Черкасах (Новочеркаське) Донське Військо припинило продаж хліба запорожцям. З Прогноїв Кіш наказав евакуювати всіх за Ингул. 26 грудня П. О. Румянцев повідомив, що він наказав через Українську лінію без паспортів Коша не пропускати, а запорожців з Гетьманщини, хто там перебував, повернути в Січ.

Рис.9.1. Фрагмент описания дела 226 из фонда 229 ЦГИАК

Евакуированное с юга население Кош большей частью расселил в ведомствах северных паланок (особенно Самарской), в добровольно-принудительном порядке добавил их в качестве квартирантов в имеющиеся там селения и зимовники. Поэтому они могли пользоваться для своих нужд теми же культовыми сооружениями, что и аборигены. Так что привезенную из Кальмиуса походную Николаевскую церковь сложили без использования в казацком Самарском Пустынно-Николаевском монастыре. Но уже вскоре Кошу опять пришлось про нее вспомнить.

В расположенной неподалеку запорожской слободе Камянке, находившейся на левобережье Днепра, немного выше впадения в него Самары, была собственная, большая и красиво устроенная Свято-Преображенская церковь, в которой вели службы четыре приходских священника (Иоанн Стефанов Безклубий, Григорий Тихонов, Григорий Иванов и Михаил Гординский) и два дьякона. Но 9 июля 1768 года эта деревянная церковь сгорела. Ее прихожане сразу же начали подготовку к ее повторной постройке, но начавшаяся осенью того же года война резко отодвинула такие планы на отдаленное будущее — у местного населения сильно упали доходы, людей и их имущество начали активно привлекать ко всяким военным надобностям и перевозкам, к тому же сохранялась опасность татарского вторжения и в этот край. Поэтому Кош, в качестве временной меры, приказал

установить в данной слободе походную Свято-Николаевскую церковь, на что было получено и одобрение от тогдашнего Киевского митрополита Арсения. В апреле-мае 1772 года, когда военная обстановка уже прочно склонилась в пользу Российской империи, камяньские жители, при поддержке самарского полковника, администрации Коша и духовного правления Старокодацкого крестового наместничества, вновь вернулись к идее восстановить у себя стационарную церковь прежнего названия, начав переписку с новым Киевским митрополитом Гавриилом (заменившим умершего к тому времени Арсения). И в июле 1773 года получили от него желаемое разрешение на начало строительства. Сама стройка затянулась на несколько лет, и только 1 декабря 1777 года новая Преображенская церковь слободы Камянки была «по церковному чиноположению освящена и к богослужению открыта»<sup>69</sup>.

Ну а пока Николаевская церковь спокойно служила местным православным в приднепровской слободе Камянке, на ее покинутой родине продолжали происходить драматичные, нередко даже головокружительные события и перемены. После того, как начало войны сделало неактуальными положения прежних мирных договоров, а запорожцы ярко продемонстрировали неспособность собственными силами надежно прикрыть от татарских нападений не только «внутренние» имперские области, но даже и собственные относительно густонаселенные районы в северной части своих Вольностей, центральное правительство все-таки решило приступить к давно продумывавшемуся, но до того не раз отклоняемому проекту устройства новой оборонительной линии в Степи. Только если по разным довоенным проектам ее задумывали провести через Присамарье и в сторону Изюма или Лугани, то сейчас к этому вопросу подошли гораздо радикальнее. В 1770 году новую линию (ее назвали Днепровской) провели от Днепра и до Азовского моря непосредственно вдоль русско-турецкой границы 1742 года – по рекам Конке (Конским Водам) и Берде. Первым Главным командиром Линии (в обязанности которого входило не только строительство, но и административные функции по Линии) стал генерал-поручик М.А. Деденев, а с лета 1771 года его сменил генерал-майор Василий Алексеевич Чертков<sup>70</sup> (с которым мы в дальнейшем рассказе будем еще не раз сталкиваться). Вдоль указанных рек начала строиться цепочка крепостей, самыми крупными из которых должны были стать крайние, фланговые крепости – Александровская при Днепре (родоначальник нынешнего города Запорожье) и Петровская близ устья Берды (сейчас там село Новопетровка). Последнюю крепость, кстати, возводил уже знакомый нам А.И. Ригельман, к тому времени дослужившийся до звания инженер-полковника<sup>71</sup>. Окрестности новых крепостей их русские гарнизоны и приданные к ним подразделения малороссийских и донских казаков использовали для содержания лошадей и для своей хозяйственной деятельности. При этом активно вырубались немногочисленные в Степи деревья, бывали и случаи разборки на дрова построек чудом уцелевших запорожских зимовников, оставленных запорожцами при эвакуации в начале войны. Жалобы запорожцев на это, ввиду продолжавшейся войны, имперскими военными властями обычно оставались без внимания.

Запорожский Кош, который в случае с новой укрепленной линией был поставлен уже перед фактом принятого свыше решения, довольно болезненно воспринял такое вмешательство в свои Вольности. Тем более, что за последнюю четверть века это было уже далеко не первое осуществленное центральным правительством урезание запорожской территории для нужд Империи. Кошевым атаманом тогда был Петр Иванович Калнышевский (1691 - 1803), который в первый раз ненадолго занял высший пост в Войске в 1762 году, а затем занимал его без перемены

<sup>69</sup> Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с.427-430

<sup>70</sup> Макидонов А.В. Днепровская линия (1770-1797). – Запорожье: Акцент Инвест-трейд, 2014, с.14

<sup>71</sup> Макидонов А.В. Днепровская пограничная линия в документах середины 1770-х – начала 1780-х гг.: сборник документов. – Запорожье: Кругозор, 2016, с.403

с 1765 года и аж до самой ликвидации Запорожья. Человек это был очень умный, хитрый и амбициозный, он сильно (хотя и несколько специфически) радел об интересах Войска, не боялся за них идти и на конфликт с вышестоящим руководством. Еще до войны Кош, по инициативе Калнышевского, начал предпринимать ряд мер для уменьшения вероятности очередных «урезаний» своей территории, для чего (в частности) стал пытаться заселять слободами (преимущественно из крестьян-переселенцев) районы, непосредственно прилегавшие к соседствующими с Вольностями с севера Новороссийской и Воронежской губерниями, что уже тогда вызвало некоторое усиление территориальных споров с соседями. Но в 1772 году Кош начал предпринимать качественно новую - еще более активную и агрессивную - политику в данном вопросе, начав просто отбирать огромные куски территории у соседей и сгонять с этих земель прежних землевладельцев. В том году тяжелую руку Коша почувствовали на себе и донцы, и бахмутчане, и изюмцы, и линейцы. И, наверное, самое подленькое в этой ситуации было то, что эти новые грандиозные свары были устроены запорожцами **прямо во время войны**, когда государство напрягало все силы для окончательной победы над врагом, а прифронтовое население было изрядно разорено постоянными реквизициями и повинностями для нужд сражающихся войск! Возможно, Калнышевский надеялся воспользоваться моментом, когда внимание Государства было отвлечено на войну с Турцией, а услуги запорожцев были крайне необходимы, чтобы прихватить земли «с лишком», дабы в дальнейшем можно было выгоднее торговаться с Правительством по поводу окончательного оформления границ Вольностей? Такая политика имела некоторые шансы на успех, но также она несла и большой риск, что подобные авантюры могут плохо кончиться. А через несколько лет война с турками закончилась, и услуги запорожцев стали уже не так востребованы. И у Правительства, наконец, дошли руки до разгребания накопившихся за годы войны старых нерешенных вопросов... И в какой-то не самый прекрасный момент терпение Правительства окончательно лопнуло от многочисленных и многообразных «художеств» запорожцев, что очень плохо закончилось и лично для Калнышевского, и для всего Войска Запорожского. Впрочем, эта большая и тяжелая тема о территориальных спорах запорожцев последнего периода существования Сечи с их соседями далеко выходит за рамки данной статьи...

Ну а пока мы возвращаемся в 1772 год, когда запорожцы вновь восстановили свое присутствие в Северном Приазовье. Причем новый запорожский полковник Петр Велегура (которого мы помним по более ранним событиям) вновь, как и в середине 1740-х, прогнал донских казаков с морских кос и восстановил границу с Войском Донским по Миусу. Учитывая, что одновременно прочие запорожские полковники производили похожие действия на других участках границ Вольностей – от Тора и до Днепра, такое поведение никак нельзя признать личным решением Велегуры. Но если в других местах запорожцы своими действиями нарушали «неформальные» границы, которые исторически сложились, но не были четко оформлены на бумаге, то в случае с донцами Велегура посмел похерить даже утвержденную императорскими указами границу 1746 года между двумя Войсками по Кальмиусу! Это вызвало особое внимание Высокого начальства к его личности и действиями, началась активная переписка с прямыми запретами такого поведения. В письме от 6 февраля 1775 года Антон Головатый (один из запорожских делегатов в Санкт-Петербурге) жаловался Кошу, что Г.А.Потемкин устроил запорожской делегации большой разнос сразу за несколько казацких прегрешений, одним из которых было то, что «Велегура, Калмиуский полковник, отрезал косы у Донцев по Миус». Причем Потемкин грозился, что прикажет и Велегуру арестовать<sup>72</sup>. Но Велегура, прикрываемый Кошем, продолжал такие действия вплоть до момента, когда Сечь Запорожская была окончательно ликвидирована. В статье национально-ориентированного историка П.Г. Александрова из Запорожья приводятся данные из документа, описывающего взятие Велегуры под арест во время ликвидации Запорожья: *«В дні “атакування” Січі десь 4-6 червня, Велегура був схоплений*

<sup>72</sup> Скальковский А.А. История новой-Сечи или последнего коша запорожского, Одесса, 1846, часть 3, с.171

військовим відділом під проводом прем'єр-майора, донського старшини Федорова і відряджений від генерала Брінка майором Петровим до людини, якій фаворит наказав арештувати Велегуру. 7 червня 1775 р. Велегуру під вартою трьох російських козаків відправили у Москву до Потьомкіна на розправу. При цьому з ним повелися, наче з карним злочинцем - закували в ручні і ножні кайдани»<sup>73</sup>. Судя по всему, это произошло не на Сечи, а где-то в наших краях. После чего данный автор глубокомысленно заканчивает свой рассказ: «Подальша доля П. Велегури нам невідома. Можна припустити, що майно його було конфісковане, а сам він запроторений до якоїсь в'язниці». Здесь, конечно, мы рискуем несколько нарушить образ украинского патриота, невинно сгинувшего в лапах царизма. Но надо отметить, что и «за что» там было, и что абсолютное большинство арестованной тогда запорожской старшины (на всякий случай, чтобы глупостей сгоряча не наделали) после вдумчивых бесед и объяснений «политики партии» довольно быстро отпустили. Многие при этом еще и получили новые чины и пожалования и поспешили начать встраиваться в новую для себя реальность. По-настоящему страшно пострадали только сам кошевой Петр Калнышевский и еще 2-3 его ближайших приближенных. Так что с Петром Велегурой мы в нашем рассказе еще встретимся. Наверное...

По «Велегуриному» периоду и его «реконкисте» до Миуса автору статьи пока известно недостаточно много документов, поэтому многие вещи здесь приходится расписывать гадательно. Судя по сообщению Скальковского, Велегура при этих событиях поставил свою паланку на Миусе<sup>74</sup>. Также известно, что там, у Каменного брода, у него появился свой зимовник, который некрасиво разграбил тогдашний таганрогский комендант И.П. де Жедерас (Жедерак). По всей видимости, основное внимание местного полковника Велегуры тогда было приковано именно к этому, пограничному и проблемному району. А вот целенаправленное восстановление паланки на Кальмиусе – пока по документам не прослеживается. Более того, когда в начале октября 1773 г. через территорию нынешнего Ильичевского района Мариуполя проезжал академик Гильденштедт, то здесь, в междуречье Кальмиуса и Кальчика он приехал «к форпосту, занимаемому Запорожским полковником с двумястами человек». Это не район устья Кальмиуса и, видимо, Кальмиусская паланка на тот момент все еще не существовала. Еще в окрестностях Таганрога академику пришлось запастись «предварительно говядиной, хлебом, колесами и осями, так как отсюда до Бердянской крепости, на расстоянии более двухсот верст, нет ни одной деревни»<sup>75</sup>.

## 10. Возврат церкви на прежнее место.

Тем не менее, постепенно оседлое население в наши края возвращалось (вероятно, начиная где-то с 1774 года), преимущественно в виде зимовников. Быстро восстановились и морские рыбные заводы, что ежегодно на теплый период опять привлекало сюда множество наемных работников из запорожской голытьбы и «гастарбайтеров» из Малороссии. Они стихийным образом как-то налаживали свой быт и даже как-то решали проблему с удовлетворением своих религиозных потребностей.

Район нижнего Кальмиуса, Кальчика и морское побережье к моменту разгона Сечи уже вновь представлял собой некоторый оазис заселения, по крайней мере на фоне окружающей безлюдной Степи. Очень метко это описывал епископ Феодосий (Макаревский): «<...> Правда, у Темерницкаго Порта и Таганкина рога, в Бахмутской провинции, на Калмиусе и на Новой Днепровской Линии

<sup>73</sup> Александров П. Г. До портрета Петра Велегури. – Придніпровський науковий вісник, 1997 р., № 14, с. 46 – 48, ссылка на РГВИА (Москва), ф.52, оп. 1, д.80., ч. 10, л.74

<sup>74</sup> Скальковский А.А. История новой-Сечи или последнего коша запорожского, Одесса, 1846, часть 3, с.155-156

<sup>75</sup> Дневник путешествия в южную Россию академика С.-Петербургской Академии Наук Гильденштедта в 1773-1774 г. (Перевод с Немецкого) // ЗООИД. Т.11, Одесса, 1879, с. 218, 222 <http://papacoma.narod.ru/articles/hildenstedt2.htm>

существовало несколько населенных местностей и до сего времени: но все это среди обширных и привольных степей казацких было - капля в море, песчинка на безбрежном океане. Только всесильный и энергичный Чертков, Азовский губернатор, оживил и заселил народом семейным и оседлым дикия и широкия, пустынные и безлюдныя степи бритайския и самарския, волководския и консководския. Ловкий и аккуратный запорожец Горленко, произведенный Чертковым в волководскаго земскаго комиссара Горленскаго, согласно видам и желаниям Черткова, при содействии преданных ему запорожцев, скоро основывал на казацких зимовниках слободы и заселял их народом семейным и оседлым <...><sup>76</sup>. Поселение при устье Кальмиуса, если оно к тому времени уже опять появилось (пока это достоверно не установлено), размерами и благоустройством похвастаться еще явно не могло. Гораздо больше народа проживало в зимовниках, которые обычно группировались по несколько штук в особо удобных для проживания местах. Ну и плюс толпы приходивших на теплый сезон наемных «забродчиков», проживавших обычно в камышовых шалашах прямо возле рыбных заводов. Всю эту буйную людность с переменным успехом пытался хоть как-то контролировать «Кальмиусского уезда земский комиссар» секунд-майор Петр Трофимович Горленский. Но это явно не тот «ловкий и аккуратный запорожец Горленко», о котором говорится в приведенном в начале абзаца отрывке из труда епископа Феодосия.



На тот момент Волководский уезд был еще одним слабозаселенным отдельным уездом, расположенным севернее Кальмиусского. Данные о том, что наш «кальмиусский земской комиссар» П.Т. Горленский параллельно мог исполнять тогда такие же функции еще и во втором уезде – пока не обнаружены. В инструкции, выданной 11 декабря 1775 года Петру Трофимовичу Горленскому, ему предписывалось принять управление именно над Кальмиусским уездом<sup>77</sup>. Прибыл он к месту своей новой службы при устье Кальмиуса ориентировочно в конце декабря 1775 или в январе 1776 года, сохранилась часть его январской переписки по поводу Я.Бершадского. А летом 1776 года именно он будет встречать в низовьях Кальмиуса нового Азовского губернатора при его объезде губернии.

О предыдущей карьере П.Т. Горленского можно узнать из работы С.Потапенко, посвященной руководящему составу Слободских полков второй половины XVIII века, а также из рапорта №825 от 28 ноября 1779 года, которым В.А. Чертков обращался к Г.А. Потемкину с просьбой наградить «*правлящего в Павлоградском уезде земского камисара должность, секунд-маиора Горленского*» чином надворного советника, и к которому прилагались челобитная и формулярный список «*о службе и достоинстве*» П.Т. Горленского. В самом списке, кстати, его пост называется несколько по-иному: «*правлящей камисарскую должность в городе Азове секунд-маиор Петр Трафимов сын Горленский*». Ниже мы приведем основные сведения, которые удалось установить из этих источников. В тех случаях, когда даты каких-то событий в них несколько отличаются – основной будем указывать даты из слободских документов (как более близкие к событиям), а даты из формулярного списка 1779 года будем указывать в скобках.

Петр Трофимович Горленский родился в 1734/35 году и происходил из «старшинских детей» «малороссийского шляхетства». Он был младшим братом Максима Трофимовича Горленского, сделавшего неплохую карьеру в Харьковском слободском полку, хотя тот и был его старше на 24 (!) года. Вот что этот харьковчанин сообщал о своих предках: «*Предки ево вишли с Полской области из Минского повету – дед Самойло служил в Малороссии в Чернеговском полку значковым товарищем, а отец [Трохим - LV] – в Полтавском полку сотником*».

На службу (по словам самого Горленского) он был записан «по наукам» с 17

<sup>76</sup> Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с.116-117

<sup>77</sup> Калоеров С.А. От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652-1783). – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2008, документ №443, с.531 - 537

августа 1739 года (около четырех лет отроду!). Где-то и как-то он учился, в дальнейшем показал себя довольно грамотным (хотя и не слишком принципиальным) человеком. О своем образовании он позже указывал, что умеет читать и писать по-русски, по-немецки, по-французски, по-латыни и по-польски, знает «арифметику» и геометрию, «а других наук не знает». У тогдашнего Сумского полковника Донец-Захаржевского (1748-1760) он *«находился у обучения детей, в доме и жителство имел»*, то есть выступал в качестве домашнего учителя. Тот же полковник 11 марта 1758 года устроил 23-летнего Петра канцеляристом в Сумской казачий полк (в формуляре 1779 года это событие датируется 3 июля!). Собственно, именно эта дата и будет фигурировать в качестве начала его службы в документах Сумского полка.

Тогда же он *«в том канцелярском звании бил из Сумским полком в [1]758-м году в походе в Изюмском полку на речке Комишовахе»* (правый приток Северского Донца, в 20 верстах западнее Изюма). Впрочем, как вспоминали впоследствии сослуживцы, своими обязанностями он тогда откровенно пренебрегал: *«с определения ево в канцелярости не токмо в полковой канцелярии при повитье, но и ни при каких делах, канцеляристам принадлежащих, не находился и в канцелярии не бивал»*. К сожалению, вскоре его покровитель, полковник Захаржевский умер, что могло принести к некоторым нежелательным изменениям в вольготной жизни Петра. Но Горленский и здесь не растерялся. Через своего «ученика» - сына покойного полковника – полкового ротмистра Михаила Захаржевского, они через голову полкового командования и канцелярии смогли тайком подать «представление» вышестоящему начальству. И 23 (в формуляре – 21 числа) января 1761 года тогдашний главный командир Украинской дивизии (куда входили слободские полки) генерал-аншеф П.И. Стрешнев, не особо вникнув в обстоятельства этого дела, назначил Горленского *«на ваканцию полкового писаря»* Сумского полка. Когда эта махинация вскрылась, разразился большой скандал, Сумская полковая канцелярия писала гневные протесты, указывая, в частности на то, что Петр *«по незнанию канцелярских порядков, к которым не навик [не привык - LV], и при правлении оних не бывал, и исправлять ония не может»*, а также и на то, что больше никто из местной старшины такое назначение не поддержал. В общем, *«в дистрикт к правлению дел ево, Горленского, определением канцелярским допускать не велено»*. Но каким-то образом этот скандал удалось приглушить, П.Т. Горленский остался в должности полкового писаря, но сверх штата. И только 21 августа 1763 года по ордеру нового командующего слободскими полками генерал-майора Н.В. Поскочина он был введен в штат полка в должности младшего писаря.

В октябре того же года фиксируется предложение о назначении Петра на место сильно болевшего старшего полкового писаря, но что-то не срослось. Здесь его служба с 1758 года характеризовалась так: *«был в камандирациях, и посылках, и у исправления писменных дел при генералитету, и службу продолжал безподозрительно, а по наукам щисляется з [1]739 году в службе»*. В это время ему уже приходится реально исполнять свои обязанности, имеются составленные им полковые документы. Полковому начальству пришлось примириться с «блатным» писарем, но оно ничего не забыло...

Следующие неприятности случились у Горленского тогда же, когда и у всей слободской старшины. В результате ревизии в 1763 - 1764 годах положения дел в слободских казацких полках было вскрыто очень много нарушений и злоупотреблений. Это привело центральное правительство к решению о прекращении здесь казацких привилегий и о превращении слободских полков в обычные армейские, с формированием на этой территории новой губернии. Тогда было вытащено на свет много «грязного белья» слободской старшины, не миновала чаша сия и Горленского. Много из того, что мы выше цитировали – зафиксировано именно при тех разборках. Во время ревизии, надо полагать, местное начальство старалось максимально вычистить отчетные документы от всех «сомнительных» мест, в чем пришлось

участвовать и полковому писарю Горленскому. Это также было отмечено в результатах ревизии: *«По учрежденной о слободских полках Камисии в производстве неуказных расходов и в запусении щетов [счетов- LV], тож и в подозрительном чищении и приправкам казенных приходных и расходных книг, и в оставлении под статьями многих белых мест изобличился, и на то от учрежденной Камисии еще об нем никакова решения не учинено»*. Но ему и в этот раз как-то удалось выкрутиться. Возможно, потому что в следственной комиссии по Сумскому полку участвовал его брат Максим Трофимович?<sup>78</sup>

О последующей службе П.Т. Горленского мы можем узнать из формулярного списка 1779 года. И хотя в этом документе он ни разу не называет место своей службы, известно, что он продолжал служить в Сумском полку, который был сначала казацким, а потом гусарским. Начало службы-учебы Горленского относится к 17 августа 1739 года (т.е. ему было около четырех-пяти лет отроду!), а первые сведения о его реальной карьере начинаются только через 18 лет. В 1757 году 22-летний Петр во время Семилетней войны (1756-1763) участвовал в военных действиях в Пруссии (подробности не сообщаются, слободские документы об этом походе тоже ничего не говорят). Далее упоминается уже рассмотренные нами этапы – получение чинов канцеляриста и полкового писаря. С 1 мая 1766 года он получил чин аудитора, затем поручик с 10 июня 1769 года, капитан с 1 января 1773 года, секунд-майор с 1 января 1774 года. Помимо самого первого похода в Пруссию, он упоминал еще свое участие в следующих боевых действиях русской армии: в 1769 году в Турецкую войну он был во Второй армии, в 1770 был *«при взятии города Бендер»* и под Очаковом, 1771 – *«при взятии Крымского полуострова»* - в сражениях под Перекопом и Кафю, 1772 – в Польше, 1773 – в Первой армии при реке Дунае. В 1774 году Горленский оставил полевую службу. В 1775 году он был определен в Азовскую губернию. Как он сам писал: *«В оной губернии бывшой Сечи запорозской необузданный народ, почти варварской, живущей при реке Калмиюсе, многотрудными способами и разными обороты и неусыпными трудами привел к познанию самих себя и к порядочному добронравию; а тем самым и первое селение при усть реке той, с размножением хлебопашества и ползе государственной мною заселяться начато, кое ныне Павлоградом именуется»*<sup>79</sup>.

Также он сообщал о заселении им в 1777 году *«в необитаемом никогда месте при усть реки Кагалнике <...> с полских и малороссийских народов казенного слабода»* (кстати, версия Макаревского о ранней истории этой слободы, как обычно, не совпадает со свидетельствами очевидца). О посадке в 1778 – 1779 годах вдоль этой реки, *«где никогда лесу кроме терновника не было»*, дубовых насаждений желудями *«немалое количество»*. Об этой посадке Чертков докладывал Потемкину рапортом от 26 июня 1778 года, с приложением *«произросших с того разсаженного леса трех ветвей»*. Также Горленский сообщал, что с 1778 года и по время составления его челобитной он служил *«без всякого жалованья по Азовской каменда[н]тской по земских делам канцелярии»*<sup>80</sup>. Это, надо полагать, было ему очень затруднительно, так как он не отличался богатством. Собственных крепостных крестьян у него не было, но зато он имел несколько слуг. Прежний кальмиусский начальник Яков Бершадский (из бывших сечевых запорожцев), который был сменен Горленским на этом посту и между которыми сложились напряженные отношения, называл слуг Горленского *«москалями»* (то ли по национальности, то ли по их солдатскому прошлому). Ориентировочно в 1777 году Петр Трофимович будет переведен восточнее, сосредоточившись преимущественно на районе Азова. В конце 1770-х годов его

<sup>78</sup> Еліта Слобідської України. Списки козацької старшини 60-х років XVIII століття / Упорядн. С. Потапенко. – Харков, 2007, л. 54, 56, 151, 152, 156, 194, 246, 442

<sup>79</sup> РГАДА, ф.16, оп.1, д.797, ч.16, л.431-434

<sup>80</sup> РГАДА, ф.16, оп.1, д.797\_часть 16, л.431-434.

должность в разных документах называлась по-разному, иногда – земским комиссаром Азовского уезда, иногда – Павлоградского уезда.

Так что «ловким и аккуратным запорожцем Горленко» Петр Трофимович точно не был, это очередной (далеко не первый!) домысел епископа Феодосия (Макаревского).



Яков Бершадский (Бершадцкий) был кальмиусским «начальником» (уезда? поселения?) перед прибытием в Кальмиусский уезд П.Т. Горленского. Бершадский был не из местных казаков, а переселенцем из бывшей Сечи. На новом месте он, похоже, взял на откуп продажу «горячего вина» (другое название - «хлебное вино», это дешевые и общедоступные виды тогдашней водки), за которым к нему охотно приезжали местные аборигены. Так как Бершадский отличался повышенной общительностью, а также любовью к употреблению собственного товара в хорошей компании, то быстро сумел скорешиться с местным населением. С Горленским же у него, напротив, сложились напряженные отношения. Последний подозревал Бершадского (возможно и не совсем беспочвенно) в настраивании против него местных казаков и в прочих «сумлительствах». И даже предлагал, используя в качестве предлога накопленную при Бершадском Кальмиусским уездом недоимку в казну в размере до четырехсот рублей, выселить его прочь из этого уезда. Руководство губернии и лично Потемкин отнеслись к донесению Горленского про слухи о намерении местных казаков тайно переселиться за границу на Кубань достаточно серьезно и для предотвращения возможности такого действия предприняло ряд профилактических мероприятий в этом и в соседних уездах. Одним из них стало то, что Бершадского под предлогом недоимки действительно вывезли в Петровскую крепость, а затем отправили в Белевскую крепость к губернатору Черткову. Последний к подозрениям о вине Бершадского в подговорах казаков к переселению отнесся довольно скептически, но окончательное решение отложил до личного разговора с ним<sup>81</sup>. Чем закончилась эта история для бывшего «кальмиусского начальника» пока выяснить не удалось. Но вряд ли особо жестко.

Летом 1776 года, через год после ликвидации Сечи, знакомый нам Василий Алексеевич Чертков, к тому времени уже оставивший командование Днепровской линией и сосредоточившийся на исполнении обязанностей Азовского губернатора, устроил личный объезд подведомственной ему губернии, куда входило и бывшее запорожское правобережье Кальмиуса. Вот как об этом сообщает епископ Феодосий (вероятно, на основании одного из писем самого Черткова?): «1776 года губернатор Чертков, обозревая свою Азовскую губернию, был, между прочим, и на Калмиусе, нашел здесь множество православнаго народа, каменную часовню и при ней Киевскаго Межигорскаго монастыря иеромонаха»<sup>82</sup>. Обращаем внимание уважаемого Читателя, что **деревянное** здание прежней церкви к этому времени не сохранилось, оно было сожжено самими запорожцами еще в конце 1768 года. Так что для устройства часовни местным жителям пришлось складывать из камня новую халупку (им тогда было явно не до «украинского барокко»). Где они ее поставили – данных нет никаких. Так как подавляющая часть экономической активности в наших краях (что до войны, что после) продолжала крутиться в сфере морской рыболовли, то можно осторожно предположить, что местом повторного заселения вновь могла стать низина между устьем Кальмиуса и озером, где было удобно приставать рыбацким лодкам, и где прежде находился хорошо известный купцам и чумакам рынок. В этом случае наиболее вероятно расположение этой временной часовни поближе к пастве - на пепелище Свято-Николаевской церкви, на «намоленном месте», как выражаются православные. Но пока

<sup>81</sup> Макидонов А.В. Днепровская пограничная линия в документах середины 1770-х – начала 1780-х гг.: сборник документов. – Запорожье: Кругозор, 2016, с.73 – 78.

<sup>82</sup> Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с.430

документы, раскрывающие эту тему, еще не обнаружены, а как работали головы у тогдашних казаков, еще не забывших недавнюю войну и разорительные набеги крымцев – никто не знает, они вполне могли выбрать и какое-то другое, более защищенное место, в том числе и в древнем городище на горе (где, возможно, к этому времени и земляной редут уже был насыпан).



Рис.10.1. В.А.Чертков, Азовский губернатор (1775 – 1782).



Личность засвидетельствованного на тот момент Чертковым «Киевского Межигорского монастыря иеромонаха» пока остается не известной. В то «промежуточное» между Запорожьем и Империей время ситуация в сфере управления на нашей территории была еще близка к полному бардаку. До войны обеспечением церкви в Кальмисе священнослужителями занимался предстоятель Самарского монастыря, но в 1774 году эта приписанная к Киево-Межигорскому монастырю религиозная община перешла от него под руку нового Сечевого архимандрита Владимира Сокальского. Автор не смог выяснить, вернулся ли после уничтожения Запорожья Самарский монастырь в прежнюю юрисдикцию. Так что, возможно, в этот раз пришлось подсуетиться непосредственно межигорцам. Также пока непонятно, была ли ими организована в этой часовне при устье Кальмиуса правильная, регулярно сменяемая служба, или это был «разовый» залетный гастролер (бывало тогда и такое). Как неизвестно и то, проводилась ли в этой часовне служба в зимний период. По крайней мере, через год, когда придет время перевозить Николаевскую церковь обратно из Приднепровья, про местного иеромонаха уже ничего слышно не было, и Славенской консистории пришлось самой подыскивать священнослужителя, на которого можно было бы взвалить эту обязанность.

И вот, когда летом 1776 года всю эту «скромную красоту» на Кальмиусе обозревал Чертков, мысленно уже прикидывавший в голове здесь очередной «город-сад», аборигены воспользовались случаем, чтобы коллективно попросить нового губернатора «о возвращении на Калмиус бывшей там походной церкви со всеми принадлежащими к ней утварями». Местные про свою церковь отнюдь не забыли и мечтали поскорее вновь с ней воссоединиться. Для Черткова эта тема была несколько новая, поэтому он запросил у «калмиусского командира Горленского» пояснений (Макаревский, вернее используемый им здесь документ, в этом месте назвал должность

Горленского правильно). По получении от него «обстоятельного донесения» (устного? письменного?), Чертков письменно обратился к преосвященному Евгению (Булгарису), архиепископу Славенскому и Херсонскому, в чьем подчинении тогда находилась и Николаевская церковь в слободе Камянке, и шире – вся религиозная жизнь в Азовской и Новороссийской губерниях. Губернатор попросил архиепископа Евгения о разрешении забрать из Камянки «походную Калмиусскую церковь со всеми ея принадлежностями и поставить на прежнем ея месте». И вскоре от имени этого церковного иерарха он получил согласие на удовлетворение этой просьбы. Ее выполнение, правда, могло привести к некоторым затруднениям для жителей самой слободы Камянки, где их новая стационарная Преображенская церковь еще только достраивалась (напомним, что она будет закончена и освящена только в декабре следующего 1777 года), но этим моментом почему-то пренебрегли. Впрочем, сам архиепископ Евгений (Булгарис) вполне мог тогда о «своем согласии» и связанными с ним проблемами еще не знать, так как он прибыл к месту своей службы только 23 октября 1776 года, проведя первый год своего архиепископства не покидая Москву<sup>83</sup>. С учетом того, что Булгарис русский язык не знал вовсе (он происходил из греческих болгар, и в Российскую империю переселился только в 1771 году, в возрасте 56 лет), основная административная работа шла через его русских помощников, так что вполне возможно, что в данном случае канцелярия его консистории могла принять решение и самостоятельно, не беспокоя лишний раз «босса» по мелочам. Впрочем, бедным камянцам (или как их назвать?) от этого было не легче. Единственно, им несколько повезло, что на Руси недаром существует поговорка: быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается. Походная Николаевская церковь пробудет в Каменке еще не один месяц и после принятия принципиального решения о ее возвращении.

От имени преосвященного Евгения Славенская духовная консистория (которая тогда размещалась в Полтаве) направила указ в подведомственные ей инстанции – Самарскому духовному правлению поручалось Свято-Николаевскую церковь слободы Камянки «сдать по описи», а Бахмутскому – «принять и поставить на Кальмиусе означенную церковь». Но Бахмутское духовное правление к попытке заставить его заниматься устройством нового церковного прихода в расположенных у черта на куличках нищих местах отнеслось без всякого энтузиазма. И оно, аргументировано ссылаясь на значительную отдаленность устья Кальмиуса от Бахмута, от этого дела отказалось, предлагая привлечь к этой почетной обязанности кого-нибудь другого. Завязалась вялотекущая переписка между разными инстанциями по поводу судьбы кальмиусской церкви (часть ее уже обнаружена и опубликована современными историками). Но поскольку устье Кальмиуса было сильно удалено от ВСЕХ возможных претендентов на церковное управление, а добровольно соглашаться никто так и не захотел, то в этот увлекательный процесс пришлось опять лично вмешиваться губернатору Черткову.

В одном из своих писем 1776 года (не ранее конца августа) Чертков написал архиепископу Евгению: *«Так как Калмиус, где, при впадении оной реки в Азовское море, по перевозке из Камянки, следует поставить помянутую Николаевскую церковь в сделанной и ныне стоящей там каменной часовне и где предполагается к постройке новый город Павловск, отстоит от крепости Петровской (на новой Днепровской линии) при Азовском море, в 60-ти верстах, от Таганрога в 120, а от Бахмута, частью через Донския дачи, - в 200 верстах, а потому Калмиусу и Калмиускому уезду удобнее состоять под ведением и присмотром не Бахмутскаго духовнаго Правления, а означеннаго Днепровской линии Наместника Тисаревского»*<sup>84</sup>. И, поскольку «счастливчик» благополучно определился, Славенская консистория облегченно согласилась с таким предложением.

<sup>83</sup> Покровский М.М. Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и пределы, Т.2, Казань, 1913, с.504

<sup>84</sup> Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с.431



Еще в самом начале истории Днепровской линии, в мае 1770 г., Военная коллегия по согласованию со Святейшим Синодом поручила Белгородской епархии направить своих священников для служения на ней. По мнению А.В.Макидонова такое решение, вероятно, объяснялось тем, что в ведении этой епархии до того состояли все церкви Украинской линии, поэтому вероятно, что и в случае с Днепровской линией верховные власти, не сильно заморачиваясь, передали ее церкви той епархии, которая уже имела большой опыт работы с таким же линейным населением. Но на практике все это происходило с крайним скрипом и с кучей отклонений, например, в церкви Петровской крепости на тот момент служили два священника из Самарской епархии. Так что, когда в 1772 году Чертков попытался разобраться в том, кому же должны подчиняться церкви подведомственной ему Линии, целенаправленные попытки церковных властей разобраться с этим вопросом довольно быстро зашли в тупик. В ответной справке из Переяславской консистории (к которой попал этот запрос) говорилось: «Ни по указам и ни по каким другим делам в Консистории не является, в какой епархии считаются заводимыя на новой линии крепости; а по словесным объявлениям многих показуется, что точно оныя места состоять в Белгородской епархии <...>»<sup>85</sup>.

Отдаленным последствием затеянных Чертковым разборок стало создание в том же 1772 году на Линии отдельного церковного Наместничества. Оно было подчинено Белгородской епархии, что произошло, видимо, в силу уже сложившейся практики. Первым церковным наместником, которому подчинялись вся церковная жизнь на Линии, вплоть до 1774 года был иерей Евфимий Тимофеевич Савурский (1738–1813). На тот момент занимаемый им пост был очень хлопотным и беспокойным: на всю растянувшуюся на 200 верст Линию было всего две церкви (в Александровской и Петровской крепостях) и еще пара священников без церквей в Кирилловской и Никитинской крепостях (отметим, что устье Кальмиуса в это наместничество тогда не входило). В конце 1773 года Чертков, находясь в Кременчуге – губернском городе Новороссийской губернии, предложил учредить в нем новую протопопию, а на роль ее предводителя предложил перевести Евфима Савурского<sup>86</sup>, до его перевода на Линию служившего диаконом при местной Преображенской церкви. Почему главный командир Линии настолько озаботился решением внутренних проблем Новороссийской губернии, которая тогда даже территориально была весьма удалена от подведомственной ему Днепровской линии – нам не известно. Возможно, сам Савурский, не выдержав тягот линейной жизни, активно запросился назад? Или они с Чертковым не сошлись характерами? Или это произошло еще по каким-то причинам? Как бы то ни было, предложение Черткова понравилось и тогдашнему «Киевскому генерал-губернатору и Новороссийской губернии Главному командиру» генерал-аншефу Ф.М. Воейкову, и Киевскому митрополиту Гавриилу. Поэтому Савурский, уже в качестве протопопа, вернулся в свою родную кременчугскую церковь, которая получила теперь гордое звание соборной.

После него в 1774-1776 году здешним наместником был иерей Коваленский Иоанн Антонович<sup>87</sup>. После его перевода с Линии, Чертков сначала попытался выяснить возможность возвращения на место наместника Линии Савурского, но из этого ничего не вышло (видимо, тот наотрез отказался). Пришлось губернатору самому приискывать нового наместника на Линию. И он присмотрел в малороссийском городе Нежине священника Федора Кузьмича Тисаревского (1736 – 1786), бывшего тогда «половинным настоятелем» (т.е., видимо, на половине оклада) в тамошней Крестовоздвиженской церкви. Чертков если и не был знаком с Тисаревским лично, то точно слышал про него самые благоприятные отзывы. Это действительно был очень умный, сильный духом и верный своему христианскому долгу человек. В конце марта 1776 года Чертков писал сначала Белгородскому епископу Аггею, а затем и Киевскому митрополиту Гавриилу об этом деле. В результате его усилий Тисаревский был переведен в Белгородскую

<sup>85</sup> Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с.929-930.

<sup>86</sup> Макидонов А.В. Днепровская линия (1770-1797). – Запорожье: Акцент Инвест-трейд, 2014, с.162

<sup>87</sup> Макидонов А.В. Днепровская пограничная линия в документах середины 1770-х – начала 1780-х гг. : сборник документов. – Запорожье : Кругозор, 2016, с.398

епархию и назначен преосвященным Аггеем наместником Днепровской линии. Подчиняться непосредственно он должен был Харьковскому духовному правлению Белгородской епархии<sup>88</sup>.

Но из-за крайней удаленности этой Линии от Белгорода, связь ее с этой епархией была очень затруднена. Поэтому Чертков практически одновременно начал хлопотать об изменении ее церковного подчинения. И уже 21 августа 1776 года последовал указ из Святейшего Синода о передаче этого наместничества из Белгородской в Славенскую и Херсонскую епархию<sup>89</sup> (в подчинение Самарскому духовному правлению). По идее, письмо Черткова по поводу подчинения района устья Кальмиуса наместничеству Линии могло появиться не ранее поступления синодского указа, иначе ему пришлось бы это предложение согласовывать еще и с Белгородом, что в данном письме не прослеживается.

Наместник Днепровской линии Тисаревский был одновременно и священником церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Александровской крепости (ныне г.Запорожье), а это в 190 верстах по прямой от устья Кальмиуса, поэтому лично окормлять столь удаленную местность никак не мог. Наиболее же близким к нашим краям пунктом его Наместничества тогда была Петровская крепость на левобережье устья Берды (сейчас это село Новопетровка), от которого до Кальмиуса было действительно 60 верст, это примерно два дня езды. При Екатерининской церкви Петровской крепости тогда служили священник Андрей Кондратович и дьячек Петр Иваницкий<sup>90</sup>. По сообщению Макаревского, Тисаревский попытался обязать Кондратовича к командировке «временно в Калмиус для совершения богослужений в церкви [которую, напомним, еще только надо было забрать из Камянки - LV] и требоисправлений в приходе». Пока не удалось выяснить, посетил ли Кондратович свое новое место службы или нет. Но, поскольку заменить его для службы в Екатерининской церкви в случае его длительного отсутствия было пока некем, то вероятность его поездки на Кальмиус выглядит весьма сомнительной. Как бы то ни было, отец Андрей также начал сылаться на «отдаленность разстояния между Калмиусом и Петровскою крепостию» и тоже наотрез отказался от такого расширения своих обязанностей. Пришлось Тисаревскому искать для Кальмиуса отдельного священника. Но найти желающих отправляться в эти дикие и нищие края среди священников было так же затруднительно, как и среди остальных нормальных людей. Заселение и расцвет нашего края были еще только впереди...

В апреле следующего 1777 года в Самарское духовное правление явился в поисках нового места священник Иоанн Филиппов. Этот бедолага явно не имел за собой никакого «блата», да еще и отличался крайней невезучестью по жизни, поэтому биография его складывалась совсем невесело: его каждый раз ставили на самые «отстойные» приходы, и он регулярно попадал из-за этого в тяжелые жизненные ситуации.



Иоанн Филиппов в июле 1766 года он был посвящен в священники Введенский церкви Белгородской епархии, располагавшейся в Федоровской крепости Украинской линии (сейчас это село Залинейное Зачепиловского района на юго-западе Харьковской области). Как складывалась жизнь Филиппова до посвящения и сколько ему было лет на тот момент – мы не знаем. О его дальнейшей судьбе Макаревский сообщает так: «<...> а по раззорении запорожских селений Введенскаго прихода, преосвященным Белгородскимъ Самуилом, 1769 года июля 20-го, переведенный к Николаевской церкви слободы Орчика <...>». Основная часть прихода Введенской церкви располагалась (как и крепость) на правом, северном берегу Орели. Еще в довоенное время часть местных

<sup>88</sup> Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с.931-932

<sup>89</sup> Макидонов А.В. Днепровская линия (1770-1797). – Запорожье: Акцент Инвест-трейд, 2014, с.165

<sup>90</sup> Там же, с.166

малороссийских пикинеров, служивших при Линии, основала слободы Калантаевку и Бузовку на левом, южном берегу этой реки, прямо напротив крепости. И они, естественно, были прихожанами крепостной церкви. Но в 1768 году запорожцы самовольно раздвинули свои границы с этой стороны вплоть до Орели и захватили эти две слободы, заодно переведя их в приход церкви при расположенной неподалеку своей слободе Лычковке (обретшей новых хозяев примерно тогда же, т.к. еще в 1766 году она принадлежала члену Малороссийской коллегии - Генеральному обозному Кочубею<sup>91</sup>). Для жителей этих двух слобод такой насильственный перевод в другой приход оказался и неудобным, и непривычным, так что они продолжали втихомолку пользоваться услугами священников Введенской церкви<sup>92</sup>.

В июле 1769 года район расположения этих слобод по южному берегу Орели был в первый раз опустошен татарским нападением (это именно тот татарский рейд, про который мы уже писали, и при котором в верховьях Кильчени был разбит один из отрядов кальмиусских казаков). И именно из-за устроенного крымцами резкого сокращения количества «заречных» прихожан Введенской церкви, сильно упали и денежные поступления на ее содержание, из-за чего церковному начальству пришлось избавляться от «лишних» священников при ней (в крупных церквях могли служить одновременно несколько священнослужителей). Вот и выбрали для такого «сокращения», как это обычно и бывает в жизни, самого слабого и беззащитного, у кого нет «мохнатой руки» за спиной.

Слобода Орчик (она же Русский Орчик), куда 20 июля того же года был спешно переведен Филиппов, тогда была однодворческой слободой, лежавшей в нескольких верстах северо-западнее той же Федоровской крепости. И наш Иоанн занял в ней место сбежавшего перед тем священника Петра Нестеровича. Филиппов продержался в этой должности почти 8 лет. Но под конец уже и ему стало совсем невмоготу, так что Иоанн, вероятно, не раз вспоминал о примере своего предшественника. Вот как он описывал свое бедственное положение к концу своей службы там: *«как Николаевская церковь в Орчике, устроенная давно уже из старого дерева, ныне весьма обветшала, стоит на самом песчаном месте, а потому от ветров к служению неспособна; обыватели, по малолюдству прихода и по скудости средств, новой церкви устроить не могут»*. Здесь, возможно, сыграло свою роль и то, что после устройства Днепровской укрепленной линии и ликвидации Запорожья, большое количество русских однодворцев с Украинской линии были централизованно переселены в новозаселяемые уезды, из-за чего их прежние селения сильно запустели.

Когда Иоанн Филиппов, потеряв надежду найти себе новое место в Белгородской епархии, обратился за этим в Самарское духовное правление, он был уже в крайнем отчаянии и готов был отправляться в любую «попу мира». Самарское правление (где на тот момент из-за недавнего расширения был большой кадровый голод) сполна воспользовалось его затруднительным положением и назначило Иоанна священником в Кальмиус. Причем ему же поручили, наконец, доставить Свято-Николаевскую церковь из Камянки на ее родину. Когда именно это произошло – пока выяснить не удалось. Но если в перечне церквей, приписанных к Самарскому духовному правлению (куда входила тогда и Днепровская линия) от 17 февраля 1777 года Николаевской церкви в Кальмиусе еще нет, то в перечне новообразованного Павловского духовного правления (о нем ниже) от октября того же года – она уже есть<sup>93</sup>. Так что миссия Филиппова увенчалась успехом.

<sup>91</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 2, ч. 13, стр. 93-97 об., [http://drevlit.ru/docs/ukraina/XVIII/1740-1760/Akt\\_ist\\_zap\\_sec/text.php](http://drevlit.ru/docs/ukraina/XVIII/1740-1760/Akt_ist_zap_sec/text.php)

<sup>92</sup> Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с.432, 468-473; Дневник путешествия академика Гильденштедта, 6 августа 1774 г. <https://www.ukrainianline.info/settlements/orchik>

<sup>93</sup> Макидонов А.В. Днепровская линия (1770-1797). – Запорожье: Акцент Инвест-трейд, 2014, с.165,166

Судя по цитированному выше письму Черткова, по возвращении Свято-Николаевская церковь скорей всего была размещена «в сделанной и ныне стоящей там каменной часовне», благо для походной церкви это было не особо трудно (особенно если это было временной мерой и можно было не слишком заморачиваться красотой и благообразием такой церкви).

В 1776 году были изменены названия некоторых степных уездов Азовской губернии. Так, Волководский уезд стал Мариенпольским, а Кальмиусский – Павловским (позже стала чаще употребляться другая форма его названия – Павлоградский), по названиям планировавшихся к построению в них уездных городов. Город Волковод (позже – Мариенполь) задумывался возле устья реки Солоной, где она впадает в Волчью<sup>94</sup>, а Павловск или Павлоград – при устье Кальмиуса, на его правом берегу. В том же году Павловский и еще ряд близлежащих степных уездов были включены в состав новообразованной Павловской провинции Азовской губернии. Провинции были промежуточным организационным звеном между губерниями и уездами, что объяснялось огромными размерами многих тогдашних губерний. В северных, более заселенных провинциях тогдашней Азовской губернии – Екатерининской и Бахмутской – для их управления были созданы провинциальные канцелярии во главе с воеводами. В почти не заселенной Павловской провинции пока ограничилось земским комиссарским правлением во главе с земским комиссаром<sup>95</sup>. Такие же земские комиссары (только пониже рангом) стояли тогда и во главе уездов этой провинции. В последующие несколько лет организационная структура и названия отдельных территориальных образований и городов в нашем регионе неоднократно менялись, пока более-менее не устоялись к середине 1780-х годов, но большая часть этих изменений никак не влияет на нашу тему, поэтому мы их большей частью проигнорируем.

А в сентябре 1777 года было ликвидировано духовное Наместничество Днепровской линии. Оно было выведено из-под власти Самарского духовного правления и преобразовано в самостоятельное Павловское духовное правление<sup>96</sup>. Временно это духовное правление размещалось в Александровской крепости (г. Запорожье). Управлять им продолжил все тот же Тисаревский, который по этому поводу получил сан протопопа (это высший возможный сан для белого священничества, выше можно двигаться только после принятия монашеского пострига). Сразу скажем, что Тисаревский оставался у руля этого духовного правления вплоть до своей смерти в 1786 году. Кроме него, вторым главным «указным» членом правления в начале существования этой структуры был еще иерей Андрей Ковалинский из слободы Консководовки. Также, по сообщению Макаревского, в бумагах этого Правления нередко встречалась и подпись протоиерея Романа Кошевского, хотя в его официальное правление он не входил. По состоянию на октябрь 1777 года в ведомстве Павловского правления находилось семь церквей, раскиданных на огромном пространстве – по две церкви в крепостях Александровской и Петровской на Линии, походная Николаевская в Кальмиусе, и две церкви на Керченском полуострове – в Керчи и Еникале, связь с которыми (напрямую по морю и кружным путем через Арабатскую стрелку) поддерживалась через Петровскую крепость при устье Берды. Также к этому духовному Правлению принадлежали и четыре прихода, где церкви еще строились или только задумывались, а богослужения проводились пока в часовнях – это в крепостях Никитинской и Кирилловской на Линии и в слободах Консководской и Матвеевке (нынешний город Павлоград). И только в 1784 году это духовное правление переедет в Павлоград на Волчьих Водах с переименованием в Павлоградское (потом его будут еще не раз переименовывать и перемещать, но к нашему рассказу это уже не относится).

<sup>94</sup> РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 588, ч. III, л. 104об.

<sup>95</sup> Олененко А. Г. Азовська губерньська канцелярія (1775–1784): історія установи та її документації, К., 2013, с. 11. Ссылка на документ от 5 мая 1776 г. с именованным списком чиновников Азовской губернии, РГАДА, ф.16, оп.1, д.797, ч.6, л.203об.-204

<sup>96</sup> Макидонов А.В. Днепровская пограничная линия в документах середины 1770-х – начала 1780-х гг. : сборник документов. – Запорожье : Кругозор, 2016, с.40.



Центром Павловской провинции и одноименного уезда (а чуть позже – и Павловского духовного правления), как нетрудно догадаться, должен был стать планировавшийся к постройке «провинциальный Павловск при устье Кальмиуса». Еще в апреле 1776 года (т.е. даже до его знаменитого путешествия по губернии летом того же года!) губернатор Чертков обменивался корреспонденцией с Потемкиным по поводу примерного плана укреплений (еще без привязки к местности из-за «неснятия места») и сметы на их сооружение по Екатеринославу на Кильчене, Павловску и Консководску. Стоимость сооружения укреплений Павловска и Консководска оценивалась в 23,5 тыс. руб. на каждый, они должны были быть сделаны по образцу двуротных крепостей Днепровской линии. На их сооружение предполагалось направить по одному крепостному батальону (подчеркнем – это не гарнизон, а строители, для защиты было достаточно всего двух рот), а ожидаемый срок постройки считался в восемь лет<sup>97</sup>.

В табели о состоянии инженерной команды Петровской крепости за август 1777 года два ее члена (кондуктор 1 класса и пильщик) показаны в отлучке «у заложения мест для поселенных в Калмиуском уезде» (в более ранних табелях такой пометки не найдено). К сожалению, ни по месту, где они работали, ни по характеру их задания больше подробностей не приведено. Возможно, они что-то размечали на местности? В следующий раз представители той же инженерной команды – опять кондуктор 1-го класса (тот же?) и каменщик отмечены «у разбитии в Павловском уездном Правлении поселяемых дворов» в июне 1778 года<sup>98</sup>.

Похоже, у Василия Алексеевича Черткова были большие планы насчет задуманного им города при устье Кальмиуса. Возможно, если бы его замыслы смогли воплотиться в жизнь в полной мере, история Мариуполя... пардон... Павлограда-на-Кальмиусе была бы гораздо интереснее и ярче, чем она случилась в действительности? Впрочем, нам, мариупольцам, грех на это жаловаться, наша история и в фактической реальности вышла достаточно полной и насыщенной...

Не исключено, что хорошо известный краоведам мариупольский «старый редут» мог появиться именно в этот период (одна из версий).

Ориентировочно осенью 1779 года кальмиусский священник Иоанн Филиппов умер. Когда именно и из-за чего это произошло – из-за его возраста и пережитых жизненных неурядиц, или из-за одной из эпидемий, которые тогда по несколько раз за год опустошали это новые земли России, или по какой-то иной причине – мы не знаем.

К тому времени зачатки уездного Павловска уже существовали, причем в источниках этого периода он (точнее его «городовая округа») упоминается отдельно от Кальмиусской слободы, т.е. это было два отдельных, стоявших в разных местах поселения. И если относительно чертковского Павловска (почти) нет сомнений в том, что он стоял в верхней, нагорной части исторического центра Мариуполя, то относительно расположения самой Кальмиусской слободы – ясности до сих пор нет. К сожалению, пока ни письменные источники, ни карты, которые могли бы однозначно ответить на этот вопрос, еще не обнаружены (хотя автор данной статьи имеет твердую надежду, что рано или поздно они таки будут найдены). И для размещения этой слободы разные исследователи предлагали разные варианты – то полностью отождествляя ее с Павловском (что маловероятно), то размещая ее в разных местах в 15-ти верстовой полосе между устьем Кальмиуса и нынешней

<sup>97</sup> Макидонов А.В. Днепровская пограничная линия в документах середины 1770-х – начала 1780-х гг.: сборник документов. – Запорожье : Кругозор, 2016, с.80-81

<sup>98</sup> Там же, с.126 – 127, 170-171.

Сартаной. Тема это большая, сложная и явно еще недостаточно проработанная, имеющая множество вариантов ее возможного решения. Здесь, в рамках данной статьи, мы подробно касаться ее не будем.

В уже цитировавшихся воспоминаниях самих греков, записанных австрийцами в середине XIX века, говорилось: *«Старейшие ещё живущие греки рассказывали, что когда они прибыли в это место, то встретили на склонах залива несколько обедневших деревень, населённых кочевниками и живущих грабежом, имеющих на небольшом острове (kleinen Insel) в устье Кальмиуса маленькую деревянную церковку с иконой св. Георгия. Как только население узнало, что все земли отданы грекам на поселение, они просто ушли отсюда»*. Понятно, что это сообщение касается казацкой Николаевской церкви (других действующих церквей к моменту прихода греков к устью Кальмиуса здесь просто не было). Обратим внимание уважаемого Читателя, что греки запомнили ее как деревянную, а не каменную. Под «небольшим островом в устье Кальмиуса», почти наверняка, имеется в виду то самое место, где до войны располагалась запорожская Кальмиусская паланка. Эта низменная равнина тогда почти со всех сторон (кроме небольшого участка «пересыпи» с ее юго-западной стороны, соединявшегося с «материком») была окружена водой – морем, устьем Кальмиуса, озером Домахой и еще не пересохшим искусственным протоком между ним и рекой. Еще отметим, что греки упоминают на «острове» церковь, но не поселение вокруг нее, касательно этого они запомнили только «несколько обедневших деревень на склонах залива». А это, косвенно может свидетельствовать о том, что сама Кальмиусская слобода к этому времени была уже перенесена с ее прежнего «приморского» места на новое, избранное или Чертковым, или кем-то из осадчих (тех, кто занимался заселением слободы). Но она должна была располагаться в относительной близости, чтобы и ее жители, и павловские мещане могли продолжать пользоваться услугами этой, оставшейся на старом месте церкви. Такие случаи, когда при переносе селений их церкви оставались на прежних местах, так что их прихожанам приходилось каждый раз преодолевать к ним путь в несколько верст (в том числе и при непогоде) тогда случались не так, чтобы редко, примеры такого можно найти у того же Макаревского. Если принять такую гипотезу за рабочую, то в ней очень легко объяснить, почему греки, испытывавшие в момент вселения в новый город жесточайшую потребность в жилье, тогда не заселили и район Гавани – хаотично расположенные и кое-как слепленные халупы поселения прежнего «Хатастроя» были давно уничтожены, а их обитатели переселены на другое место слободой, возможно даже с правильной планировкой. С этой версией мы попробуем «поиграться» в следующей статье, рассказывающей о плане города 1782 года. Пока же напомним, что высказанное выше отнюдь не претендует на истину в последней инстанции, это просто одна из рабочих версий. Которая, скорей всего, отомрет также, как и многие из ее товарок до того. Так что будем продолжать искать и сомневаться, и, возможно, таки доживем до того светлого дня, когда и с этим вопросом удастся разобраться до конца.

Но вернемся к освободившейся после смерти Иоанна Филиппова вакансии местного священника. На нее, довольно неожиданно для всех, попросился протоиерей Роман Кошевский, до того вместе с наместником Тисаревским служивший обычным священником при Покровской церкви в форштадте Александровском, недалеко от одноименной крепости. Для него получить в свои руки самостоятельный приход в церкви, которая к тому времени (если верны данные епископа Феодосия) получила гордый статус «соборной Павловской» (т.е. главной в Павловске) – было однозначным повышением. Тисаревский не смог отказать своей «правой руке» и 3 декабря 1779 года согласовал перевод Кошевского постоянным священником в Павловск. Но странность ситуации была в том, что согласно ордеру Потемкина, направленному к азовскому губернатору Черткову еще 29 сентября того же года, весь Павлоградский уезд было решено передать греческим

переселенцам с переименованием уезда в Мариупольский (и с соответствующим переименованием уездного центра). Но при этом определялось, что греки должны были пока оставаться на месте своего временного расселения в Присамарье и в Торском уезде, а прежние жители Павлоградского уезда - на своих местах до тех пор, пока не уберут озимый хлеб на своих полях (что должно было произойти в Северном Приазовье ориентировочно в начале июля, а в более северном Присамарье – в конце июля 1780 года). И хотя официальная рассылка указа была произведена Азовской канцелярией только 24 марта 1780 года<sup>99</sup>, крайне маловероятно, чтобы Кошевский не узнал об этой перемене еще осенью. Но, по какой-то причине, это его не смутило. Так у нашей Свято-Николаевской церкви появился новый батюшка.



Роман Тихонович Кошевский (нач. 1720-х – 1786) прибыл на Днепровскую линию из Белгородской епархии (где служил при Борисоглебской крепости Украинской линии) в 1772 году. Здесь он служил в Александровской крепости при походной Георгиевской церкви, а после замены ее на постоянную Покровскую церковь в форштадте той же крепости – уже при ней, помогая наместникам Линии проводить богослужения. 25 марта 1777 года в вознаграждение за все свои службы он был посвящен в сан протоиерея<sup>100</sup> (старший иерей, предпоследний из санов белого священства). Чертков так характеризовал его как священника: «хотя не учен, но во исправлении по духовенству разных бываемых потреб неупустительно рачителен, состояния трезваго и порядочнаго»<sup>101</sup>.

Относительно «соборного» статуса нашей Свято-Николаевской церкви есть существенное противоречие, так как в переписке, затеянной в 1791 году бывшими павлоградцами по поводу судьбы и принадлежности другой церкви – Магдалининской, заложенной еще до заселения греков Чертковым на перекрестке нынешнего проспекта Ленина и Греческой, именно она называется соборной. К тому же, во всем сборнике Макаревского не удалось найти ни одного случая, где бы звание «соборной» прикладывалось к походной церкви, это всегда только постоянная церковь. По непросвещенному мнению автора статьи, данное противоречие имеет только одно решение. Вот фрагмент из труда Феодосия Макаревского, где Николаевская церковь называется соборной: «[В 1777 году] в Калмиус к Свято-Николаевской церкви назначен постоянным священником Иоанн Филиппов, а по смерти его, 3-го декабря 1779 года определен туда к той же Николаевской, уже соборной Павловской церкви протоиерей Роман Кошевский, из Александровской крепости, согласно его собственному желанию и прошению»<sup>102</sup>. Здесь хорошо заметно, что это не цитата с непрерывным фрагментом какого-то одного документа, а компиляция из нескольких источников. Да и фраза «к той же Николаевской, уже соборной Павловской церкви» выглядит явно искусственной и не очень ловко соединенной. По идее, у Кошевского, направленного в Павловск после смерти И. Филиппова, основной задачей было контролировать достройку соборной постоянной Марии-Магдалининской церкви в центре тогдашнего города (с перспективой потом возглавить ее), а пока она достроится – он должен был временно заменить умершего Иоанна Филиппова на месте священника походной Свято-Николаевской церкви. А Макаревский в данном случае, видимо, не совсем удачно соединил воедино разные фрагменты документа от 3 декабря 1779 года о назначении

<sup>99</sup> Калоеров С.А. От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652-1783). – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2008, документ №307, с. 363-366, 385 – 389.

<sup>100</sup> Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с.433.

<sup>101</sup> Макидонов А.В. Днепровская пограничная линия в документах середины 1770-х – начала 1780-х гг. : сборник документов. – Запорожье : Кругозор, 2016, с.39

<sup>102</sup> Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с.569

Кошевского в Павловск. Единственное, что смущает в этой версии – что от церковного иерарха такого высокого уровня, каким был епископ Екатеринославский и Таганрогский Феодосий, очень трудно ожидать такой грубой ошибки именно в церковных вопросах. А с другой стороны - неизвестно, сколько «литературных негров» из подведомственных консисторских работников привлек преосвященный к своим поискам и насколько внимательно вычитывал результаты их труда. В общем, пока проблема соборной церкви нашего Павловска все еще остается дискуссионной...

В протоколе заседания от 24 марта 1780 года по Азовской губернской канцелярии (комиссия по переселению христиан?) были почти дословно повторены положения (даже явно устаревшие!) вышеупомянутого ордера Потемкина от 29 сентября 1779 года, а в конце содержалась резюмирующая часть. В ней, среди прочего, говорилось о том, что «во все подчиненные места» и в межевую экспедицию должны быть посланы «к сведению» указы об условиях к переселению греков на юг и о необходимых к выполнению мероприятиях. Также там содержалось категорическое требование «дабы все греки» вступили на поселение в выделенный им Мариупольский уезд в Северном Приазовье уже в начале апреля<sup>103</sup>. Как это требование должно было стыковаться с перекочевавшими из ордера Потемкина пунктами 3 и 4, в которых и грекам, и прежним местным жителям предписывалось оставаться на своих местах до сбора озимого хлеба – высокоумудрые канцеляристы (вряд ли хорошо знакомые с сельским хозяйством) разъяснить не удосужились. Как бы то ни было, часть греков действительно переселилась на незанятые земли уже в апреле и основала здесь ряд поселений, преимущественно в северной части нового Мариупольского уезда. Заселение же греками собственно Мариуполя произошло позднее.

Где-то к середине июля 1780 года те из жителей Павловского уезда, которые имели собственные поля, собрали с них урожай озимых и потянулись на север. Конечно, необходимость нового переселения с территории, где перед этим только начала налаживаться нормальная жизнь, не могла никого особо радовать. Но, по крайней мере, правительство Империи дало им возможность собрать хлеб и выкупило их недвижимость (кроме мельниц, которые греки должны были выкупать самостоятельно). Также им была предоставлена новая льгота на шесть лет, с освобождением на это время «от всяких по земству наряд и платежа податей». Так что совсем уж бесчеловечными условия выселения прежних аборигенов назвать никак нельзя. А ближе к концу июля в покинутый прежними жителями город въехал, опередив основную часть своей паствы, греческий митрополит Игнатий Гозадинов. Возможно, к тому моменту еще не все прежние жители покинули свое поселение. По крайней мере, наш протопоп Роман Кошевский еще оставался на месте и не похоже, чтобы он куда-то планировал переезжать. Поэтому он был сильно шокирован, когда свежеприехавший митрополит сходу отодвинул его от служения в Свято-Николаевской церкви и поставил туда нескольких своих греческих священников (коих у него тогда было с избытком). Обиженный Кошевский отправил жалобу в Павловское духовное правление, своему патрону Федору Тисаревскому. Оно добралось до адресата в Александровскую крепость то ли 27 июля, то ли в начале августа. Обеспокоенное духовное правление, уровня которого было явно недостаточно для прямых разборок с церковными деятелями уровня митрополита, в тот же день перенаправило эту жалобу в Полтаву своему непосредственному начальнику – архиепископу Славенскому и Херсонскому Никифору Феотоки (1779 – 1786, родом тоже из греков).

<sup>103</sup> Калоеров С.А. От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652-1783). – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2008, документ №307, с.385-389



Датой приезда Игнатия к устью Кальмиуса принято считать 26 июля 1780 года. Однако несколькостораживает то, что у Гавриила (Розанова) этот момент описывается так: «В Июле, Павлоградскому Духовному Правлению донесено, а сие донесло тогож Июля 27 дня и его преосвященству, что прибывший из Крыма с Греками, Греческий митрополит Игнатий Готфийский и Кафийский <...>». Если дословно понимать этого автора, то получается, что Павловское духовное правление, находившееся в Александровской крепости, только 27 июля получило и в тот же день отправило архиепископу Славенскому и Херсонскому сведения об этом конфликте. У Феодосия (Макаревского) этот инцидент датируется 26 июля<sup>104</sup>. Однако, даже с учетом уже более-менее налаженного почтового сообщения в тогдашней Азовской губернии, преодолеть за один день 200 км (если с крюком через Петровскую крепость – то около 260 км) тогда было нереально. Тем более, что это событие было не того масштаба, чтобы для передачи сведений о нем нужно было загонять коней и людей. Так что доставка должна была растянуться на несколько дней. Поэтому или Гавриил несколько неудачно сформулировал свое сообщение, или Феодосий в дате ошибся. Но до обнаружения подлинников документов, которыми пользовались эти два уважаемых автора – данный вопрос вряд ли удастся разрешить. А они, по идее, могут находиться в фонде 2005 ЦГИАК (Киев).

В дальнейшем по поводу судьбы нашей Свято-Николаевской церкви произойдет активная переписка между основными участниками этого дела, которой позже воспользуются в своих трудах историки Церкви архиепископ Гавриил (Розанов) и епископ Феодосий (Макаревский). Ну а следом за ними последуем и мы... Попутно скажем, что протопоп Роман Кошевский так и не дождался положительного решения по своей жалобе и вскоре, сильно обиженный, вернулся в родную ему Свято-Покровскую церковь в форштадте Александровской крепости, где и продолжал служить вплоть до конца своей жизни.

Так как архиепископ Никифор был совсем не в курсе того, на каком основании митрополит Игнатий «рейдерски» захватил церковь из его епархии, он и отправил запрос об этом к самому Игнатию. А пока он спокойно дожидался ответа от своего соплеменника, 13 августа к нему в Полтаву пришло письмо-«отношение» от азовского губернатора Черткова, который, вероятно, тогда находился в своей новой резиденции в Екатеринославе (1-м, на Кильчене). Чертков просил преосвященного разрешить эту походную церковь (точнее, ее утварь и антиминс) перенести в новый город Павлоград на Солоний. Так как, судя по его письму, он был еще не в курсе того, что греческий митрополит забрал эту церковь себе, то преосвященный Никифор письменно и сообщил ему об этой проблеме.

Ну а пока стороны активно занимались бумаготворчеством, а пропыленные почтовые служащие наматывали сотни верст, случилось другое знаковое для нашего города событие. В первой половине августа в район устья Кальмиуса доползли обозы с основной частью греческих переселенцев. Как рассказывается в рапорте губернского товарища Г.Г. Гарсеванова В.А. Черткову, дворовые места, положенные по плану города, были пронумерованы, и новые жители города лотерейным способом вытягивали из ящика бумажки с номерами дворов для своего поселения (о некоторых нюансах этого процесса мы также поговорим в отдельной статье о плане города 1782 года). А 15 августа 1780 года «по окончании Божественной литургии митрополит Игнатий с духовенством и сего города греки до трех тысяч душ вошли в город и посредине оногo в назначенном для церкви месте отправили молебн, и, освятив воду, окропляли все места, причем

<sup>104</sup> Гавриил, архиепископ Тверской и Кашинский. Очерк повествования о Новороссийском крае // ЗООИД, Т.3, 1853, с.122; Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с.569

происходила оружейная пальба полком Войска Донского полковника Харитонов, которой для того нарочито введен; по окончании ж молебствия весь сей греческий народ благодарили Ея Императорского Величества за освобождение от порабощения варварского, за пожалование им сей земли и за доставление к домостроительству потребности»<sup>105</sup>. Собственно, именно с этого торжественного события, по мнению автора, и начинается история собственно самого Мариуполя – города, который все мы хорошо знаем (а некоторые при этом еще и любят ☺).



Автор статьи уже не раз высказывал свою точку зрения, не грех и еще раз ее повторить. Основание греческого Мариуполя в 1780 году никак не отрицает того, что на этом месте до него уже начинался чертковский Павловск и стояла (пока загадочная для нас) Кальмиусская слобода, а до них – с середины 1740-х годов и вплоть до конца 1768 года существовала Кальмиусская паланка Войска Запорожского. Но это все, по мнению автора, все-таки нужно относить к Предыстории города. Причем предыстории, общей для Мариуполя, села Новопавловки на Солоний и (частично) для нынешнего Павлограда (об этих событиях мы еще будем подробно рассказывать в 12-й главе).

Для лучшей иллюстрации можно сравнить начала Мариуполя и нынешнего Павлограда в низовьях реки Волчьей. Последний получил статус города в 1784 году, но это был просто акт переименования удачно развивавшейся и уже многолюдной (до полутора тысяч жителей) слободы Луганской. То, что ей присвоили статус города и подселили в нее еще около сотни жителей из неудавшегося Павлограда на Солоний – мало что изменило в ее судьбе. Ну произошли некоторые административные изменения, ну начали строить новые административные здания – ну и все, а люди там как жили, так и остались жить одни и те же. То есть, Павлоград вырос **эволюционно** из слободы Луганской (первое название Матвеевка), поэтому историю этой слободы времен Азовской губернии вполне правомерно включать в собственно историю этого города. А возможно, сюда же стоит включить и историю предшествовавшего этой слободе довольно значительного поселения запорожских времен, начавшегося с устройства здесь в 1770 году зимовника запорожцем Матвеем Хижняковским. Тут цепочка развития сплошная и непрерывная (есть ли в ней какие-то разрывы и противоречия – пусть сами павлоградцы разбираются).

В противоположность этому, в Мариуполе в 1780 году **полностью** сменилось население. Ушло примерно 75 человек обоего пола из Павловска и 93 из Кальмиусской слободы (большой частью это были бывшие запорожцы и их жены), а пришло более 2700 человек греков. Это был резкий, скачкообразный рывок, количественно и качественно ситуация полностью поменялась, также кардинально изменился и этнический состав, культурная природа населения. Причем к моменту прихода греков их будущий город большей частью представлял собой еще степь с указанными колышками границами будущих улиц и дворов. От предыдущего Павловска им досталось 14 казенных деревянных зданий, 6 торговых лавок да 55 выкупленных казной «у прежде живших там малороссиян» домиков<sup>106</sup>. Также возвышалась недостроенная Марии-Магдалининская церковь и где-то еще стояла Николаевская церковь. Это, конечно, было лучше, чем совсем ничего, но такого количества жилых домов хватало, в лучшем случае, на расселение около 300 человек, а грекам надо было жилья в десять раз больше, они тогда заняли «более пяти сот дворов». Так что новых поселенцев ожидало еще много пота и кровавых мозолей на руках, чтобы хотя бы пережить первую зиму на новом месте. В данном конкретном случае никак нельзя говорить об эволюционном развитии города, это резкий, **революционный** скачок. Некоторые связи с предшествующим временем сохранялись, но их было очень мало. Поэтому автор и относит предшествующие события именно к предыстории Мариуполя, что, однако, не

<sup>105</sup> Калоеров С.А. От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652-1783). – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2008, документ №333, с.398-399.

<sup>106</sup> Там же, документ №355, с.428-429.

мешает ему этими страницами прошлого достаточно плодотворно заниматься.

Ну и, возможно, самое главное, что сами греческие новопоселенцы понимали именно эти события как факт основания своего города. Они не воспринимали свой Мариуполь как продолжение чего-то более раннего, в их памяти кроме тяжелого труда и лишений больше ничего от этих событий не осталось. Год 1780 в качестве даты основания оставался общепризнанным в Мариуполе более двух веков. И только в позднесоветское время начались попытки сдвинуть официальное основание города на более ранние даты, из-за чего тогда начались бесконечные споры, продолжающиеся и доныне. Ни одна из предлагавшихся дат (и их обоснования) так и не смогли удовлетворить все противоборствующие стороны среди краеведов. Поэтому вполне логичен немного ехидный простой вопрос: возможно, само решение о пересмотре прежней даты было изначально ошибкой? 😊 К сожалению, в данном вопросе уже давно Политика превалирует над Историей...

Ну а мы вернемся к судьбе нашей церкви. Озадаченный Чертков успел списаться с митрополитом Игнатием, чтобы выяснить подробности этого дела. И в новом письме к Никифору с повторной просьбой о передаче имущества походной Николаевской церкви переселенным павлоградцам он был уже более подкован. Вот что говорилось в этом письме (в пересказе архиепископа Гавриила): *«<...> в подкрепление справедливого своего требования церкви, [губернатор - LV] объяснил, что Кальмиусская церковь, с иконостасом в ней, на холсте написанным, устроена еще во время бывшего Запорожья и существование свое имела в Кальмиусской Паланке, (так называвшейся тогда по речке Кальмиусу, в Азовское море впадающей, на которой стояла Паланка). По уничтожении Сечи, жители сей Паланки перешли в новоучрежденный на реке Волчей, при впадении в оную речки Соленой, город Павлоград, который чрез то и полное де имеет право требовать, дабы ему из Кальмиуса отдана была церковь, достаточная на первый раз для города, по малому еще в нем количеству жителей. Священнику, который к церкви определен будет, общество обещает не только все выгоды противу других городов, но и лучшую землю; в последствии времени он будет получать из казны и положенное по штатам, в уездных городах, жалованье в год по 60 рублей. А хотя Кальмиусская церковь и взята прибывшими из Крыма Греками, но им она уже не нужна за нахождением у них своих иконостасов до четырнадцати, по словам самага преосвященного митрополита Игнатия».* Эта информация была подтверждена и письмом к Никифору самого Игнатия. В нем он также сообщил, что когда был в Петербурге, то про передачу этой церкви грекам митрополиту в устном порядке сказал Григорий Александрович Потемкин.

Здесь надо еще добавить, что в 3-м пункте ордера Потемкина от 29 сентября 1770 года говорилось об имуществе переселяемых из Приазовья прежних поселенцев: *«<...> и за их строении, какие бы они ни были на нынешних местах, равно и за церковь при Калмиусе, как им, так и помещикам, по оценке заплатя из казны деньги, отдать тем грекам <...>».* Т.е. - так как здание этой церкви было выстроено не на казенные деньги, а на личные средства местных поселенцев, то при их вынужденном переселении (в виду высших государственных интересов), им была положена компенсация из казны и за это строение. Но, судя по Букве ордера, касалось это только недвижимости, а вот про движимое имущество внутри нее – антиминс, иконостас, церковные сосуды и утварь (т.е. то, что и составляет собственно походную церковь) – в ордере Потемкина не говорилось ничего, а без его разрешения тратить казенные деньги еще и на это - было нельзя. Поэтому даже после выкупа здания церкви у прежних владельцев, ее «внутренности» юридически продолжали считаться собственностью прежней церковной общины. И данное движимое имущество павлоградцы очень мечтали забрать в свой новый город. Или хотя бы получить от греков денежный выкуп также и за него, что позволило бы приобрести на стороне новое равноценное церковное имущество. Как сообщает епископ Феодосий (Макаревский), Никифор предлагал

Игнатию и вариант с выкупом греками за их счет внутренностей этой церкви. Но греки сами привезли из Крыма большое количество церковной утвари, которую им было и так некуда расставлять, поэтому они на это не согласились. По сообщению Макаревского: «По оценке, за деньги, греки не пожелали оставить за собою Калмиусскую подвижную Свято-Николаевскую церковь и как судьи греческого суда, так и митрополит Игнатий объявили при этом, что у них собственных своих есть 14 иконостасов и достаточное количество всякого рода церковных утварей». Так что в конечном итоге стороны пришли к согласию, и преосвященный Никифор 11 декабря 1780 года выдал разрешение на перенос Свято-Николаевской части (ее движимой части) в Павлоград на Солоной (далее – Павлоград II), что и было осуществлено в феврале следующего 1781 года под присмотром лично наместника Федора Тисаревского<sup>107</sup>. Вероятно, Роман Кошевский все еще был слишком обижен, чтобы самому заниматься перевозкой своей бывшей церкви. А может Тисаревскому самому захотелось развеяться и лично осмотреть вновь возводимые уездные города Мариуполь и Павлоград? Как потом выяснилось, при этой перевозке на старом месте остался церковный колокол нашей церкви<sup>108</sup>. Но, как бы то ни было, на этом второй местный период существования нашей Свято-Николаевской церкви был закончен.



И все, вроде бы, хорошо и логично, но... Опять это проклятое «но»... У Калоерова приводится документ от **июня 1781 года** – список церквей Мариупольского уезда с указанием их названий и числа священников при них. Касательно до Мариуполя в нем указано всего две церкви: «Первая **во имя Чудотворца Николая**. Вторая во имя Святой Мученицы Марии Магдалины», а при них – один протопоп, один наместник и 7 священников. А далее перечисляются церкви в греческих слободах, хорошо известные по труду епископа Феодосия (Макаревского). В них, в основном, показано по два священника. Как можно разобраться из других документов, вышеупомянутым протопопом был ближайший друг и помощник митрополит Трифиллий Юрьев сын Карацоглу, а наместником – Тодор Фотиев сын<sup>109</sup>.

Если в датировке этого документа ничего не напутано, то получается довольно странная картина. В селах греки уже успели устроить себе церкви, а в Мариуполе – митрополит Игнатий не показывает ни одной из собственно греческих церквей, а только две доставшиеся ему в наследство от Павловска – пустую коробку вывезенной Свято-Николаевской церкви и недостроенную (и, соответственно, не освященную) первую Марии-Магдалининскую церковь. И если по главной из городских греческих церквей благодаря Макаревскому мы точно знаем, что она будет достроена и освящена только 22 апреля 1782 года, то по остальным трем – Рождества пресвятой Богородицы (в пригороде Карасу-базаре, Карасевке), Успенская (Маирум, Марьинка) и Феодоро-Стратилатовскую (Кефе, на Кафайской улице, вскоре сгорела и более не восстанавливалась) он точных сроков их освящения не указывает, ограничиваясь лишь определителем «вскоре». И то ли на июнь 1781 года ни одна из этих церквей еще не заработала (хоть в это и слабо верится), то ли по каким-то другим внутрицерковным заморочкам, но Игнатию пришлось не показывать городские греческие церкви, а имеющихся городских церковников временно расписывать на две «павловские» церкви.

Но вот интересный вопрос – если на середину 1781 года от прежней Николаевской церкви осталась лишь пустая коробка, а строительство новой соборной

<sup>107</sup> Гавриил, архиепископ Тверской и Кашинский. Очерк повествования о Новороссийском крае // ЗООИД, Т.3, 1853, с.124; Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с.569-570.

<sup>108</sup> Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с.717.

<sup>109</sup> Калоеров С.А. От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652-1783). – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2008, документ №307, с.460-461, 485-486.

Харлампиевской церкви будет закончено лишь в следующем году, то где проводил службы митрополит Игнатий? Возможно, намек на ответ можно найти в перечне оставленных греками селений в Крыму и наименований церквей в них. В перечне покинутых греками селений столичного Бахчисарайского кадылыка (административного района) мы находим расположенную в паре километров от старого Бахчисарая знаменитую пещерную Успенскую церковь, к приходу которой относились село Маирум (75 дворов, по нему, по одной из версий, и получил название наш город) и деревня Улаклы (45 дворов). Но гораздо больше греков (280 дворов) жило непосредственно в самом Бахчисарае. Их приходская церковь была посвящена святому Николаю<sup>110</sup>. И они явно привезли ее утварь с собой в Приазовье. Ей, по идее, должен был принадлежать один из тех 14 иконостасов, о которых упоминал годом ранее митрополит Игнатий...

Так что (в виде рабочей гипотезы) можно осторожно предположить, что после вывоза содержимого казацкой Свято-Николаевской церкви, греки поместили в это же здание антиминс и утварь собственной Николаевской церкви из столицы ханства Бахчисарая, которой и пользовались вплоть до окончания своей соборной Харлампиевской церкви. Разумеется, эта гипотеза еще нуждается в проверке.

## 11. Внешний вид и вероятная судьба здания Свято-Николаевской церкви 1777 – 1780 годов.

Благодаря информации, оставленной Чертковым, мы знаем, что к лету 1776 года местные рыболовы уже сделали себе каменную часовню, в которой на тот момент служил иеромонах Киево-Межигорского монастыря. Это явно было небольшое и слепленное на скорую руку временное здание. Похоже, именно в нем местные жители и планировали поставить свою церковь после ее возвращения. Как писал Чертков в переписке с архиепископом Евгением: *«следует поставить помянутую Николаевскую церковь в сделанной и ныне стоящей там каменной часовне»*.

Но вот дальше источники начинают по-разному описывать нашу церковь этого периода – то как каменную, то как деревянную. К сожалению, по данному вопросу припасть к первоисточникам напрямую автору пока не удалось, поэтому приходится пользоваться их пересказами в трудах архиепископа Гавриила (Розанова) и епископа Феодосия (Макаревского), гадая – кто где что взял и кто где что-то напутал.

Первым внешний вид нашей церкви этого периода описывает архиепископ Гавриил (который о сюжете с каменной часовней, похоже, не знал). В небольшой главке «Состояние церкви Кальмиусской», которая идет сразу после рассказа о переносе содержимого этой церкви в Павлоград-II, он говорит: *«Под словом церковь не разумеется внешняя ея постройка, бывшая не другое что, как простая **деревянная хижина, с железным на верху крестом, и оставшаяся в том же Кальмиусе <...>**»*. А несколько ниже, в конце главы «Перемена обстоятельств города и церкви», где он рассказывает о передаче Павлограда-II корсиканцам, он добавляет: *«Прибавим, что не договорено о сей Кальмиусской церкви. **Простая деревянная изба, ознаменованная железным не малой величины, на верху, крестом, в коей помещалась церковь, на том-же месте, где была, там и осталась: но крест железный** какими то судьбами перенесен в одно из селений Мариупольских Греков, где, под именем Константинопольскаго, или вообще из Греции вывезеннаго, благовейно сберегается»<sup>111</sup>.*

<sup>110</sup> Калоеров С.А. От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652-1783). – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2008, документ №307, с.517

<sup>111</sup> Гавриил, архиепископ Тверской и Кашинский. Очерк повествования о Новороссийском крае // ЗООИД, Т.3, 1853, с.122 – 125.

Следующим несколько кратких описаний нашей церкви приводит епископ Феодосий. Причем он, вроде как, умудряется противоречить сам себе. Так, в разделе о слободе Камянке Новомосковского уезда он приводит упоминание того, что Чертков при своем объезде губернии летом 1776 года нашел у нас «**каменную часовню и при ней Киевского Межигорского монастыря иеромонаха**». В главе же «*Город Мариуполь и городские церкви его*» Макаревский приводит и несколько более развернутое описание этой церкви: «<...> первоначально [греческий митрополит Игнатий] для своей паствы совершал богослужения и священнодействия в Калмиусском Свято-Николаевском храме, **каменном, крытом очеретом, камышем, устроенном и оставленном запорожцами**». А вот в главе VIII «Новое устройство в Запорожье. Новороссийская губерния. Увеличение православных христиан. Смятения и волнения в Запорожье» (начинающейся с воцарения императрицы Екатерины II в 1762 году), он пишет: «*Вдали от Коша запорожского, в Калмиусской паланке, при впадении Калмиуса в Азовское море, на древнем казацком пепелище в старинном запорожском займище, называемом Домахою, где в 1779 г. [sic!] греческие переселенцы устроили г. Мариуполь, сидели куренями и зимовниками многие зашедшие низовые люди; в весьма отдаленности пребывая и ни к какому ведомству и команде войска запорожского неподлежа, они занимались рыболовством. скотоводством и разными законными торгами с татарами, имели у себя походную церковь и несколько каплиц, а теперь устроили уже **деревянную церковь, во имя св. Николая Чудотворца и имели свой церковный причт***»<sup>112</sup>. Причем непосредственно перед этим фрагментом он рассказывает об устройстве в 1770 году селений из отставных солдат вдоль Днепровской линии (которые в реальности начали появляться только в начале 1780-х годов), а сразу после этого фрагмента – о переселении (в частном порядке) множества греков из европейских и азиатских владений Османской Порты в ведомства запорожских Бугогардовой и Кальмиусской паланок в 1771 – 1774 годах. Т.е., временной отрезок для данного сообщения с упоминанием деревянной церкви достаточно узкий. И, как мы знаем, все это время данная церковь в реальности спокойно простояла в слободе Камянке на Днестре.

Ну а сами мариупольские греки запомнили эту церковь деревянной: «*Старейшие ещё живущие греки рассказывали, что когда они прибыли в это место, то встретили на склонах залива несколько обедневших деревень, населённых кочевниками и живущих грабежом, имеющих на небольшом острове в устье Кальмиуса **маленькую деревянную (hölzernes) церковку с иконой св. Георгия***» (1851 г.).

Ну и, наверное, окончательно все запутал наш первый мариупольский краевед Г.И. Тимошевский. В книге «Мариуполь и его окрестности», в написанной лично им главе «Православные храмы в Мариуполе», он допустил серьезное искажение, цитируя помещенное архиепископом Гавриилом (Розановым) в 3-м томе ЗООИДа (имеется прямая ссылка на это издание на с.117 МИЕО) описание здания Николаевской церкви по состоянию на середину 1780– начало 1781 года. **Деревянное** здание церкви у Гавриила превратилось под его пером в **каменное** (см. рис.11.1), к тому же сюда перекочевало и упоминание камышевой кровли этой церкви. Т.е. Тимошевский (вольно или невольно) подкорректировал описание архиепископа Гавриила (Розанова) данными, происходящими из работы епископа Феодосия (Макаревского). Но почему получилось именно так – теперь уже никто не скажет...

---

<sup>112</sup> Феодосий Макаревский. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с.94-95, 430, 998.

Состояніе церкви Кальміусской. — Подъ словомъ церковь не разумѣется вѣшняя ея постройка, бывшая не другое что, какъ простая деревянная хижина, съ желѣзнымъ на верху крестомъ, и оставшаяся въ томъ же Кальміусѣ; но разумѣлись: антимпнсь, ризы, книги, иконостась и иконы, которыя, по перенесеніи въ Павлоградъ, и поставлены были въ особомъ не жиломъ, дере-

вралѣ 1781 г. перенесена въ Павлоградъ. Подъ словомъ церковь, говорить преосвященный Гавріиль, не разумѣется вѣшняя постройка, бывшая не другое что, какъ простая каменная хижина, крытая камышемъ, съ большимъ желѣзнымъ на верху крестомъ и оставшаяся въ томъ же Кальміусѣ, но разумѣлись: антимпнсь, ризы, книги, иконостась и иконы, которые перенесены въ Павлоградъ.— Остались отъ нея и теперь хранятся, какетель,

Рис.11.1. Сравнение фрагментов с описанием здания Свято-Николаевской церкви по состоянию на лето 1780 года: а) у Гавриила (Розанова); б) цитата из Гавриила в МИЕО

Ну как, уже все уважаемые Читатели окончательно запутались в этом каменно-деревянном вопросе? Ничего, просьба немного запастись терпением, скоро мы уже попытаемся (насколько сможем) распутать этот запутавшийся клубок. А пока приведем еще пару сообщений по данной тематике.

В письме от 19 февраля 1786 года приводится утверждение о том, что при Николаевской церкви к началу 1781 года имелся колокол, который при ее перевозке в Павлоград-II остался в Мариуполе.

Также приведем сведения и о железном церковном кресте, который кратко упоминает Гавриил (Розанов). Ф.А. Браун приводит такое его пописание (оно цитируется в книге «Мариуполь и его окрестности» с некоторыми сокращениями, здесь они выделены жирным шрифтом): *«Наконец, стоит упомянуть о древнем железном кресте (выш. в 1 м 50 сант.) в церкви села Богатырь; он покрыт **теперь** медными рельефными украшениями русской работы. Он считается явленным: пастухи нашли его в поле еще в бытность христиан в Крыму, незадолго до выселения; отнесли его в сельскую церковь, но он не захотел там остаться: два раза возвращался он сам собой на старое место в поле; наконец, когда его принесли в избу одной благочестивой вдовы, он остался здесь до самага выселения православных. Когда захотели православные переселиться - с крестом опять беда: не хочет он оставить излюбленного места. Сняли его наконец с молитвами, положили на телегу, повезли; да не тут-то было: оглобли телеги повернули назад в деревню. Помогли наконец тем, что крест связали, привязали к телеге и таким образом*

*отвезли его с собой в Россию. Теперь он стоит в Богатырской церкви, под особым балдахином, высоко чтимый жителями села и окрестных деревень»<sup>113</sup>.*

Ну вот, теперь можно попробовать потянуть за конец этот клубок. Если сразу по возвращении в 1777 году Свято-Николаевскую церковь поместили в здании каменной часовни, то в каком здании – каменном или деревянном - она пребывала к концу 1780 года? Кто прав – Розанов и «старейшие еще живущие греки» или все же Макаревский (два раза из трех ☺)? Тут основная проблема в том, что в то время ни переставить церковь в новое здание, ни серьезно отремонтировать старое без письменного на то разрешения, выданного на уровне архиепископа Славенского и Херсонского Никифора, было невозможно. В таких случаях неизбежно должна была возникнуть переписка между местным приходом, Павловским духовным правлением и епархиальной консисторией. И то, что даже такие историки Церкви как архиепископ Екатеринославский Гавриил (Розанов) и епископ Екатеринославский и Таганрогский Феодосий (Макаревский) не смогли отыскать следов такой переписки в подчиненных им местных церковных архивах, наводит на пессимистические мысли. Скорей всего, все эти 3,5 года повторного пребывания у устья Кальмиуса наша церковь продолжала стоять все в том же самом каменном здании прежней часовни.

Но откуда тогда взяты столь подробные описания деревянного храма в работе Гавриила? А вот здесь можно обратить внимание на то, что у него в обоих случаях описания здания деревянной церкви в Павловске-I идут непосредственно после описания событий с этой церковью в Павлограде-II, где она была установлена «в особом не жилом, деревянном также домике». И есть ОЧЕНЬ сильное подозрение, что это описание взято Розановым из переписки по поводу судьбы (бывшей) кальмиусской Свято-Николаевской церкви при заселении корсиканцев в Павлоград-II в 1784 году, благо сходство использовавшихся названий этой путанице сильно способствовало. То есть - эта деревянная хижина с железным крестом на верху – это описание здания Николаевской церкви, выделенного под нее **в Павлограде-II**. А теперь обратим внимание на железный крест с нее, который «какими-то судьбами» попал в греческое село Богатырь, расположенное на левобережье Волчьих Вод. Объяснить, как этот крест мог попасть в это одно из самых удаленных от Мариуполя греческих сел (105 верст), и почему по этому поводу не подсуетился никто из проживающих более близко к нашему городу греков, крайне затруднительно. Но вот если мы посмотрим в другую сторону, то обнаружим, что село Богатырь находится всего в 17 верстах от Павлограда-II на реке Солоной. В котором после вселения корсиканцев Николаевская церковь около года стояла без применения и без присмотра... А прямо напротив Богатыря, на противоположном берегу Волчьих Вод стоит село Алексеевка, которое в начале 1780-х входило в приход этой Свято-Николаевской церкви, и где и после передачи Павлограда-II корсиканцам продолжала жить часть «актива» данной церкви. Не правда ли, уже какая-то гораздо более объяснимая картина начинает вырисовываться? Вряд ли наши богатырские греки (на всякий случай, здесь речь не об их физических кондициях ☺) прямо сперли крест с верхушки бесхозной церкви, в этом случае у прежних хозяев возникли бы вполне объяснимые претензии к ним. Так что, скорей всего, то ли корсиканцы, то ли кто-то из бывшего актива церкви «за долю малую» более-менее легально отвинтили этот крест с церкви и вынесли грекам «на блюдечке с голубой каемочкой».

---

<sup>113</sup> Ф.А.Браун. Мариупольские греки // «Живая старина», 1890, выпуск II, с.90; Мариуполь и его окрестности. Мариуполь, 1892, с.117.

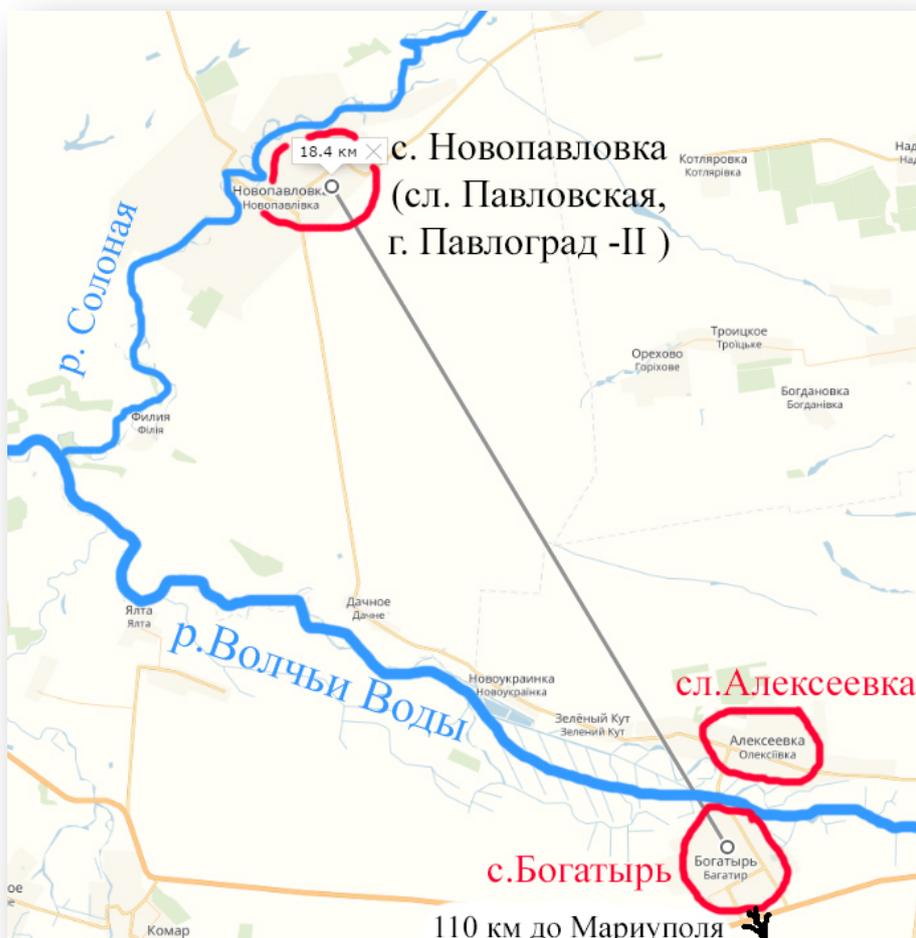


Рис.11.2. Фрагмент Яндекс-карты с селом Богатырь, Павлоградом-II и слободой Алексеевской.

Теоретически, можно еще выдвинуть версию о том, что этот крест мог происходить с последнего места установки нашей церкви – в расположенной на противоположном берегу от Богатыря слободе Алексеевской. Незаземленный железный крест на вершине алексеевской церкви многое мог бы объяснить в обстоятельствах ее гибели... Но эта версия крайне маловероятна. Во-первых, тогда медные украшения креста неминуемо пострадали бы от огня, чего не наблюдалось (хотя, возможно, они были добавлены на эту святыню уже позже, в XIX веке: «он покрыт **теперь** медными рельефными украшениями русской работы»). А во-вторых, все уцелевшие остатки утвари этой сгоревшей церкви алексеевцы позже вновь использовали в своем новопостроенном храме. Тогда бы крест в Алексеевке и остался...

Так что, не отменяя полностью версию о привозе этого креста с медными украшениями «русской работы» из Крыма (мало ли что крымские татары привозили из своих набегов), более вероятно его происхождение из располагавшегося неподалеку Павлограда-II. Был ли этот крест перед этим еще и в Мариуполе и относился ли он еще к казацким временам – большой вопрос. То, что греки разрешили павлоградцам вывезти к себе утварь походной Свято-Николаевской церкви, еще не значит, что они спокойно смотрели бы, как прежние хозяева спиливали бы еще и крест с крыши здания. Вполне возможно, что крест был приобретен местной общиной уже непосредственно во времена Павлограда-II. К сожалению, из-за отсутствия большего количества информации об этом кресте – проверить все эти гипотезы пока не представляется возможным.

Итак, если наша реконструкция верна, то Свято-Николаевская церковь периода середины 1777 – начала 1781 года представляла собой очень небольшую **каменную** халупку, со встроенной внутрь здания алтарной частью, с камышовой крышей, с установленным рядом одиночным колоколом. Возможно (хотя и не факт), что и с железным крестом над ней. О том, насколько она была маленькой может косвенно свидетельствовать еще такой факт. В описании последствий пожара в доме митрополита Игнатия, случившегося 7 сентября 1780 года, в перечне его имущества, какое сгорело и какое удалось спасти, есть запись, что сгорела и «жалованная архиерская [архиерейская - LV] шапка, **которая по малости церкви лежала в доме**»<sup>114</sup>. То есть, и в самой церкви было крайне тесно, и поблизости от нее никакого сарайчика для хранения церковных вещей, видимо, не было. Почему и приходилось Игнатию таскать необходимые для богослужения облачения каждый раз к себе домой. И, очень похоже (хотя пока только **на уровне рабочей гипотезы**), что стояла эта церковь на незаселенном пустыре между главным устьем Кальмиуса и озером Домаха, оставшемся на месте бывшей запорожской Кальмиусской паланки. И что немногочисленным прихожанам из расположенных несколько поодаль Павловска и Кальмиусской слободы по звуку церковного колокола приходилось регулярно месить ногами степную грязь на довольно протяженном пути со значительными спусками с городского холма (и, соответственно, с подъемами на обратном пути). Решить эту проблему должно было сооружение красивой соборной Марии-Магдалининской церкви в геометрическом центре тогдашнего Павловска. Но с этим не успели, по не зависящим ни от азовского губернатора, ни от местных павловцев причинам... А потом также пришлось пару лет месить ногами грязь и грекам во главе с самим митрополитом Игнатием, пока они 22 апреля 1782 года не закончили и освятили свою Харлампиевскую церковь. Ну а после этого торжественного дня – старое одинокое здание на удаленном пустыре стало резко никому не нужным в своем прежнем качестве. И, вероятно, было просто разобрано городскими греками на стройматериалы, оставив после себя весьма смутную память...

Так что получается, что Тимошевский, наш первый краевед, таки очень удачно смог подправить ошибку преосвященного Гавриила. Сильный он был краевед, даже если в этом случае сработал на одной интуиции. А что касается указания на «деревянность» этой церкви в одном из сообщений Макаревского и в только что упомянутой греческой памяти, то можно отметить следующее. Макаревский в том отрывке о событиях начала 1770-х годов, скорей всего, просто не очень удачно разместил фантом событий и процессов, проходивших в местной запорожской паланке ДО осени 1768 года (когда местная церковь действительно была деревянной). Ну а к воспоминаниям греческих сторожилов тоже нужно относиться с большой осторожностью. Во-первых, эта чужая и недолго просуществовавшая при них церковь была изначально мало интересна им, а во-вторых они даже не смогли запомнить, что она была посвящена не святому Георгию, а Николаю Чудотворцу. Что уж тут говорить о точности их воспоминаний относительно материала ее стен...

Ну, вот как-то так автору (на сей момент) видится решение по зданию каменной сначала часовни, а затем Николаевской церкви в чертковском Павловске. На абсолютную правдоподобность этой рабочей гипотезы автор не претендует. Вполне возможно, что находки новых документов заставят ее серьезно корректировать, а то и полностью убьют. Будем искать...

---

<sup>114</sup> Калоеров С.А. От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652-1783). – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2008, документ №353, с.426-427.

## 12. Последние годы существования церкви.

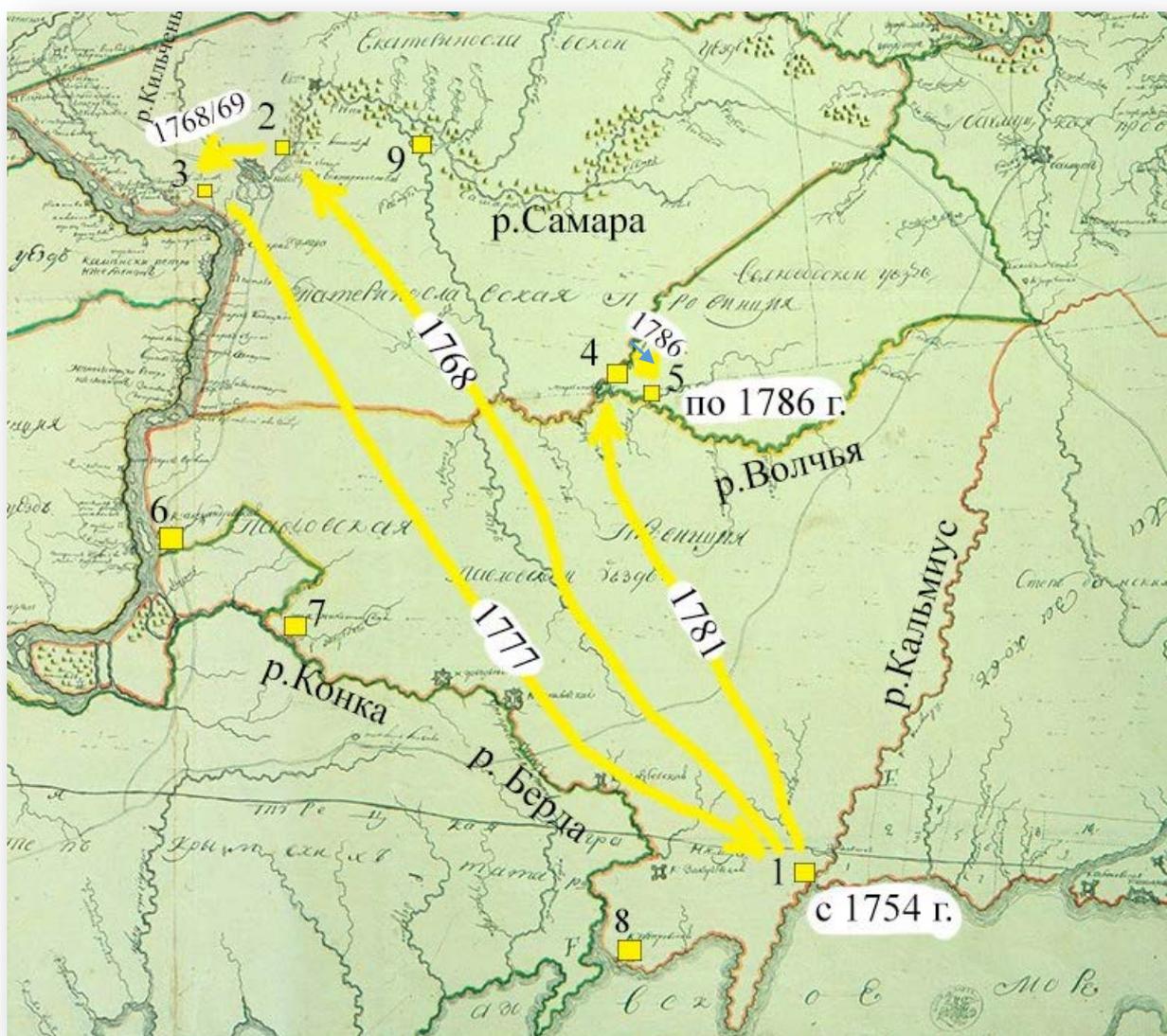


Рис.12.1. Перемещения кальмиусской походной Свято-Николаевской церкви за время ее существования (нанесены на фрагмент карты карты Азовской и Новоросийской губерний 1778 г.), а также некоторые населенные пункты и крепости, упоминаемые в данной статье: 1) Кальмиус/Павловск/Павлоград/Мариуполь; 2) Самарский Пустынно-Николаевский монастырь; 3) сл.Камянка; 4) Павлоград-II /сл.Павловская/с.Новопавловка; 5) сл.Алексеевка; 6) Александровская крепость; 7) Никитинская крепость; 8) Петровская крепость; 9) сл.Матвеевская/сл.Луганская/Павлоград-III.

По перенесении содержимого Свято-Николаевской церкви в Павлоград на реке Солоной (Павлоград-II), она была помещена «в особом не жилом, деревянном также домике». Дом этот был

освящен «по благословлению архипастыря» (то ли в апреле 1781 года, то ли 8 мая того же года<sup>115</sup>), чему жители нового Павлограда сильно радовались. В качестве даты освящения более вероятной выглядит более поздняя дата (по сообщению епископа Феодосия), а в указанном архиепископом Гавриилом (Розановым) апреле, скорей всего, была только выдана преосвященным Никифором благословительная грамота на ее открытие.

По сложившейся в те годы практике, походные церкви в новых поселениях ставились на временной основе, пока не выстраивались постоянные церкви, после чего прежнюю походную церковь могли передать в следующее нуждающееся в церкви поселение. Та же ситуация была и в Павлограде-II. Уже 30 июля 1781 года (является ли это датой исходящего документа или датой его получения – неизвестно) губернатор Чертков обратился к преосвященному Никифору с просьбой разрешить закладку в этом городе деревянной постоянной Петропавловской церкви. Уже 4 августа из архиепископской консистории в Павловское духовное правление была направлена освячительная грамота. Эта церковь в перспективе должна была стать соборной для города Павлограда и для самого Павловского духовного наместничества, так что, когда весной 1782 года дело дошло до ее закладки, павловский наместник Федор Тисаревский не поленился опять приехать сюда за 120 верст из Александровской крепости. 23 апреля 1782 года он торжественно заложил основание Петропавловской церкви. Строилась она за счет казны и к началу 1784 года была уже почти закончена, до ее освящения оставалось совсем немного.

Но здесь над Павлоградцами опять зло подшутила Судьба. Так как город за три с лишним года так и не продемонстрировал способность к быстрому росту, то Правительство решило вновь перенести центр уезда в более динамично развивавшееся поселение, а «неудавшийся» уездный город понизить в статусе до слободы и отдать его католикам-корсиканцам, изъявившим желание обрести здесь себе новую родину. По указу Азовской губернской канцелярии от 19 апреля 1784 года прежних павлоградцев (коих к тому времени насчитывалось чуть больше сотни<sup>116</sup>) еще раз переселили, теперь значительно западнее, в низовья Волчьей, недалеко от ее впадения в Самару, где их город (назовем его Павлоград-III) уже окончательно и прижился. У нынешних мариупольцев он должен быть на слуху благодаря знаменитым павлоградским сыркам. Это как раз оттуда. Можно сказать, что павлоградцы этими сырками отдают свой долг исторической родине. К сожалению, не бесплатно. ☺

В слободе Луганской с 1782 года уже имелась собственная постоянная Покровская церковь. Так что вконец дезориентированные жители бывшего Павлограда просто махнули рукой на свою прежнюю церковь и не стали вновь бороться за нее.



Уездный город Павлоград-III был организован на месте уже существующей многолюдной слободы Луганской, причем число местных поселян более чем в десять раз превышало количество подселяемых к ним «горожан» из Павлограда-II. Эта слобода ведет свое начало от зимовника запорожского казака Матвея Хижняковского, который осел здесь еще около 1770 года. К моменту падения Сечи зимовник Хижняковского уже фактически превратился в значительную слободу. Когда в сентябре 1775 года здесь проезжал губернатор Чертков, у него с Хижняковским был заключен обоюдovýгодный договор. По нему бывший запорожец объявлялся осадчим этого поселения, переименованного в государственную воинскую слободу Матвеевку (по

<sup>115</sup> Гавриил, архиепископ Тверской и Кашинский. Очерк повествования о Новороссийском крае // ЗООИД, Т.3, 1853, с.124; Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с.570

<sup>116</sup> Macbushin. ЭТАПЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДА ПАВЛОГРАДА. Часть третья.

<https://macbushin.livejournal.com/129719.html>

имени ее основателя).

В 1776 году в тогдашний Мариенпольский уезд в междуречье Самары и Волчьей был в несколько этапов переселен с Лугани Луганский пикинерный полк. Несколько позже штаб-квартира этого полка была также перенесена в слободу Матвеевку, с переименованием ее в слободу Луганскую.

С 1777 и по 1784 год этим полком командовал полковник (позже – бригадир) Михаил Илларионович Кутузов. В 1783 году в полк были добавлены еще Полтавские пикинеры, а сам он был переименован в Мариупольский легкоконный (с 1796 года – гусарский). Этот полк не раз отличился в сражениях многочисленных войн, в которых участвовала Российская империя с конца XVIII по начало XX века. Название Мариупольского полка сохранил вплоть до конца своего существования в 1917 году. К собственно Мариуполю и местным грекам отношения никакого он не имел.



Рис.12.2. Командир Луганского пикинерного полка полковник М.И. Кутузов.

Новые обитатели южнорусских степей из природных корсиканцев прибыли в бывший город Павлоград (II), который теперь был переименован в слободу Павловку 19 июля 1784 года. А уже 28 июля Павловское духовное правление отправило преосвященному Никифору письмо по поводу церковных дел в этом невезучем поселении. Правление доносило, что согласно указу Азовской губернской канцелярии, корсиканцам отошли все казенные здания этого городка (в том числе и здание недостроенной Петропавловской церкви). А по священнику Павлу Алексееву с двумя церковниками (дьячек Иван Попов и пономарь Феодор Никифоров<sup>117</sup>), служившим в действующей походной Николаевской церкви, которые теперь остались без прихожан (католики-корсиканцы в их услугах не нуждались), преосвященному предлагалось принять решение по их дальнейшей судьбе. Также Правление просило разрешения на перенос оставшейся невостребованной походной Николаевской церкви в крепость Никитинскую на Днепровской линии, которая располагалась на Конских Водах. В данной крепости был только священник Стефан Малиновский (без церкви). К ее приходу, помимо команды самой крепости, должны были принадлежать еще и отставные солдаты, поселенные в расположенных поблизости слободах Жеребце и Камышевахе, которых всех вместе насчитывалось 117 дворов. В радиусе 25 верст других церквей не было.

<sup>117</sup> Макидонов А.В. Днепровская линия (1770-1797). – Запорожье: Акцент Инвест-трейд, 2014, с.170.



Скажем пару слов и о местных корсиканцах. Они и до вселения в эту слободу успели немало поколесить по Азовской губернии, прося милостыню и оставив после себя не слишком хорошую славу. И на новом месте повели себя достаточно беспутно и достаточно быстро разбежались. Особой пользы казне от них так и не случилось, это был неудачный проект. И в крови нынешних жителей села Новопавловки Межевского района Днепропетровской области (как теперь называется бывший Павлоград-II) средиземноморский генофонд особо не присутствует...

Но с переносом Свято-Николаевской церкви в Никитинскую крепость что-то не сложилось. Скорее всего, свою роль сыграло то, что после окончательного присоединения Крыма к Российской империи в 1783 году, Днепровская укрепленная линия оказалась глубоко внутри российской территории и утратила свое военное значение. 10 февраля 1784 года Екатерина II подписала указ по поводу устройства новых пограничных укреплений и упразднению старых. Попала под его действие и Днепровская линия, все строительные работы на ней были прекращены. Тем не менее сама Линия (все более и более ослабляясь) просуществовала вплоть до 1797 года.

Ну а походная Николаевская церковь продолжала по-прежнему стоять без дела в корсиканской слободе Павловке и много месяцев спустя. В 15 км выше по течению от места впадения в Волчью реки Солоной стояла слобода Алексеевка, а еще в 9 км выше – слобода Андреевка. Они и сейчас имеют те же имена, стоят на правом берегу Волчьих Вод, прямо напротив греческих сел Богатырь и Константинополь. 15 мая 1785 года жители Алексеевки и Андреевки прислали в Павлоградское духовное правление (которое к тому времени уже перебралось в Павлоград-III и было соответствующим образом переименовано) прошение на имя преосвященного Никифора. В нем они писали, что стоящая «в бывшем Павлограде, что ныне Павловка» походная Николаевская церковь «общественным коштом от доброхотных дателей состроенная» (т.е. в сооружении здания для нее казна не участвовала) корсиканцами никак не используется, так как у них уже есть своя католическая церковь (они достроили незаконченную Петропавловскую?) и собственный пастор. Далее они описывали свои проблемы, возникающие у них «по причине отдаленности от околичных церквей». (Строго говоря, у них на другом берегу реки располагались греческие села с церквями, но об этом в их прошении не упоминалось; видимо, грекоязычные священники местных славянских слобожан не сильно устраивали). Поэтому они просили разрешить перенос походной Николаевской церкви в слободу Алексеевку и назначения к ней священника, дьячка и пономаря. К этому прошению прилагалась обязательная тогда подписка о том, что жители этих слобод обязуются «прилично и безбедно» содержать и саму церковь, и служителей при ней.

23 июня того же года Павлоградское духовное Правление направило эту просьбу к архиепископу Никифору. Из сопроводительного письма к ней мы можем узнать, что в этой Свято-Николаевской церкви все еще использовался ее старый антиминс, выданный митрополитом Щербацким в 1754 году.

Славенская духовная консистория, не торопясь, навела справки и только через полгода, 17-го декабря 1785 года выдала желаемое разрешение на перенос этой походной церкви в слободу Алексеевку. Она должна была быть передана алексеевскому священнику Иоанну Гординскому и ктиторами (попечителям) под расписку. Также жителям этих слобод еще раз напоминалось, чтобы они поскорее выполнили отмежевание «указного числа земли» (120 десятин) для священно- и церковнослужителей этой церкви, а также постарались поскорее выстроить у себя постоянную церковь. Контролировать все это должно было Павлоградское духовное правление. В заключение содержалось еще одно требование: *«значащаяся по описи церковныя триста двадцать три*

*рубли и восемьдесят коп. деньги духовному Правлению, отобрав, хранить в оном Правлении впредь до указу». Из-за этих денег потом произойдет довольно мутная и продолжительная история.*

С первым пунктом – переносом походной Николаевской церкви в слободу Алексеевку справились, к радости местных жителей, быстро и без проблем. А вот с последним пунктом – произошла заминка... Павлоградское духовное правление послало за ними в Алексеевку священника Косьму Наумова из слободы Григорьевки, но аборигены ему этих денег не отдали. Что это была за сумма – сейчас сказать уже сложно. Судя по некоторым упоминаниям в дальнейшей переписке, в 1781 - 1784 годах жители этих двух слобод входили в приход нашей Свято-Николаевской церкви в Павлограде-II. А после переноса Павлограда на его нынешнее место и после прекращения церковных служб в нашей церкви, оставшиеся беспризорными три государственные воинские слободы и две помещичьи деревни в 1784 году вновь объединились в один церковный приход. Его центром и стала слобода Алексеевка, куда был назначен сначала выходец из Польши священник Иоаким Тихонович, а по смерти его – Иоанн Гординский. И, похоже, именно в этой слободе осталась жить часть бывшего «церковного актива» павлоградской походной Николаевской церкви. Здесь хранились остатки церковной кассы и некоторые из вещей этой церкви, причем священник Гординский к этому изначально никакого отношения не имел. И деньги, и церковное имущество подлежали тогда строгому учету и записывались в прошнурованные книги, так что даже после прекращения функционирования церкви ее отчетность сохранялась, и все числящееся должно было сдаваться в вышестоящие органы для дальнейшего использования. Но, с учетом того, что при переносе походной церкви и при намерении устроить новую постоянную у прихожан неизбежно должны были возникнуть значительные затраты, совсем непонятно, какой высокий смысл был в требовании положить на неопределенное время имеющиеся деньги на сохранение в Духовное правление? Видимо, не понял этого и местный «церковный актив». А может они уже успели эти деньги растрять на совсем другие цели?

Так что вскоре после того, как первый посланец из Павлограда ушел не солоно хлебавши, ему вдогонку 13 февраля 1786 года «алексеевский писарь Петр Голубницкий, сотский Григорий Костюченко, ктитор Самсон Солдатенко и Евфим Перепаденко» (заметим, священник Гординский здесь не участвовал!) отправили в Павлоградское духовное правление «доношение», в котором «учинили признание, что якобы они те церковныя деньги раздали той слободы жителям на пропитание». Это, конечно, было серьезным нарушением, но, в общем-то объяснимым. Но почти одновременно, уже 19 февраля, через голову Павлоградского духовного правления, напрямую на преосвященного Никифора ушло второе обращение. Это было коллективное письмо от жителей четырех казенных селений (Алексеевки, Андреевки, Подгородней и Ивановки) и от павлоградских мещан (не все выехали из Павлограда-II?). В нем рассказывалось, что все они были ранее прихожанами походной Свято-Николаевской церкви и делали тогда от себя приношения в эту церковь. А собранную сумму денег, по общему согласию, предназначали для приобретения колоколов к этой церкви, так как ее прежний колокол при переезде в начале 1781 года остался в Мариуполе. На этом основании подписанты письма просили Никифора церковную сумму в 323 руб. 80 коп. (якобы уже отданную в Павлоградское духовное правление) передать в Алексеевку, на нужды ее походной Николаевской церкви. Возможно, эти два письма исходили из двух разных, независимых друг от друга групп прихожан. Но более вероятно, что кто-то из ответственных за эту сумму предпринял попытку повернуть наглайшую авантюру, чтобы только их не возвращать (автору статьи, к сожалению, доводилось сталкиваться с таким типажом людей). Но в этот раз не прокатило...

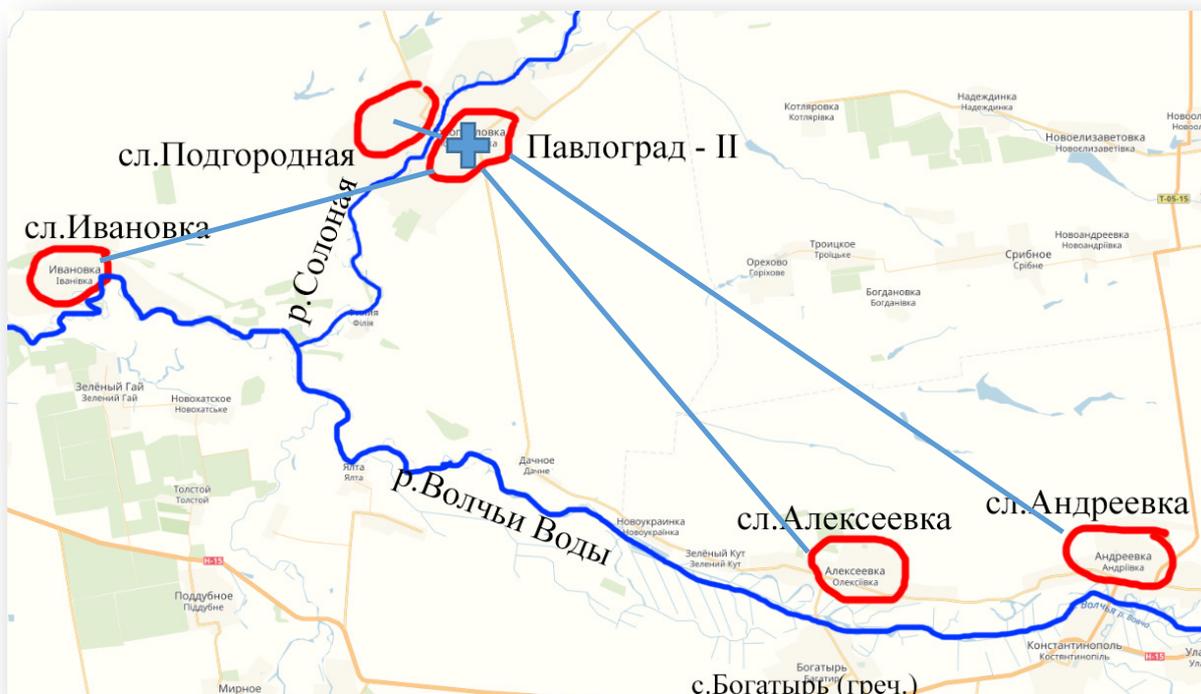


Рис.12.3. Селения, входившие в приход Свято-Николаевской церкви в Павлограде-II по состоянию на начало 1784 года (по данным письма алексеевских жителей от 19 февраля 1786 г.).

По рассмотрении этого прошения Славенская духовная консистория (вероятно, предварительно связавшись на эту тему также и с Павлоградом) 5 марта 1786 года постановила в просьбе об отдаче денег жителям Алексеевским и Андреевским отказать «так как деньги те собраны не от них одних». Затем местным жителям повторно предписывалось «скорее позаботиться об отмежевании подцерковной земли и о постройке неподвижной церкви», после чего к вопросу о церковных деньгах можно было вернуться повторно. Пришлось алексеевцам, скрепя сердце, собирать по сусекам нужную сумму. 12 июня 1786 года Павлоградское духовное правление донесло в Славенскую консисторию, что их новый посланник – священник Гавриил Поповский из слободы Петропавловки – съездил в Алексеевку и привез оттуда на сохранение всю сумму в Павлоград, эти деньги уже поступили в местное духовное правление.

Но злоключения прижимистых алексеевцев на этом не закончились. 10 июля того же года местный священник Иоанн Гординский донес рапортом в Павлоградское духовное правление о том, что походная Николаевская церковь в слободе Алексеевке «от грома» сгорела дотла. В те годы большинство церквей в Азовской губернии были еще деревянные, а о громоотводе в наших краях еще никто и слыхом не слыхивал, так что горели наши церкви регулярно, процедура в таких случаях была хорошо отработанная. Из Павлограда-III для проверки на месте в Алексеевку был отправлен Максим Иванович Кошевский (родился в 1764 году, в 1784 году он числился дьяконом при соборной Покровской церкви Александровского форштадта, это кто-то из многочисленного рода Кошевских). Из того, что ему рассказали (или навешали 22-летнему пацану лапшу на уши) аборигены, получалось, что стоявшая здесь наша **старая походная Свято-Николаевская церковь сгорела еще 26 июня 1786 года, в 1-м часу пополудни**. Из-за того, что в это время большинство поселян были на полевых работах в степи, когда церковь загорелась от удара молнии, спасти ее было особо некому: «только и успеть могли вынуть риз сем, подризников холстяных три, и платков бумажных

два, евангелие двое, апостол, миней, псалтырь, октоих, ермологий и служебник, да и в наличности денег осталось медных четыре рубли и висящий на Богоматери десятерублевый червонец, кои деньги и ризница оставшаяся хранятся у тамошняго жителя Мирона Коваля, а прочия церковныя утвари все погорели». О том, почему местный священник тянул с сообщением в Павлоград об этом происшествии целых две недели – ничего не сообщалось. Какая-то опять несколько мутноватая история получилась. Может, там не только в деньгах нехватка была? Но об этом мы уже не узнаем...

Так закончилась 32-летняя история нашей казацкой «древнейшей» церкви...

В 1790 году жители Алексеевки, наконец-то отмежевали землю под строительство церкви и под довольствование ее священника, и в ноябре того же года они запросили разрешение на устройство у себя постоянной церкви. В октябре 1791 года место под ее закладку было освящено. 30 мая 1793 года многострадальные 323 рубля 80 копеек, за которые было сломано столько копий несколькими годами ранее, были возвращены из Павлоградского духовного правления в слободу Алексеевку и переданы на церковные нужды. Где-то в конце сентября – начале октября 1793 года новая постоянная церковь была окончательно освящена, в нее были переданы сохранившиеся вещи из старой походной церкви. А посвящена новая церковь была, что характерно, святителю Николаю... Так что связь времен тогда не прервалась. Она прервется значительно позже...

Для полноты картины, хотелось бы рассказать еще и о продолжении судеб некоторых из упоминавшихся здесь людей, которые тесно связаны с нашей приазовской историей.



Петра Велегуру в последний раз мы встречали, когда его, закованного, в июне 1775 года донцы увозили в Москву к Потемкину. Но мы обещали, что еще с ним встретимся. В рапорте от 13 января 1776 года, с которым секунд-майор Петр Горленский переслал губернатору Черткову именной список казаков Кальмиусского уезда *«кои в преступлениях кошевого и ево единомишленников нимало не участвовали и по усердной их в минувшую войну службе достойни ползуются жалованием и провиантом»*, содержащем 247 имен (плюс еще пять имен в рапорте от 22 января) – Петр Велегура не упоминается<sup>118</sup>. Вероятно, на тот момент он (как напрямую причастный к реализации политики Коша в наших краях) еще находился под следствием. А вот в рапорте от 21 мая 1779 года от губернатора Черткова к Г.А. Потемкину, содержащему перечень бывшей запорожской старшины, проживавшей в Азовской губернии и *«не участвовавших в буйстве бывшего коша Запорожскаго, а напротив того ревностью в походах службою и поступками отличившихся»* (82 фамилии) бывший запорожский полковник Петр Велегура числился под номером 4. К этому моменту он был уже не под следствием и уже числился благонадежным, более того, он получил чин армейского капитана! Вот так жестоко мстил царизм бывшим запорожским старшинам... Из этого же списка мы узнаем, что Велегура поступил в Войско в 1745 году, а казацкий чин полковника получил в 1772 году. Кроме этого упоминаются его службы во время прошедшей русско-турецкой войны *«в стороне Ачакова и в других по Черному морю и реки Днепру местах»*<sup>119</sup>. Надо полагать, что Велегура получил армейский чин чисто номинально (хотя, вероятно, вместе с жалованьем) и быстро вышел в отставку, доживая свой век в собственном хуторе. На

<sup>118</sup> РГАДА, ф.16, оп.1, д.797, ч.7, л.432 - 437.

<sup>119</sup> РГАДА, ф.16, оп.1, д.797, ч.16, л.160ж – 161.

карте земли Войска Донского 1782 года на левобережье нижнего Кальмиуса показано несколько хуторов. Между хуторами донских казаков Андрея Караулова и Косагорова (Стефана Косоротова) показан хутор «Вилигурин» (рис.12.4). Вероятно, он располагался в балке на западной окраине нынешнего поселка Троицкий (Гнилозубовка, где сейчас автогаражи тянутся вдоль проспекта 1 мая), которая на картах Шуберта XIX века тоже подписана как «балка Вилигурина».



Рис.12.4. Фрагмент карты Войска Донского, 1782 г.<sup>120</sup>

Во время русско-турецкой войны 1787 – 1791 годов было восстановлено «Войско верных запорожцев». Сохранился ордер Коша капитану Велегуре от 21 марта 1788 года и его отчет от 16 мая об агитации местных бывших запорожцев к участию в военных действиях против турок<sup>121</sup>.

А когда в феврале 1791 года началась переписка по поводу достройки и передачи «русскому обществу» так и не законченной греками Марии-Магдалининской церкви, в перечне «малороссийской нации людей, находившихся при г. Мариуполе», которые подписались под первоначальным письмом, на третьем месте мы опять-таки находим Петра Велегуру. Это все тот же бывший запорожский полковник. Вероятно, после прохождения грозы над его головой после уничтожения Сечи, он так и не смог встроиться в новую для него жизнь и просто доживал спокойно старость неподалеку от ставшего ему родным устья Кальмиуса. На 1791 год Петру Велегуре должно было быть примерно 65 - 70 лет.

Его сын войсковой старшина и армейский поручик Матвей Велегура служил в Войске верных казаков черноморских, с которым, в составе Минского куреня, пришел на Кубань. Он умер до марта 1794 года. В Ревизской сказке куреня Минского за 1794 год можно найти вдову умершего поручика Матвея Велегуры Параскеву (35 лет) с сыновьями Саввой (16 лет), Степаном (14 лет), Гаврилой (11 лет) и Осипом (9 лет). От сыновей Матвея Велегуры происходили все староминские Велегуры<sup>122</sup>. Станица Староминская расположена на Ейской стороне Таганрогского залива, в 40 км вверх от

<sup>120</sup> РГВИА, ф.423, оп.1, д.59.

<sup>121</sup> Сборник исторических материалов по истории кубанского казачьяго войска. Том 3. Войско верных черноморских казаков 1787 - 1795 гг.", 1896, с.13, 19-21.

<sup>122</sup> ИМЕНИТЫЕ ЩЕРБИНОВЦЫ. Биографический и родословный справочник. <http://nenuda.ru/именитые-щербиновцы.html>



После ухода с должности «Кальмиусского начальника», отставной секунд-майор Петр Трофимович Горленский ориентировочно с 1777 по 1779 год исполнял обязанности земского комиссара в Азовском уезде Азовской губернии. Был причастен к основанию в 1777 году казенной слободы при устье Кагальника, а также к попытке посадки дубового леса вдоль этой реки. В 1780 - 1781 году он вновь будет привлечен к нашим делам, участвуя в Комиссии о поселении выведенных из Крыма христиан и отвечая за обеспечение наших греков продовольствием. Но, похоже, находиться на тот момент он будет не в Мариуполе, а где-то в отдалении от него (возможно, в Петровской крепости?). Позже он вернется в более привычные ему края. В Родоводной дворянской книге Харьковского наместничества 1789 года упоминается, что Петр Трофимович на тот момент имел чин коллежского асессора (VIII класс) и проживал с женой Марией Ильиничной Андреевой в Изюмском уезде Харьковского наместничества. Здесь он владел 6 мужскими и 3 женскими душами. Еще 27 душ крепостных обоего пола у него было в урочище Широповой (?) долине в Екатеринославском наместничестве<sup>123</sup>.

Еще один носитель этой фамилии – прапорщик Павел Горленский в 1777 - 1778 годах упоминается в качестве смотрителя государственных селений в Павловской провинции (пока его сферу ответственности за этот период конкретней установить не удалось). А в 1779 году он указывается на той же должности в Александровском уезде. В марте 1781 года «смотрителю ж прапорщику Горленскому» (видимо, именно Павлу) Азовской губернской канцелярией было поручено переселять прежних жителей Павлограда с Кальмиуса на Солоную (хотя в 1779-1780 годах смотрителем селений в Кальмиусском уезде называется «капитан Александровского баталиона» Степан Вяликов). В 1791 году, в коллективном письме по поводу церкви Марии Магдалины первым в списке «малороссийской нации людей, находившихся при г. Мариуполе» подписался «прапорщик Павел Горленский», так что он то ли окончательно перебрался на постоянное жительство в Мариуполь, то ли просто имел здесь свои коммерческие интересы (скорей всего связанные с рыбными ловлями). Возможно, именно его обозвал бывшим «запорожцем Горленко» епископ Феодосий, несколько запутавшийся в схожих названиях уездов и одинаковых фамилиях в событиях второй половины 1770-х годов? Но скорей всего, что это был племянник Петра Трофимовича, младший сын Максима Трофимовича, родившийся в 1754 году. Тогда он должен был быть совсем молодым человеком.

Во всеимперских сборниках «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве» за 1787 и 1788 годы секретарем Греческого суда в Мариуполе показан прапорщик Иван Горленский. Возможно (хотя и не факт), что это был старший сын Максима Трофимовича. Иван Максимович родился в 1740 году, был подпрапорным и канцеляристом в Харьковском казацком полку, но уже в 1764 году по каким-то причинам вышел в отставку. Может и его на приазовские хлеба тоже затянуло... Был еще Иван Трофимович Горленский (средний брат). Он родился в 1717 году, служил в Харьковском полку и вышел в отставку около 1760 года. По состоянию на 1767 год жил с женой в Новых Водолагах. Но вряд ли он подходит по возрасту.

Еще по меньшей мере один Горленский – прапорщик Данило в 1777, 1779 и 1780

<sup>123</sup> РГАДА, ф.16, оп.1, д.797, ч.16, л.431-434; С.Потапенко. Вихідці з Білорусі у середовищі козацько-старшинських родів Слобожанщини (на прикладі роду Горленських) // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: Зб. наук. ст. — 2012. — Вип. 21, ч. 2. — С. 158-164; В.Маслійчук. Максим Трохимович Горленський – перший директор харківських додаткових класів (1768–1775 рр.) // КРАЄЗНАВСТВО. НАУКОВИЙ ЖУРНАЛ. № 3/4(92/93), 2015, 161-166.

годах служил также смотрителем государственных селений значительно севернее – в Екатеринбургской провинции той же губернии<sup>124</sup>. Везло же этой фамилии на прапорщиков...

Кем точно приходились друг другу все эти люди, были ли это на самом деле представители одного разветвленного рода или просто однофамильцы, имел ли кто-нибудь из них отношение к запорожским казакам – пока достоверно выяснить не удалось. Но связь с Мариупольщиной, по меньшей мере, троих из них несомненна.



У Романа Федоровича Кошевского от супруги Агриппины Яковлевны было четверо сыновей – Федор (1751/52 – 1822), Яков (р. между 1752 и 1755), Стефан (р. кон. 1750-х – 1-я пол. 1760-х, ум. 1815) и Феодосий (1777-1780). Также Роман перетащил в этот край своего брата Михаила и еще целую кучу своих родственников. Часто фамилия Кошевских встречается в связи с соборной Покровской церковью Александровского форштадта (с 1785 г. – посада), куда Роман Федорович вновь вернулся после своего неудачного афронта в Павловске. Последний год своей жизни у него были серьезные проблемы со здоровьем, так что его старший сын Федор самовольно покинул свой приход в Кирилловской крепости и перебрался в Александровскую, чтобы помогать отцу в исправлении церковной службы, из-за чего он имел большие неприятности со стороны Екатеринославской духовной консистории. Умер Роман Федорович Кошевский 24 сентября 1786 года. Церковное начальство в Екатеринославе так и не смогло простить его сыну Федору такого самоуправства, так что после длительных разборок, в октябре 1787 года постановило передать «отцовское» место при соборной Покровской церкви от Федора к его младшему брату Стефану, который в 1786 году только поступил учиться в семинарию. Федор должен был продолжать занимать эту должность временно, до тех пор, пока Стефан не доучится. В общем, наказали довольно обидно, но все могло кончиться и гораздо тяжелее. Федор, занимая свой «временный» пост, не сидел сложа руки, и к моменту возвращения Стефана в 1788 году с его учебы успел пробить разрешение на полную перестройку обветшавшей Свято-Покровской церкви и уже заканчивал ее строительство. Обновленная Свято-Покровская церковь была освящена 24 февраля 1789 года, а 5 марта того же года Стефан был посвящен в ее священники. Некоторое время оба брата служили в ней поочередно, «понедельно». Но уже в 1790 году пробивной Федор выбил разрешение на устройство уже непосредственно в самой крепости новой походной воинской церкви во имя Благоверного Князя Александра Невского, куда и перешел. Вероятно, провернуть это ему было не слишком трудно, так как Федор был женат на дочери тогдашнего коменданта Александровской крепости М.М. Караватки Христине Михайловне. У Федора и Христины Кошевских было шесть детей. У его брата Стефана было четверо

<sup>124</sup> Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1778. - СПб.: Имп. Академия наук, 1778, с.354, 356; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1779. - СПб.: Имп. Академия наук, 1779, с.421-423; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1780. - СПб.: Имп. Академия наук, 1780, с.457-459; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1781. - СПб.: Имп. Академия наук, 1781, с.416; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1787. - СПб.: Имп. Академия наук, 1787, с.355; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1788. - СПб.: Имп. Академия наук, 1788, с.333, <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3274-mesyatseslov-s-rosписью-чиновных-особ-v-gosudarstve-na-letu-ot-rozhdestva-hristova-1772-1804> ; Калоеров С.А. От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652-1783). – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2008, с.389, 403-404, 435, 438-440, 448, 450, 452, 454-455; Макидонов А.В. Днепровская пограничная линия в документах середины 1770-х – начала 1780-х гг.: сборник документов. – Запорожье: Кругозор, 2016, с.112-114; Феодосий Макаревский: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880, с.1001-1006.

сыновей. Довольно успешно плодились и остальные члены многочисленного «клана» укоренившихся здесь Кошевых. Многие из них также служили по духовной линии на Днепровской линии и в близлежащих уездах, чему временами сильно мешал свойственный некоторым представителям этого славного рода крайний авантюризм и слабое понятие о дисциплине. Всякое бывало...

Так что – невзирая ни на какие сложности и проблемы, кругооборот Жизни продолжался. И, наверное, это правильно.

### 13. Некоторые фейки и дубли по поводу казацкой Николаевской церкви.

Ниже мы приводим несколько (относительно недавних) примеров обращения с церковной темой в работах краеведов и историков, демонстрирующих разную степень владения материалом. Места, особо режущие глаз (на взгляд автора данной статьи) выделены жирным шрифтом, в необходимых местах добавлены и краткие комментарии по ним. Впрочем, есть надежда, что те из уважаемых Читателей, которые все-таки смогли добраться аж до этого места, уже достаточно вооружены необходимым багажом знаний по данной теме, чтобы составить себе самостоятельное мнение по этим фрагментам. Которое, возможно, не совпадет с мнением автора статьи...



*«Нарешті, у **фортеці** Кальміус була і духовна влада, що розповсюджувалася і на тих, що сиділи зимівниками, і на тих, що жили **поряд у слободі посполитих козаків**. Її здійснювала козацка похідна Свято-Миколаївська церква, що розміщувалася в кам'яній, критій **соломою** будівлі, яка, як писав єпископ Феодосій, була «поставлена запорозьким козацтвом **давно, з незапам'ятних часів**». («Матеріали для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви и приходы XVIII столетия». Выпуск I. Екатеринослав, 1880. стор.322). І ця церква здійснювала всі акти цивільного стану: хрестила новонароджених, **вінчала** жителів доколишніх зимівників, що брали шлюб, відспівувала померлих. До речі, недалеко знаходилося і кладовище, на якому ховали небіжчиків. Додаймо, і не одне. На другому пізніше ховали померлих і греки-переселенці, що приїхали в гирло Кальміуса».*

М.Г. Руденко. Приазов'я – колыска козацтва. Маріуполь. ТОВ «Друкарня «Новий світ», 2005, с.45.

Немного прокоментуємо. Запорожское поселение в устье Кальмиуса времен Новой Сечи не носило гордое название «крепости» и в первоисточниках XVIII века (включая собственно запорожские) никогда так не называлось. Существование поблизости еще и отдельной слободы «посполитых казаков» - пока под большим вопросом, еще не доказано. Церковь запорожского периода располагалась в деревянном храме. По устройству ее кровли – пока никаких данных не обнаружено, можем только гадать. Покрытие ее кровли камышом (а не соломой!) пока зафиксировано только для чертковского периода. Венчание «жителей близлежащих зимовников» без представителей белого духовенства (первый из которых появился в устье Кальмиуса, похоже, только в 1777 году) было невозможно, монашествующим священникам такое таинство производить запрещено. Впрочем, учитывая малое количество женщин среди «жителей близлежащих зимовников» и недостаточную толерантность той эпохи,

достаточно долгое время для местного казачества невозможность обвенчаться в непосредственной близости от дома особых неудобств не доставляла...



*«16 мая 1754 г. Андрей Порохня в письме кошевому атаману Даниилу Стефанову сообщил, что новую церковь надо строить, потому как старая пришла в **«полную ветхость»**. Получается, что в Кальмиусе до того уже была церковь, причем уже давно, если **полковник Порохня пишет о ее «полной ветхости»**. Этот документ начисто отменяет все разговоры о том, что до прихода греков из Крыма на месте Мариуполя существовал только сторожевой пост (горячим сторонником этой версии была мариупольский историк Р. Саенко). **Стационарные** церкви запорожцы строили только в населенных пунктах и **крепостях**. Зачем **сторожевой башне стационарная** церковь?»*

В.Джувага. История о том, как на территории Мариуполя казаки поселились (ФОТО), <https://www.0629.com.ua/news/1827227/istoria-o-tom-kak-na-territorii-mariupola-kazaki-poselilis-foto> (2017)

Надо полагать, что фраза о «полной ветхости» - это прямая цитата из письма полковника? Он именно эти слова и именно в такой форме употреблял? Кроме того, что Свято-Николаевская церковь была все-таки походной, автор явно не понимает смысла употребляемого им определителя «стационарная». Фразу о «башне» (???) опять оставляем на совести данного автора.



*«Да, до 1778 года в Кальмиусе уже была каменная Свято-Николаевская церковь, где правил службу и **обучал детей** грамоте иеромонах Киевского Межигорского монастыря. Первым документальным упоминанием об этой церкви, не вызывающим ни у кого возражений, сегодня считается 1754 год, когда кальмиусский полковник Андрей Порохня обратился в Кош с просьбой прислать лес **для ремонта** церкви, пришедшей в ветхость. «Для той же церкви, - пишет Г.И.Тимошевский в книге «Мариуполь и его окрестности», - и в том же году Тимофей Щербацкий, митрополит Киевский, послал походный антиминос и благословил грамоту на ее освящение». «Кош, - как писал еще один мариупольский краевед Лев Яруцкий, - отправляя все это с начальником Самарского монастыря в Кальмиус, поручил ему взять в Сечи древнюю церковь, везти ее в Кальмиус и туда поставить для литургии, пока новая не будет построена».*

*Вот здесь хотел бы обратить внимание и читателей, и краеведов на одну весьма занимательную деталь. Некоторые краеведы, пытаясь доказать неисторичность и временность нахождения в Кальмиусе казаков, указывают именно на то, что в Кальмиусе была походная церковь. И почему-то хотят отвлечь внимание читателей от того факта, что походная церковь была прислана в Кальмиус на время строительства новой церкви **взамен обветшавшей старой!***

*А теперь еще и подумайте, сколько же лет надо было простоять церкви, чтобы обветшать?»*

А.Герасимчук. Как Екатерина Вторая и бютовец Михаил Поживанов воровали историю Мариуполя <http://h.ua/story/98410> (2008)

Насчет «ремонта» обветшавшей церкви и какой именно «лес» для этого просил местный полковник – уже подробно разбиралось в начале статьи, повторяться не будем. 1778 год использован здесь автором в качестве реперной точки, как официально признанная (с конца 1970-х) дата основания Мариуполя, здесь он просто показывает, что и до этой даты здесь жили люди. Хотя вряд ли данный автор знал, что каменное здание бывшей часовни (куда церковь вернулась только в 1777 году) не тождественно предыдущему деревянному зданию данной церкви, сожженному в 1768 году. Иеромонах Киевского Межигорского монастыря фиксируется в здешней часовне только в 1776 году и никак не мог проводить службы в 1778 году в Николаевской церкви (где на тот момент уже служил присланный из Славенской и Херсонской епархии Иоанн Филиппов из белого священства). Также пока нет никаких свидетельств о том, что анонимный иеромонах в 1776 году или сам И.Филиппов (с 1777 года) занимались обучением местных детей грамоте. Как нет и свидетельств о наличии детей вообще в здешних местах на тот период...

Также Кош не пытался заставить начальника Самарского монастыря лично сопровождать перевозку церковного имущества в удаленный Кальмиус. Настоятель должен был просто организовать и контролировать данный процесс, ездить должны были другие. Но это уже ошибка не Герасимчука, он просто цитирует здесь работу другого краеведа - Льва Яруцкого, который, в свою очередь, взял этот пассаж у Тимошевского, который его списал у Скальковского. Вот такая цепочка...



*«Приморский городок Кальмиусская Слобода как центр донецкой паланки насчитывал несколько сотен зданий, а на центральном майдане по казацким обычаям находились Свято-Николаевская церковь. В 1754 г. киевский православный митрополит Т. Щербацкий, к которому обратился за помощью кальмиусский полковник А. Порохня, направил грамоту иеромонаху Макарию, которого назначал священником в Кальмиусскую Слободу <...>» (Т.Чухлиб. Степные воины Донбасса. Украинская колонизация Дикого Поля (1500 - 1800 гг.).*

Запорожский «райцентр» в устье Кальмиуса в первоисточниках XVIII века НИКОГДА не назывался «городком» или «донецкой паланкой». Обычное наименование его в документах того времени – «Калмиуская паланка» или (чаще) просто «Калмиус». Иногда встречаются еще выражения «на Калмиусе» и «на Калмиуских косах», но это уже явно географические определители в широком смысле. А вот название «Кальмиусская слобода» действительно некоторое время использовалось в наших краях, но только во времена Чертковского Павловска. Кстати, и использование слова «паланка» в качестве обозначения запорожского уезда или области – тоже не слишком корректно, но об этом как-нибудь в другой раз.

Полковник Порохня никак не мог обращаться «за помощью» к митрополиту Щербацкому напрямую, ему это было совсем не по чину. Переговоры с митрополитом шли на уровне Коша и церковной администрации.

Иеромонах Макарий занимал на Сечи на тот момент слишком значительную церковную должность (начальник Сечевых церквей), чтобы его кто-то отправлял служить в церковь удаленной паланки. Он был просто адресатом одного из сохранившихся писем по нашему вопросу.

Остальной текст книги данного уважаемого автора, профессионального историка, автора многих публикаций по казацкой тематике, директора Научно-исследовательского института казачества им. С. Бандеры, примерно равноценен разобранному отрывку по точности и надежности используемой информации.

При желании этот ряд можно продолжать еще довольно долго, но, наверное, уже не стоит. Если уважаемый Читатель заинтересуется этой темой, он легко сможет найти еще много подобных работ с упоминаниями нашей «обветшалой» церкви.



А здесь поместим обещанный ранее рассказ о том, почему А.А.Скальковский в своих работах часто привязывал Кальмиусскую паланку именно к Берде. Истоки этой его ошибочной убежденности восходят, похоже, к единственному источнику – работе Г.Ф. Миллера (1705 – 1783) «Рассуждение о запорожцах и краткая выписка о Малороссийском народе и запорожцах», законченной, вероятно, в начале 1775 года. В полном виде это «Рассуждение» (точнее – его раздел, посвященный запорожцам) было опубликовано только в 1846 году (т.е. одновременно со 2-м изданием «Истории Новой Сечи...» самого Скальковского), но уже ранее фрагменты работ Миллера активно использовались Д.Н. Бантыш-Каменским (1788 - 1850) в его «Источниках Малороссийской истории», выдержавших к тому времени уже не менее трех изданий.



Герхард Фридрих Миллер (1705 – 1783) - российский историограф немецкого происхождения. В Россию он приехал в 1725 году. В 1766 году был назначен начальником Московского архива Коллегии иностранных дел, причем при этом назначении Екатерина II поручила ему попутно составить «Собрание русской дипломатики». Невзирая на разбивший Миллера в 1772 году паралич (видимо – частичный), он продолжал плодотворно трудиться вплоть до самой своей смерти.

Одним из ближайших помощников Миллера по архиву был Николай Николаевич Бантыш-Каменский (также известный историк, позже он сам станет управляющим этого архива), а его сын Дмитрий Николаевич использует бумаги покойного Миллера в своих работах по истории Малороссии.

В «Рассуждении...» Миллера есть такой фрагмент: *«Едва понятно, сколь далеко Запорожцы в последнюю Турецкую войну по восточной стране от реки Днепра разгулялися; особливо с того времени, как от Крымских Татар ничего опасаться уже не имели. Куды Запорожский Козак ни пришел, то Запорожская земля; не поставили себе границы, кроме у Дона; у Азовскаго моря, на устье реки Берды завели они селение холостых Козаков для рыбнаго промысла, с походною церковью. А внутри земли, около Изюма и на верховьях рек Тора и Бахмута, Россійских жителей*

*отогнали, сказывая, что кто там жить хочет, то и должен на то иметь от Запорожского войска позволение и платить им оброк; такой продерзости от предков их не слышно было»<sup>125</sup>.*

Раздел о запорожцах в «Рассуждении...» представляет собой аналитическую записку, подробно рассматривающую историческую и правовую обоснованность имеющихся владений и территориальных претензий запорожцев, причем в довольно критическом по отношению к запорожцам духе. Эта аналитика активно использовалась тогдашним главой Коллегии иностранных дел графом Н.И. Паниным при принятии российской высшей властью решения об окончательной ликвидации Запорожья в 1775 году и в формулировании обоснований такого решения для сведения подданных.

В приведенном отрывке известие о притеснениях казаками жителей Изюма, Тора и Бахмута относится, скорее всего, к действиям запорожского полковника Гараджи и тогда относится в первой половине 1770-х. Но датировать этим же временем и фрагмент с упоминанием «селения холостых Козаков <...> с походной церковью» на Берде никак не получается, так как в связи с устройством с 1770 года вдоль Берды Днепровской укрепленной линии этот район фактически тоже был выведен из под контроля Коша, здесь распоряжались имперские военные власти. Ситуация в районе вдоль Берды периода первой половины 1770-х великолепно отражена в многочисленнейших документах и хорошо нам знакома (интересующихся отошлем к работам А.В. Макидонова). Помимо поселений в русских крепостях - никаких запорожских селений в этом районе тогда точно не появилось.

Более вероятно, что основная часть данного раздела «Размышления» была написана Миллером еще до начала русско-турецкой войны 1768-1774 годов (ее события в данном разделе записок вообще никак не отражены), и потом только немного подправлена. На такой вывод наводят многие фрагменты данного раздела, в том числе и упоминание (в начале процитированного выше отрывка) значительного расширения Запорожских Вольностей на восток от Днепра. Как уже говорилось в третьей главе нашей статьи, это произошло в 1743 году, т.е. под «последней Турецкой войной» в этом месте понималась война 1736 – 1739 годов. А раздраженная ссылка на то, что «Куды Запорожский Козак ни пришел, то Запорожская земля; не поставили себе границы, кроме у Дона» - это отсылка к территориальным претензиям запорожцев 1743 – 1746 годов, а затем и 1767 года, когда они пытались претендовать на все отобранные у Турецкой империи земли вплоть до нижнего Дона. А также это продолжение полемики Миллера по поводу достоверности «Универсала Батория – Хмельницкого», который запорожцы начали активно использовать в пограничных спорах начиная с середины 1750-х годов (когда он, видимо, и был сфабрикован).

А единственное в Приазовье значительное запорожское «селение холостых Козаков для рыбного промысла, с походною церковью» периода до начала в 1768 году очередной русско-турецкой войны – это и была наша Кальмиусская паланка. Других церквей в радиусе полутора сотен верст в наших краях тогда не было. Если, конечно, не вспоминать про трехлетнее существование запорожской Еланчикской паланки с некоей «церковью» при ней. Но это еще дальше от Берды... Так что, судя по всему, Миллер, никогда в Приазовье не бывший, просто перепутал, на какой местной реке стояла наша паланка. Но эта его небольшая ошибка здорово сбила с толку одного из первопроходцев в запорожской теме А.А. Скальковского, что можно многократно наблюдать в его работе. А следом за ним это повлияло в ненужном духе и на некоторых из еще более поздних бердянских краеведов...

---

<sup>125</sup> Историческая сочинения о Малороссии и Малороссиянах Г. Ф. Миллера, бывшего историографа российского, писанные на русском и немецком языках и хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства иностранных делъ. Москва. В Университетской типографии. 1846, с.42 <http://litopys.org.ua/samovyd/sam25.htm>



На самом деле ситуация с Бердой несколько сложнее, чем здесь описано. Но углубляться не будем, чтобы еще больше не запутывать повествование.

Когда позднейшие историки бросились составлять список всех церквей, монастырей и прочих культовых сооружений на территории Вольностей, «бердянская церковь» тоже пополнила эти списки. Например, в перечне, составленном Игорем Лиманом под номером 11 идет *«Похідна Миколаївська церква на Кальміусі. В 1767 р. розібрана і відправлена в Самарський монастир. В 1776 р. на Кальміусі вже існувала кам'яна каплиця»*. А под номером 5: *«Церква біля гирла Берди. Існувала вже в першій половині XVIII ст. В 1754 р. вона спорохнявіла і була замінена похідною церквою, яка до цього знаходилась у Січі»*<sup>126</sup>. Подробности по «бердянской церкви» ничего не напоминают? Есть этот фейковый дубль и в списках других исследователей. Впрочем, к таким спискам нужно вообще относиться с большой осторожностью, в них много путаницы и по фактажу, и по хронологии. Особенно по тем культовым сооружениям, которые взяты без дополнительных проверок напрямую из «запорожского слоя» в труде епископа Феодосия (Макаревского)...



И последняя, завершающая история в данной главе. В январе 2013 года в главном зале мариупольского ДК Metallургов состоялась премьера фильма Анатолия Киора «Тайна казацкого храма», в котором предпринималась попытка локализовать место расположения казацкой Свято-Николаевской церкви<sup>127</sup>. Это событие, а также предварявшая его реклама, вызвали в городе небывалый ажиотаж. Весь огромный зрительный зал Дворца культуры, вместе с его балконной частью был практически полностью забит зрителями. Помимо обычных любопытствующих любителей истории, в зале было также много мариупольских краеведов и сотрудников музея, среди зрителей густо мелькали отблески от многочисленных орденов празднично одетых представителей местных казачьих организаций. Был там и автор этих строк.

<sup>126</sup> Лиман І. Церковний устрій Запорозьких Вольностей (1734 – 1775). – Запоріжжя: РА “Тандем-У”, 1998, приложение.  
<https://www.i-lyman.name/CerkZaporizh/Appendix.html>

<sup>127</sup> Трейлер к фильму: <https://www.youtube.com/watch?v=JMYNxyrEHeg>



Рис.13.1. Постер к фильму

Лейтмотивом этого фильма стала попытка доказать, что здание Свято-Николаевской церкви не было уничтожено, что оно уцелело, просто было забыто его первоначальное предназначение. В результате несколько мистических событий было установлено, что этим древним зданием являются свежие руины относительно недавно заброшенного жилого дома, расположенного на пустыре за зданием Горэлектросвета, в восточной части бывшего «старого редута». Далее съемочная группа предъявляла целый ряд доказательств в пользу этой неожиданной находки.

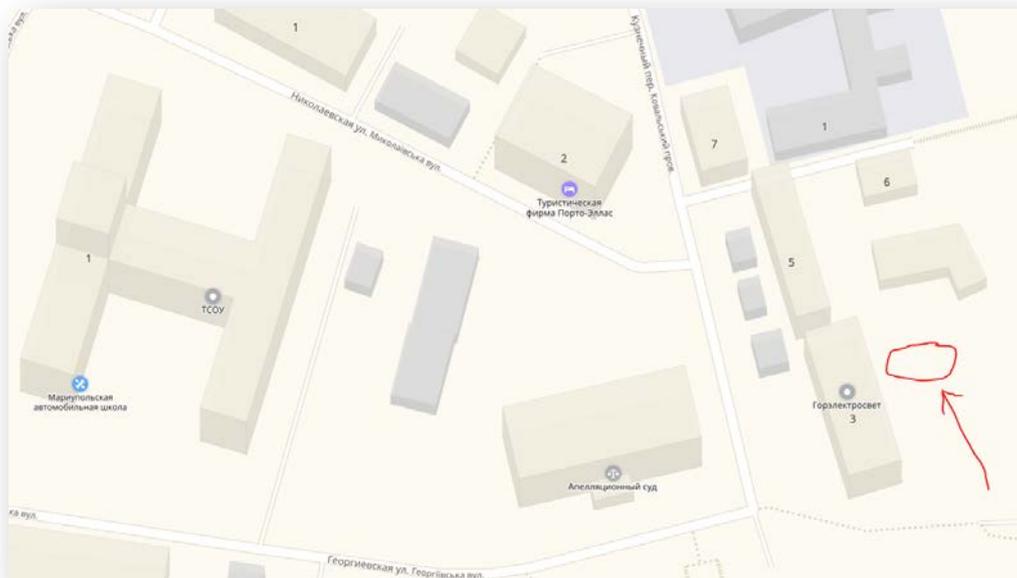


Рис.13.2 Расположение «Киоровской церкви» на плане города. Для ориентировки – слева Н-образное здание ДОСААФа. Фрагмент Яндекс-карты.



Рис.13.3. Вид с востока на развалины старого дома (по состоянию на 2013 г.) и реконструкция внешнего вида «казацкой церкви» из фильма.

Автору данное здание было знакомо еще с 2010 года, когда рядом с ним начались археологические раскопки на месте старого редута. Оно уже тогда представляло собой развалины без крыши и продолжало интенсивно разрушаться. Сложено оно было из кусков местного ракушечника (большой частью необработанных) на глиняном растворе. Изредка в теле кладки встречались отдельные кирпичи классического «русского» размера (для справки – на территории Запорожских Вольностей производства обожженного кирпича не было, в Мариуполе он начал производиться только с 1820-х годов). На двух уровнях стены здания были дополнительно укреплены по всему периметру деревянными балками, заложенными прямо внутри стен. Это именно из них члены съемочной группы пытались брать пробы на радиоуглеродный анализ. К настоящему времени от здания уже мало что осталось. Множество фотографий его состояния на 2013 год выкладывалось уважаемым Phantom`ом на «старом» форуме.



Рис.13.4. Кадр из фильма. Взятие образцов древесины на анализ из обнажений деревянного каркаса здания

По уровню аргументации данной гипотезы разбор производился и на уровне музея, и на «старом форуме»<sup>128</sup>. Повторять еще раз аргументацию съемочной группы и контраргументы «противной» стороны не будем. Просто добавим последней соломинкой к ранее высказанному еще и план этого здания, снятый автором данной статьи совместно с уважаемым Phantom`ом зимой 2013 года, когда большая часть стен еще сохранилась, а от остальных еще оставались четкие следы (см. рис. 13.5). План показывает ситуацию на уровне 1,5 м от земли, т.е. выше низа оконных проемов. И хорошо видно, что это здание имеет ярко выраженную Г-образную планировку. Что, как не сложно заметить, не характерно для церквей не только казацкого периода, но и для любого другого. Кстати, на предлагавшейся в фильме компьютерной 3-D реконструкции этого здания в его «церковном» виде, которая показывалась со всех 360 градусов, этот нюанс планировки отражен не был, там она была изображена просто прямоугольной... На этом вопрос по гипотезе «Киоровской церкви» закрываем окончательно. Это был обычный жилой дом или советского времени, или немного старше. Но не намного. К казацкой церкви в частности и к XVIII веку вообще он отношения не имел.

---

<sup>128</sup> Божко Р. Сказка о казацком храме. Комментарии к фильму журналиста, студента ВГИКа А. Киора «Тайна казацкого храма», 2013 [http://papacoma.narod.ru/articles/domaha\\_kior.htm](http://papacoma.narod.ru/articles/domaha_kior.htm) ; Архив «старого» форума: [http://papacoma.narod.ru/books/old\\_forum-index.htm](http://papacoma.narod.ru/books/old_forum-index.htm) , с.48-49, посты от 24.01.13, 03.02.13, 08.02.13, 12.02 – 16.02.13, фотографии кладки здания – на с.50 и 51.

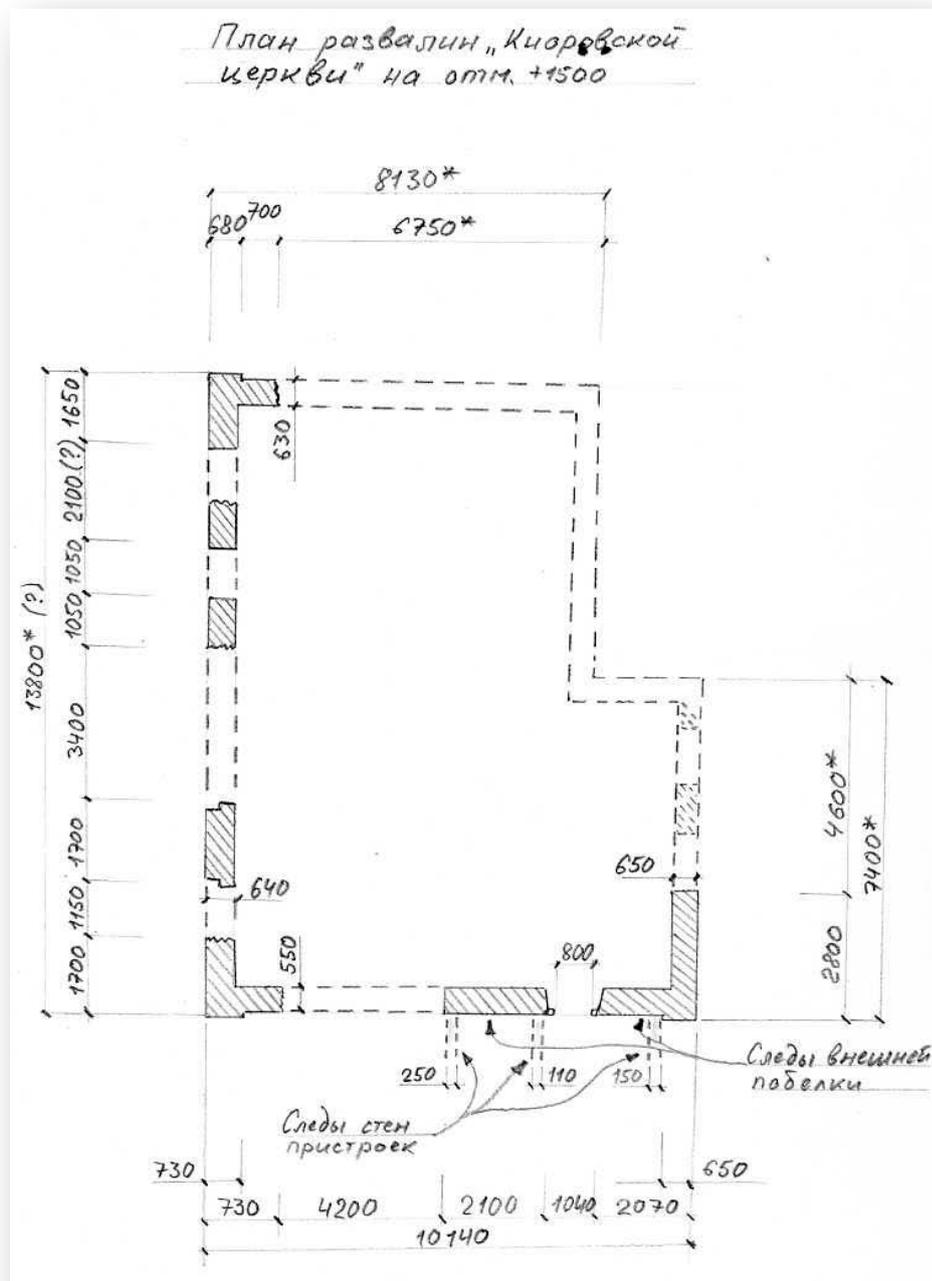


Рис.13.5. План здания «Киоровской церкви».

Добавим еще несколько слов по истории создания этого фильма. Известный в Мариуполе журналист Андрей Киор в те годы получил дополнительное образование на факультете продюсерства и экономики ВГИК им. С. А. Герасимова. Этот фильм был одним из двух дебютных фильмов для основанной им тогда кинокомпании «Адамаха-фильм» (к сожалению, пока не получившей дальнейшего развития). И для продюсера, чей ящик стола не набит битком сценариями всяких там Люков Бессонов и Квентино Тарантино, выбор данной темы съемок и реализацию этого проекта нельзя не признать удачными. По крайней мере, на долгой памяти автора данной статьи еще никому из мариупольских краеведов не удавалось собрать столько зрителей на презентацию результата своих трудов. И очень мало кому удавалось вызвать столь бурный (пусть и непродолжительный) всплеск интереса к истории нашего родного города, какой

последовал за тем вечером. Так что у автора статьи к актору данного фильма претензий нет никаких. Просто не надо слишком серьезно относиться к этому фильму, его нужно оценивать не с исторической, а с художественной точки зрения. И тогда все будет нормально.



На этом мы завершаем наше небольшое (ну, насколько смогли сжать ☺ ) повествование о судьбе казацкой походной Свято-Николаевской церкви. Хочется поблагодарить тех многотерпеливых уважаемых Читателей, которые смогли дочитать до этого места, даже если они согласятся не со всем изложенным или предположенным в данной статье. Автор и сам не уверен до конца в некоторых из своих предположений. По мере обнаружения новых документов – все это еще не раз будет перепроверяться и пересматриваться. Возможно, когда-то и эта статья безнадежно устареет. Это нормальный процесс. Ну а пока - пожелаем всем наступления Мира на нашей истерзанной земле! И обнаружения новых первоисточников. Ну и новых фильмов, наверное...

P.S. Отдельная благодарность всем тем людям, которые за последнюю дюжину лет не раз помогали с обнаружением, трактовкой или переводом новых документов и материалов по данной теме: Р.П.Божко, Л.И.Кучугуре, А.В.Макидонову, П.А.Авакову, Е.Н. Тарасенко и нашим уважаемым форумчанам: Naily58, Vicky, Phantom, detective. Если автор забыл кого-либо упомянуть – он заранее приносит извинения за свою «обедшавшую» память...

Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. Том 1/ упор. Л.З.Гісцова, Д.Л.Автономов и др., Киев, 1998 г., с.121-125.

№ 59 1754 р., лютого 9. – Грамота київського митрополита Тимофія Щербацького начальникові запорозьких церков, ієромонаху Макарію про початок будівництва церкви в Кальміусі. № 169

Бжією млстію Тимофеї Щербацкій, православній архієпскпъ, митрополітъ кїевскій, галїцкій и Малыя Россій, всечестному Сѣчи Запорозьской началнику, ієромонаху Макарію. Божія благословенія при нашемъ архієреискомъ желая, предлагаетъ

Настоящаго 754 года, февраля 6 д. присланнымъ къ намъ пастиремъ превелебнѣйшій Кієво-Межигорскогѡ мнстра олцъ архимандритъ Никаноръ писаніемъ представилъ, что-де того жъ февраля 4 д. от Коша Сѣчи Запорозьской къ нему, о лцу архимандриту, въ присланномъ писмѣ изображено. Прошлогѡ генвара 20 д. от оногѡ Коша къ намъ писано съ прошеніемъ выдачи къ Сѣчовой церквѣ на крѣпкомъ основаній

двохъ да едногѡ походногѡ антминсовъ, такожъ и мура стагѡ для помазанія новоприходящихъ тамо зъ желаніемъ въ веденія въ православу вѣру геретиковъ и разнихъ языковъ крещенія; да особливо жъ-де С[амар]скагѡ<sup>1</sup> мнстра началнику благословителной граммати о здѣлан[ий] вновь и о посщеній въ Кальміусѣ<sup>а</sup> во имя стителя Хрства Ник[олая] походной церкви и въ оной сценнодѣйствія, такожъ и о выдачи къ оно[й] антминса. И просили-де, дабы онъ, превелебнѣйшій олцъ

архиманд[ритъ], просилъ от насъ, пастира, по тому ихъ прошенію резолюцій. Почему онъ, превелебнѣйшій олцъ арихандритъ Никаноръ, на прошеніе Коша Сѣчовогѡ просилъ насъ, пастира, о выдачи какъ онихъ антминсовъ и стагѡ мура, такъ и благословителнагѡ къ заложенію и освященію в Кальміусѣ походной во имя стителя Хрстова

<sup>1</sup>Текст пошкоджено.

Николая церкви указа и въ оную стагѡ особеннагѡ походногѡ антминса. Такожъ особенними писаніями насъ, пастира Войска Запорозьскагѡ, велможній гсиднъ атаманъ кошевій Данило съ товариствомъ о томъ же просилъ. По которому его превелебнѣйшагѡ отца архимандрита Никанора и егѡ велможности гсидна атамана кошевогѡ прошеніямъ, мы, пастирь, // властію намъ от Бга данною, благословляемъ всечестности твоей Самарскагѡ мнстра началнику приказать въ Кальміусѣ походную во имя сттеля Хрства Николая церковь строить по примѣру армейскихъ полковихъ походнихъ церквей. И когда она со всѣми къ ней принадлежностми совершенно достроенна, и все приличествующее ко осщенію оной изготовится, то оную освятить и в ней сценнодѣйствова т.

Пока же она церковь совершенно состроится, по прошенію нарочно присланныхъ сѣчовихъ козаковъ, дабы въ ономъ Кальміусѣ безъ преподаванія находящіеся козаки требъ хрстіянскихъ и безъ слушанія церковнаго пѣнія не были, имѣющуюс в Сѣчи Запорожской походную старую церковь въ оной Кальміусѣ перевезть и, мѣсто оставъ, разставить, и въ ней священодѣйствовать пастырско бгословляем. И какъ оніе два антиминси на неподвижномъ основаній – еденъ матеріалній для праздничнихъ и высокаторжественнихъ дней, а другій полотняній для повседневногo священнослуженія – в церковь Сѣчовую Покровскую, да два походніе

полотняніе, – единъ въ старую походную сѣчовую, а другій в новую, имѣющую строитись въ Кальміусѣ, церкви, – так і муро стое при семь посылаются. Только б на оніе обѣ походніе церкви подлежащіе къ сохраненію ихъ<sup>2</sup> сундуки зготовлены и во всякой чистотѣ были содержани, архіереиско упоминаемъ изъ катедрі нашей митрополітанскої Кіевскої. 1754 года, февраля 9 д.

Вышше именованный митрополіть Тімофей<sup>3</sup>

Помітка на арк. 19: – «В.З. под № 169 записанъ»; на арк. 22 зв.: «Получено 1754 года, марта 2 д.»

Арк. 19, 22. Оригінал.

№ 60 1754 р., травня 16. – Рапорт полковника Кальміуської паланки Андрія Порохні кошовому отаманові Данилу Стефанову про заготовлю необходимого матеріалу для будівництва церкви, придбання церковного начиння тощо

Ея императорскаго величества Войска Низового  
Запорожского велможному и високородному его млсти  
гспдну атаману кошовому Данилу Стефанову,  
високомлстивому моему добродѣви

Покорній репортъ

На присланній от ващей панской велможности сего году приказ нарочно посланній били козаки куреня Щербиновского Петро Велегура да Ведор[!] Лопата в Черкаске для исправки ис хрящу к церкви Калмуской

<sup>2</sup>Виправлено з іншого слова.

<sup>3</sup>Нижче слід від печатки зеленого воску.





1754 р. травня 16 – рапорт полковника Калміуської паланки Андрія Порохні кошовому атаманові Данилу Стефанову. Конверт. Док. № 60.

паланки, которіє сего мая 11 д. по приезде (совсѣмъ издѣлавши)<sup>1</sup> з Черкаского і находится в поготовости при Калмусѣ. <sup>2</sup>Оной же цена<sup>2</sup> 27 р. На упоминаемый же от вашей панской велможности ангимис, для привозу честно к служенію божественной литургий и намѣских образовъ в Калмиус от мене писар калмускій же Данило Малѣновскій да козаки куреней Ведмедовского Давид Чорній, Федор Кислій, да Дервянковского (!) Михайло Чорній же нарочно посылаются. Да при сем же вашей панской велможности объявляю, что владнїй Калмиускомъ, не имѣвши удобного

какъ и к церкви, и к паланцѣ дерева, яко еще за великимъ разстояніемъ в товщѣ Самарскую отсюда ехать, в крайней обедш алости состоить. А яко весма по способности полковнику новоселянскому следующимъ людемъ до моря накласт на вози и присилать в Калмиус, того ради вашей велможности покорнѣйше прошу, даби находящаяс в Калмиусѣ какъ церков, яко и паланка не била в обедш алости, по своемъ високомлстивим разсмотреніемъ писмено приказат полковнику.

<sup>1</sup> Дужки авт.

<sup>2,2</sup> Написано замість витертых слів.

новоселянскому<sup>3</sup>, даби приказал жителствующимся в Новоселицѣ людемъ  
завременно заготовит яко то: к церкви дверей и на престоль<sup>2</sup>, <sup>4</sup>а к  
паланцѣ<sup>4</sup> лавъ насирюо [?] (а в разсужденій вашей велможности, буди  
можно и пал для огорожи церкви и паланки)<sup>1</sup> и слѣдующим какъ з  
Малой Россій, // такъ из владѣнія нашего запорожского людемъ же  
чрез мостъ, оноє бѣ дерево сколко будет числомъ накладенно на вози,  
при дачи от полковника к артельщикам, присиланно б в Кальмиосъ. В  
чемъ с покорностию моею к вашей панской велможности с прошениемъ  
о више писанномъ репортую.

1754 году, мая 16д.

Полковникъ калмиоскій Андрей Порохня  
с товариством

[P.S.] Да при семъ же вашей панской велможности всепокорнѣйше  
прошу, буди посланние писар с козаками получа т антими с для служенія  
к церкви Калмуской, приказат би писменно от вашей велможности  
началнику Пустино-Самарского Николаевского мнстря, даби оной  
началника в Кальмиосъ прислал честного, не в пянство, но ко  
исправленію християнского закону; ибо какъ за бывших полковниковъ  
такъ и нгѣ іеромонах Симонъ, калмускій началникъ, сего мая 10 д,  
тайно своровавши ниякне вещи, бежал. А хочай затем о сиску и  
поймки от мене и послани били, точию не сискался. И о такихъ,  
буди присилатимутся и впредь, повѣритъ намъ церковниѣ сосуд никакъ  
можно и в сумнителствѣ немаломъ находитимемось.

О семъ, в прошеній абявивъ,  
полковникъ Андрей Порохня

На конверті: «Ея імператорскаго величества Войска Низового  
Запорожского велможному і високородному его млсти гсидну атаману  
кошовому Данилу Стефанову, високомлстивому ншему добродѣевѣ,  
покорній репортъ».

Арк.20–21. Оригінал.

Аваков П.А. Описание рыболовецких селений и ватаг донских и запорожских казаков в Северном Приазовье 1768 г. / Січеславський альманах, №7, 2014 г.

(Фрагмент. Полный текст статьи с комментариями можно посмотреть здесь: <http://sa.nmu.org.ua/pdf/2014/Avakov.pdf>)

/Л. 167/ Описание

учиненное селениям и рыбным ватагам ведомства Войска Донского и Запорожского в барьерных местах от реки Берды до Калмиуса и даже до Таган рога, а чье оное именно и где зимовники и ватаги находятца, о том явствует ниже

(1-е)

Ведомства войска Запорожского:

По реке Берде по ту сторону реки оной в части Крымского владения

зимовников	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
да на Пересыпи против лимана с рыбными ловлями	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
									Итого:	4

В барьерной земле того же войска зимовников же:

в Сведоватой балки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
по речке Зеленой	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
по речке Камышеватой	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
при урочище Виноградном	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
при речке Белосарайки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
в балке Смирной	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3

да сверх того на косе Белосарайки рыбные заводы

Итого от реки Берды до Калмиуса зимовников: 23

При устье реки Калмиуса ведомства того же войска Запорожского поселение, называемое полковая поланка, в которой церковь деревянная в столбах, забрата досками и оставлена вокрут оградю тынником

—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
рубленых жилых куреней или изб	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
землянок	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
погребов в земле выртых	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2

да на косе Лапиной разстоянием от поланки верстах в девяти рыбные той полонки заводы

/Л. 167 об./ да вверх реки Калмиуса и Калчику вне барьера, а на российских владениях зимовников до

—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	----

## (2-е)

В барьерной же земле рыбные заводы ведомства Войска Донского:												
на Широкой косе казака Ивана Паншинского землянок	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	
на Безымянной косе казаков Афонася Колкотина и Андрея Золоткова землянок	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	
на Кривой Косе казаков Ивана Карташева, Данилы Щербакова, Федота Казлова, Ивана Нардекова, Ивана Панчинского землянок	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	
на Семеновской косе казаков Федора Маницкого, Михайлы Цыпляка, Ивана Платова <sup>4</sup> , Ивана Паншинского да приписнаго для плотежа подушных денег маларасианина Семенова Сидорова землянок	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	
Итого от Калмиусской поланки да Семеновской крепости на вышеозначенных косах по барьерному месту жилых землянок	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22	
Да не в барьере:												
на Груском Еланчике повыше месту при бахчах казака Ивана Карташова землянок	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	
на Большом Еланчике хутора казаков Федота Казлова, Ивана Платова землянок	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	
											Итого:	4

## (3-е)

По Таганрожскому кряжу<sup>5</sup> на косах рыбные же заводы ведомства ж войска Донского:

на Беглицкой косе казаков Ивана Плотова, Ефима Сулацкого, Михайлы Цыпляка, Алексея Волошкина землянок	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	
/Л. 168/ на Залотой косе казаков Григорья Алексеева, Нефедя Арехова, Павла Бороды да маларасианина Ивана Малого землянок	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	
да на Урыве его же Малого	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	
											Итого:	8

на Петрушиной косе казаков Михайлы Рудова, Степана Жмурина, Семена Гаманенка, Петра Лапина, Тихана Семенова, да приписных для плотежа подушных денег маларасиан Ивана Малого, Данила Щербакова землянок — — 8

Итого от Семеновской крепости<sup>6</sup> до Таган рога по означенным косам жилых землянок: 24

(4-е)

При самом Таган роге казенный

Внизу карантинной дом, состоящей ниже гавани на берегу моря, с покоем с намощенным полом и с потолка, с с[е]нми<sup>7</sup>, крытых камышом, с печми кирпичными — — — — — — — — — — 3

Второй карантинной дом на берегу против гавани, в нем покоев с сенми, полом и с потолком крытых камышом, с печми кирпичными — — 2

Да анбаров для поклажи купеческих товаров:

Против гавани внизу, с потолками, в том числе покрытых камышом 2

не покрытых — — — — — — — — — — 3

---

Итого: 5

Сверх того для заставной команды покой:

Обер-афицерская деревянная, с комнатою, с сенми и чуланом, с полом и потолком, покрыто камышом — — — — — — — — — — 1

/Л. 168 об./ лекарская деревянная, с комнатою, сенми и чуланом, полом и потолком, крыта камышом — — — — — — — — — — 1

старая малая деревянная лекарская квартира с потолком и сенми, крыша камышом — — — — — — — — — — 1

казарма салдатская с сенми и с намощенными нарами, полом и потолком 1

пониже гавани от Таган рога с полверсты над морем землянка Войска Донского казака Степана Папова, в которой зимуют неводчики — — 1

На л. 167 вверху справа помета: Копия. На л. 168 об. две отметки разными почерками: С подлинною свидетелствовал адъютант Борис Цыбезов; С подлинным читал сержант Родион Пеленкин.

*РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Св. 114. Д. 2. Л. 167–168 об. Подлинник.*

### Приложение 3

**Гавриил, архиепископ Тверской и Кашинский. Очерк повествования о Новороссийском крае // ЗООиД, т.3, 1853, с.122 – 125.**

«<...> **Игнатий Митрополит Готфийский и Кафийский.** — В Июле, Павлоградскому Духовному Правлению донесено, а сие донесло тогож Июля 27 дня и его преосвященству, что прибывший из Крыма с Греками, Греческий митрополит Игнатий Готфийский и Кафийский, отобрал, со всею утварью, Свято-Николаевскую походную Кальмиусскую церковь и устранив от оной тамошняго протопопа Романа Кошевскаго, определил к ней для священнослужения своих Греческих священников. Случаи сей возбудил, между преосвященным и г. Азовским губернатором генерал-поручиком и кавалером Василием Алексеевичем Чертковым, не малую переписку, которой здесь коснуться небезполезно, потому что ею открывается, что такое было Кальмиус, что в нем за церковь и где был прежде Павлоградъ?

Преосвященный Никифор не ведая: по какой причине упомянутую походную, в Кальмиусе и в епархии Славянской находящуюся церковь отобрал в свое распоряжение преосвященный митрополит Игнатий, к нему и отнесся, с требованием уведомления. Пока ответ ожидаем был, к преосвященному Никифору последовало (Августа 13 д.) от Азовскаго губернатора отношение, в коем он просил, дабы дозволено было ему ту-же самую церковь со всею утварию и антиминсом перенести в город Павлоград. А как церковь была уже у Греков: то сие г. губернатору Черткову, и сообщено было. Но губернатор тем не удовольствовавшись, снова отнесся к преосвященному Никифору, и, в подкрепление справедливаго своего требования церкви, объяснил, что Кальмиусская церковь, с иконостасом в ней, на холсте написанным, устроена еще во время бывшаго Запорожья и существование свое имела в Кальмиусской Паланке, (так называвшейся тогда по речке Кальмиусу, в Азовское море впадающей, на которой стояла Паланка). По уничтожении Сечи, жители сей Паланки перешли в новоучрежденный на реке Волчей, при впадении в оную речки Соленой, город Павлоград, который чрез то и полное де имеет право требовать, дабы ему из Кальмиуса отдана была церковь, достаточная на первый раз для города, по малому еще в нем количеству жителей. Священнику, который к церкви определен будет, общество обещает не только все выгоды противу других городов, но и лучшую землю; в последствии времени он будет получать из казны и положенное по штатам, в уездных городах, жалованье в год по 60 рублей. А хотя Кальмиусская церковь и взята прибывшими из Крыма Греками, но им она уже не нужна за нахождением у них своих иконостасов до четырнадцати, по словам самага преосвященнаго митрополита Игнатия. Так писал Василий Алексеевич Чертков; последнее подтвердил и сам преосвященный митрополит Игнатий в своем ответном преосвященному Никифору отношении, в котором написал: что Кальмиусскую церковь, в свое ведомство взял он по повелению его светлости Григория Александровича Потемкина, сказавша[г]о митрополиту, в бытность его в С. Петербурге, что она церковь отдастся Грекам. Основавшись на этом, митрополит и оставил ее в числе церквей своей епархии. Когда таком образом об отдаче из Кальмиуса в Павлоград походной Кальмиусской церкви, всякое сомнение отвратилось: то она в Павлоград и отдана, 1780 года Декабря 11 дня.

**Состояние церкви Кальмиусской.** — Под словом церковь не разумеется внешняя ее постройка, бывшая не другое что, как простая деревянная хижина, с железным на верху крестом, и оставшаяся в том же Кальмиусе; но разумелись: антиминс, ризы, книги, иконостас и иконы, которыя, по перенесении в Павлоград, и поставлены были в особом не жилом, деревянном также домике. Дом сей, в Апреле месяце 1781 года, по благословию архипастыря, освящен: и начавшимся священнодействием в нем, жители Павлоградские были крайне осчастливлены.

**Предположение сделать в Павлограде лучшую церковь.** — Вскоре за тем правительство распорядилось о постройке в Павлограде постоянной лучшей церкви. В 30 день Июля тогож 1781 года, тот же Азовский губернатор Василий Алексеевич взошел к преосвященному архиепископу Никифору отношением, прося дозволения и благословения на заложение в Павлограде деревянной, во имя Св. Апостолов Петра и Павла, церкви, для сооружения которой назначалась от казны и сумма. Пастырское благословение тотчас ниспослано, с препровождением, чрез Павловское Духовное Правление, святительской грамматы от 4 дня Августа, упомянутаго года, а следующего за ним 1782 года, Апреля в 23 день, заложена по той граммате, протоиереем Феодором Писаревским [Тисаревским - LV], и самая Петро-Павловская церковь.

**Перемена обстоятельств города и церкви.** — Но едва церковь сия построилась; и прежде нежели приведена была в то счастливое состояние, чтобы быть ей освященною, последовала с нею и с городом весьма важная перемена. Город Павлоград, со всею к нему принадлежностию, с казенными казарменными постройками и с переименованием его слободою Павловскою, отдан на жительство прибывшим в Россию, Римскаго исповедания, Корсиканцам, кои в упомянутых казенных зданиях, на первый раз, с Апреля 19 дня 1784 года, и водворились. К ним отошла Петро-Павловская церковь, и походная Кальмиусская, за выходом, по указным предписаниям, из Павлограда природных Российских жителей, прямее сказать, прежних Запорожцев, из Кальмиуса в Павлоград переселившихся, оставшаяся уже праздною и безприходною, перенесена в Никитскую крепость, где церкви не было еще тогда, а священник состоял в наличии.

Прибавим, что не договорено о сей Кальмиусской церкви. Простая деревянная изба, ознаменованная железным не малой величины, на верху, крестом, в коей помещалась церковь, на том-же месте, где была, там и осталась: но крест железный какими то судьбами перенесен в одно из селений Мариупольских Греков, где, под именем Константинопольскаго, или вообще из Греции вывезеннаго, благовейно сберегается.

**Вторый Павлоград и местоположение онаго.** — Павлоград хотя упразднился: однако-же не исчез; но как звезда, после помрачения облаком, просиял паки, на той же реке Волчей, не подалеку от впадения ея в реку Самару. Тут основался новый город Павлоград, который и до днесь существует в Екатеринославской губернии. В состав сего города взошла бывшая там в то время слобода Луганка, незабываемая до ныне обывателями потому, что некогда, с военною своею командою, квартировал в ней, России охранитель, незабвенный князь Михаил Иларионович Кутузов-Смоленский. О Корсиканцах предание гласит, что прежде водворения своего (в первом Павлограде), они скитались по разным местам Новороссийскаго края и собирая милостину, употребляли между прочим в пищу разных нечистых животных. <...>».

## Приложение 4

*Феодосий Макаревский. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав, типография Я.М. Чаусского, 1880.*

**ГЛАВА VIII. Новое устройство в Запорожье. Новороссийская губерния. Увеличение православных христиан. Смятения и волнения в Запорожье.**

с.94-95

«<...> В том же 1770 году около так называемой Днепровской линии, от берегов Азовскаго моря по р. Берде и Конской до Днепра, по распоряжению правительства, поселены были отставные солдаты с их семействами как для присмотра за работами при постройке крепостей, так с другой стороны, и для заведения земледельческой промышленности в отдаленной степи, на земле плодоносной и изобильной реками и разными угодьями; вследствие сего образовались немедленно три многолюдныя села: Конское, Жеребец и Камышеватая, на речках того же имени, с церквами и с православным народонаселением. Вдали от Коша запорожскаго, **в Кальмиусской паланке, при впадении Кальмиуса в Азовское море**, на древнем казацком пепелище в старинном запорожском займище, называемом Домахою, где в 1779 г. [sic!] греческие переселенцы устроили г. Мариуполь, сидели куренями и зимовниками многие зашедшие низовые люди; в весьма отдаленности пребывая и ни к какому ведомству и команде войска запорожскаго неподлежа, они занимались рыболовством. скотоводством и разными законными торгами с татарами, **имели у себя походную церковь и несколько каплиц, а теперь устроили уже деревянную церковь, во имя св. Николая Чудотворца и имели свой церковный причт.** Сверх того, в 1771-74 гг. в казацких запорожских паланках Буго-гардовой и **Кальмиусской** поселилось много православных греков из Анатолии и Архипелага, Болгар и Молдаван. <...>»

## Общий взгляд на положение церквей и приходов в Запорожье вообще перед открытием Славенской Епархии

с.116-117

«В восточной и в юго-восточной части Запорожья открытое и успешное заселение степей казацких народом семейным и оседлым началось собственно с учреждения Азовской губернии, с 14 февраля 1774 года. Правда, у Темерницкаго Порта и Таганкина рога, в Бахмутской провинции, на **Калмиусе** и на Новой Днепровской Линии существовало **несколько населенных местностей и до сего времени**: но все это среди обширных и привольных степей казацких было - **капля в море, песчинка на безбрежном океане. Только всесильный и энергический Чертков, Азовский губернатор, оживил и заселил народом семейным и оседлым дикия и широкия, пустынная и безлюдныя степи** бритайския и самарския, волководския и консководския. Ловкий и аккуратный запорожец Горленко [sic!], произведенный Чертковым в **волководскаго земскаго комиссара Горленскаго**, согласно видам и желаниям Черткова, при содействии преданных ему запорожцев, скоро основывал на казацких зимовниках слободы и заселял их народом семейным и оседлым <...>».

### III. НОВОМОСКОВСКИЙ УЕЗД

#### Слобода Камянка

с.427

«<...> 9-го июля 1768 года Преображенская церковь в Камянке сгорела. В лихолетье, в тревожную и тяжелую годину агарянскаго нашествия на Запорожье, нельзя было и думать о постройке новой церкви; а потому, по распоряжению Коша, поставлена в Камянке временно **походная Калмиусская церковь**. В начале 1772 года жители слободы Камянки начали хлопотать о постройке у себя новой церкви. <...>»

с.429

«<...> В доношении от 1-го мая 1772 года за № 467 оно [«Духовное Правление Старокайдакской Крестовой Наместнии» - LV] писало: "Старокайдакской Крестовой запорожской Наместнии в селе Камянке церковь Свято-Преображенская в прошлом 1768 году июля 9-го дня, с допущения Вышней судьбы, погорела до основания; и понеже новой на место погоревшей созидать в те поры подаспевший со стороны агарянской военной случай попрепятствовал, то за благословением свято усопшаго митрополита Арсения, **походная Калмиусская церковь святителя Христова Николая** вместо оной в том селе учреждена, в коей и литургисается даже до днесь; но как ныне промыслом Всемогущества, от стороны сопротивных вредныя обстоятельства по несколько успокоены, и опасности дальней уже не предвидится, то Кош войска запорожскаго низоваго о построении вновь на место погорелой оной в том селе Камянке во имя Преображения Господня церкви намерение приняв, для получения в том архипастырскаго благословения из духовнаго сдешняго Правления священника того Камянскаго Преображенскаго прихода к Вашему Высокопреосвященству отправить предписывает; вследствие чего мы сего подателя священника того прихода Григория Иванова к Вашему Высокопреосвященству всепокорнейше представляя, о сооружении там церкви архипастырским Вашего Высокопреосвященства высокомиловитившим повелением удостоить всенижайше просимъ".»

с.430 - 432

**«Уместным считаем изложить здесь краткия сведения об упомянутой походной Калмиусской Свято-Николаевской церкви.**

Походная Свято-Николаевская церковь на Калмиусе, около нынешняго Мариуполя, поставлена запорожским казачеством давно, с незапамятных времен [sic!]. В тревожные времена, пред страшным нашествием агарянским, по распоряжению Коша, она была разобрана, снята и для безопаснаго хранения, в 1767 году [sic!], отправлена в Самарский монастырь. Когда жители Камянки, по сгорении у них Преображенской церкви, нуждаясь в храме, не могли скоро устроить себе новаго, частью за военными тревогами, а частью по скудности средств,—им отдана была, на время, из Самарскаго монастыря Калмиусская церковь. 1776 года губернатор Чертков, обозревая свою Азовскую губернию, был, между прочим, и на Калмиусе, нашел здесь множество православнаго народа, каменную часовню и при ней Киевскаго Межигорскаго монастыря иеромонаха. При обозрении этой местности, Чертков услышал общую просьбу народа о возвращении на Калмиус бывшей там походной церкви со всеми принадлежащими к ней утварями. По получении о сем от Калмиусскаго командира, секунд-майора Горленскаго обстоятельнаго донесения, Чертков просил преосвященнаго Евгения, архиепископа Славенскаго и Херсонскаго, о разрешении взять в Камянке походную Калмиусскую церковь со всеми ея принадлежностями и поставить на прежнем ея месте. Со стороны Славенской духовной Консистории немедленно сделано было распоряжение, чтобы Самарское духовное Правление сдало по описи, а Бахмутское приняло и поставило на Калмиусе означенную церковь. Бахмутское духовное Правление, за отдаленностию, не могло выполнить сего поручения и отказалось от него. По просьбе Черткова, дело это поручено было состоявшему в ведении Самарскаго духовнаго Правления, Днепровской линии Наместнику, Александровской крепости Свято-Покровской церкви иерею Феодору Тисаревскому, "так как, сказано в бумаге Черткова, Калмиус, где, при впадении оной реки в Азовское море, по перевозке из Камянки, следует поставить помянутую Николаевскую церковь в сделанной и ныне стоящей там каменной часовне и где предполагается к постройке новый город Павловск, отстоит от крепости Петровской, на новой Днепровской линии, при Азовском море, в 60-ти верстах, от Таганрога в 120, а от Бахмута, частью чрез Донския дачи,— в 200 верстах, а потому Калмиусу и Калмиусскому уезду удобнее состоять под ведением и присмотром не Бахмутскаго духовнаго Правления, а означеннаго Днепровской линии Наместника Тисаревскаго". Для новой церкви на Калмиусе, на месте, где предполагалось быть городу Павловску, следовало приискать постоянного священника, так как из других священников Петровской крепости один,— Андрей Кодратов, прикомандированный временно в Калмиус для совершения богослужений в церкви и требоисправлений в приходе, по отдаленности разстояния между Калмиусом и Петровскою крепостию, отказался от служения в Калмиусе. В это время, в апреле 1777 года, в Самарское духовное Правление явился, с предложением своих услуг, однодворческаго слободы Орчика священник Иоанн Филиппов, преосвященным Белгородским Порфирием, 1766 г. 10-го июля, рукоположенный во священника Белгородской епархии крепости Федоровской к Введенской церкви, а по раззорении запорожских селений Введенскаго прихода, преосвященным Белгородским Самуилом, 1769 года июля 20-го, переведенный к Николаевской церкви слободы Орчика, на место бежавшаго оттуда священника Петра Нестеровича; как Николаевская церковь в Орчике, устроенная давно уже из стараго дерева, ныне весьма обветшала, стоит на самом песчаном месте, а потому от ветров к служению неспособна; обыватели, по малолюдству прихода и по скудости средств, новой церкви устроить не могут: то по сим причинам священник Филиппов просил безповоротно определить его в Калмиус. Указом Славенской духовной Консистории от 31-го мая 1777 г. священник Филиппов действительно и безповоротно определен в Калмиус; тем же указом поручена ему и перевозка походной Николаевской церкви из Камянки на Калмиус».

## Слобода Матвеевка - нынешний уездный город Павлоград

с.569-571

«Со времени всгупления своего в управление новооткрытою Азовскою губерниею, Чертков озабочен был мыслию устроить в новой своей губернии город **Павловск**, в честь и в память наследника престола, Павла Петровича. Изыскивая лучшее и удобнеее для этого место, Чертков осановился первоначально мыслию **на старинной запорожской Паланке—на Калмиусе** и в этой Паланке, при впадении реки Калмиуса в Азовское море, решился устроить новый город Павловск. Сделав по сему надлежащия распоряжения, Чертков все меры употреблял к осуществлению своего желания. Согласно его видам и намерению, возвращена в Калмиус **походная Свято-Николаевская церковь** со всеми ея принадлежностями, временно состоявшая в слободе Камянке, при Днепре; в Калмиус к Свято-Николаевской церкви назначен постоянным священником Иоанн Филиппов, а по смерти его, 3-го декабря 1779 года определен туда к той же Николаевской, уже соборной [sic!] Павловской церкви протоиерей Роман Кошевский, из Александровской крепости, согласно его собственному желанию и прошению. Но 26-го июля 1780 года, по распоряжению Потемкина, эту местность на Калмиусе заняли пришедшие из Крыма греки, основали здесь город Мариуполь и отобрали у Кошевскаго церковь его. Существование города Павловска, после этого, назначено Чертковым в другом месте в слободе Павловке. По оценке, за деньги, греки не пожелали оставить за собою Калмиусскую подвижную Свято-Николаевскую церковь и как судьи греческаго суда, так и митрополит Игнатий объявили при этом, что у них собственных своих есть 14 иконостасов и достаточное количество всякаго рода церковных утварей. По просьбе Черткова, преосвященный Никифор дозволил Калмиусскую подвижную Свято-Николаевскую церковь перенести в новоназначенное для г. Павловска место, - в Павловку, так как туда перешли из Калмиуса все жители; в феврале 1781 года, под личным наблюдением Павловскаго протоиерея Феодора Тисаревскаго, церковь со всеми утварями и принадлежностями, перенесена в новый город Павловск, поставлена в нарочно приготовленном доме и открыта к богослужению. Бумагою от 30-го июля 1781 года Чертков просил у преосвященнаго разрешения устроить в новом Павлограде не подвижную Петропавловскую церковь на казенный счет, из казенных материалов и казенными людьми. Согласно сей просьбе, 4-го августа 1781 года выдана святительская благословительная храмозданная грамота на закладку и сооружение церкви. 23-го апреля 1782 года, соборне, по церковному чиноположению, протоиерей Тисаревский заложил церковь в новом Павлограде. Но в репорте от 28-го июля 1784 года Павловское духовное Правление писало преосвященному Никифору: "Бывший Павлоград переименован ныне слободою Павловкою, которой слободы все казенные строения, в том числе и церковь, по благословию Вашего Преосвященства неподвижная, на место тамо стоявшей походной, прошедшаго 1782 г. апреля 23 заложная, по указу Азовской губернской Канцелярии сего 1784 года апреля 19 дня, отданы колонистам корсиканцам, кои все римскокатолическаго исповедания состоят, а жителям тамошним грекороссийскаго исповедания тем же указом велено в другое место переселиться; которые корсиканцы сего июля 19-го и прибыли в оную Павловку. И так тамо состоящая церковь походная Николая чудотворца, поставленная по благословию Вашего Преосвященства 8-го мая 1781 года, без прихода остается, и священник Павел Алексеев, к тому приходу определенный с двумя церковниками, безместными находятся, которые на милостивое Вашего Преосвященства благоразсмотрение при сем представляются. А о той походной Николаевской церкви от Вашего Преосвященства благословения покорнейше просит Павловское духовное Правление о перенесении оныя в крепость Никитинскую, где церкви нет, а священник имеется Стефан Малинский, а в той Никитинской хрепости и в двоих слободах поселенных отставных солдат,—в Жеребце и Камышевахе, состоит дворов 117, и оные жители, по причине неимения церкви,

претерпевают не малую нужду, по причине дальняго разстояния от околичных церквей, ибо самая ближайшая церква состоит от оных в 25 верстах".

11-го июля 1784 года, в Кременчуге торжественно открыто Екатеринославское наместничество со всеми присутственными местами и учреждениями. А в отношении от 26-го ноября 1784 года, Екатеринославскаго наместничества правитель Синельников писал к преосвященному Никифору, архиепископу Славенскому и Херсонскому: "На сообщение Вашего Высокопреосвященства от 30-го октября уведомить честь имею, что в Екатеринославском наместничестве вновь устроены города: Александрийск из шанца Усиковскаго, Донецк из села Подгорнаго, Павлоград из села Луганки, прежний же Павлоград остался селом Павловкою, Алехсопольск из местечка Нефорощи; переименованы—Константиноград из Белевской крепости, Славянск из города Торы, Новомосковск, что прежде был Екатеринослав".

Так славная государственная воинская слобода Матвеевка, названная потом Луганкою, по случаю помещения в ней главной штаб-квартиры Луганскаго пикинернаго полка, в половине 1784 года возведена на степень уезднаго города и наименована—Павлоградом, каковое наименование и достоинство с честью и славою удерживает и доселе!»

## **V. БАХМУТСКИЙ УЕЗД.**

### **Слобода Алексеевка на Волчей**

с.715 - 720

«15-го мая 1785 года Павлоградскаго уезда казенных слобод Алексеевки и Андреевки жители представили в Павлоградское духовное Правление прошение на имя преосвященнаго Никифора, архиепископа Славенскаго и Херсонскаго, в коем они писали: "В бывшем Павлограде, что ныне Павловка, состоит церковь походная во имя святителя Николая '), общественным коштом от доброхотных дателей состроенная. А как ныне во оной слободе Павловке корсиканцы римско-католическаго исповедания жительствуют, своего пастора и церковь имеют; то оная церковь походная Николаевская в праздности тамо состоит, ибо в той Павловке нашего закона жителей не имеется; слобода ж Алексеевка и околичная слободы, за неимением церкви и постоянного священника, крайнюю нужду в христианских требах претерпевают, по причине отдаленности от околичных церквей. Того ради Вашего Преосвященства, милостиваго нашего архипастыря, всепокорнейше просим благословить оную походную Николаевскую церковь из Павловки в слободу Алексеевку перенести и к ней священника, дьячка и пономаря определить; а мы оную церковь, священника и церковнослужителей содержать долженствуем, в чем при сем и подписку прилагаем".... При доношении от 23-го июня 1785 года Павлоградское духовное Правление, представляя означенное прошение слобожан Алексеевских и Андреевских и данную ими подписку в приличном и безбедном содержании церкви и духовенства, с своей стороны просило преосвященнаго о дозволении перенести из слободы Павловки в Алексеевку походную Николаевскую церковь, с антиминсом, выданным в эту церковь от преосвященнаго митрополита Киевскаго Тимофея Щербацкаго в 1754 году. По наведении надлежащих справок по сему делу, Славенская духовная Консистория определением своим от 17-го декабря 1785 года постановила: "Подвижную Николаевскую церковь из Павловки в слободу Алексеевку перенести дозволить; чего ради как оную, так и все церковныя вещи препоручить Алексеевскому священнику Иоанну Гординскому с ктиторами под росписку; Алексеевским и других слобод жителям подтвердить, дабы они об отмежевании для священно и церковнослужителей указнаго числа земли и о постройке неподвижной церкви возымели всеприлежнейшее старание, в чем особливо Павлоградскому

духовному Правлению иметь наблюдение и понуждение; значащиеся по описи церковныя триста двадцать три рубли и восемьдесят коп. деньги духовному Правлению, отобрав, хранить в оном Правлении впредь до указу".

*) То есть, та самая, которая первоначально была в Калмиусе, потом в Самарском монастыре, оттуда в слободе Камянке, из нея опять перенесена на Калмиус, а оттуда в Павловку.*

В силу такого определения епархиального Начальства, походная Свято-Николаевская церковь, со всеми ея утварями, облачениями и принадлежностями, немедленно была перенесена из Павловки,— бывшего Павлограда,— в Алексеевку, поставлена в ней на приличном месте и открыта к богослужению и священнодействию; но церковныя деньги, 323 руб. 80 коп., на требование Павлоградскаго духовнаго Правления, не были отданы слободы Григорьевки священнику Косме Наумову, для представления их, на хранение, в оное духовное Правление. Алексеевский писарь Петр Голубницкий, сотский Григорий Костюченко, ктитор Самсон Солдатенко и Евфим Перепаденко 13-го февраля 1786 года подали в Павлоградское духовное Правление "доношение, в коем учинили признание, что якобы они те церковныя деньги раздали той слободы жителям на пропитание"....., а между тем, мимо ведома онаго Правления, отправились в Полтаву и 19-го февраля 1786 года представили там преосвященному Никифору от жителей Павлоградскаго уезда казенных селений Ивановки, Подгородней, Алексеевки, Андреевки и от Павлоградских мещан прошение, в коем писали, что все они, бывши с 1781 по 1785 год прихожанами походной Свято-Николаевской церкви, стоявшей в Павловке и ныне перенесенной в Алексеевку, делали от себя приношения в церковь и собранную сумму, по общему желанию и согласию, отменили, предназначили на колокола к сей церкви, так как бывший при сей церкви колокол, при перенесении церкви из Кальмиуса в Павловку, оставлен в городе Мариуполе; а потому просили преосвященнаго—церковную сумму, 323 руб. 80 коп., якобы отобранную уже в Павлоградское духовное Правление, передать в Алексеевскую походную церковь на ея нужды. По рассмотрении сего прошения, Славенская духовная Консистория определением от 5-го марта 1786 года постановила,—в настоящее время, жителям Алексеевским и Андреевским, в просьбе их об отдаче им церковных денег отказать, так как деньги те собраны не от них одних, а предписать им скорее позаботиться об отмежевании подцерковной земли и о постройке неподвижной церкви, и тогда учинить особое распоряжение и о церковных деньгах. Репортом от 12-го июня 1786 года Павлоградское духовное Правление донесло Славенской духовной Консистории, что по указу онаго Правления, слободы Петропавловки священник Гавриил Поповский ездил в слободу Алексеевку, истребовал от тамошних жителей 323 руб. 80 коп. церковной суммы и представил оные в духовное Правление, каковыя деньги наличностию приняты Павлоградским духовным Правлением и ныне хранятся в нем. А новым репортом от 25-го июля того же 1786 года Павлоградское духовное Правление донесло преосвященному Никифору, архиепископу Славенскому и Херсонскому, что 10-го сего июля государственной слободы Алексеевки священник Иоанн Гординский репортом представил, что походная Николаевская церковь в Алексеевке от грома сожжена совсем, по каковому репорту оным Правлением Павлоградский диакон Максим Кошевский отправлен в Алексеевку для учинения на месте надлежащей выправки. По выправке онаго диакона Кошевскаго оказалось, что реченная **походная Николаевская церковь** **прошлаго июня 26-го дня, по полудни в 1-м часу подлинно от грома сожжена**, утушить оной не могли по причине, что той слободы жители нынешняго рабочаго времени в степи были, кроме малаго числа людей, кои только и успеть могли вынуть риз сем, подризников

холстяных три, и платков бумажных два, евангелие двое, апостол, миней, псалтырь, октоих, ермологий и служебник, да и в наличности денег осталось медных четыре рубли и висящий на Богоматери десятирублевый червонец, кои деньги и ризница оставшаяся хранятся у тамошняго жителя Мирона Коваля, а прочия церковныя утвари все погорели"....

Вице-губернатор Екатеринославскаго Наместничества Иван Васильевич Тибекин, в отношении от 4-го ноября 1790 г., писал к преосвященному Амвросию: Губернский землемер коллежский ассессор Мордвинкин представил ко мне при рапорте планы на отмежеванную Павлоградскаго уезда из округи села Алексеевки под намереваемую тамошними поселянами выстроить церковь и для довольствия священно и церковнослужителей землю; а при том и жители онаго села изъявляя просьбою, что, по отдаленности от их жилища церквей, они нуждаются в исправлении по долгу христианскому обрядов; а потому намереваясь в том селе Алексеевке, в коем состоит дворов 73, в них муж. 260, а жен. 218 душ, выстроить собственным своим коштом церковь во имя святителя Христова Николая, просят моего о том у Вашего Преосвященства ходатайства. В следствие чего представляя у сего на изъявленную отмежеванную землю план, Вашего Высокопреосвященства всепокорнейше прошу на построение в оном селе церкви преподать Ваше архипастырское благословение".

По сей бумаге и по письму правителя Наместничества В. В. Каховскаго, преосвященный Амвросий резолюциею от 10-го июня 1791 года благословил в казенной слободе Алексеевке устроить церковь во имя святителя Христова Николая. 11-го июля 1791 года отправлен в Павлоградское духовное Правление указ об этом; а 12-го октября того-же 1791 года Павлоградский протоиерей Алексей Хандалеев соборне, по надлежащему церковному чинопоследованию, в слободе Алексеевке освятил место под церковь и положил закладку на сооружение оной. 30-го мая 1793 года церковныя деньги, хранившиеся в Павлоградском духовном Правлении, в количестве 323 руб. 80 коп., возвращены в слободу Алексеевку и переданы на церковныя нужды.

Доношением от 18-го сентября 1793 года, благочинный, священник Василий Покволитый представлял преосвященному Гавриилу, митрополиту Екатеринославскому: "Указом Павлоградскаго духовнаго Правления, последовавшим по указуж Консistorии, велено мне иметь наблюдение за строением Павлоградскаго уезда в слободе Алексеевке Николаевской церкви, которая построилась на место сгоревшей в той слободе церкви. Как же она церковь строением уже мною кончена совершенно, и утвари церковныя, равно и разныя вещи, оставшияся от сгорания бывшей церкви, достаточно имеются, о каких и регистр при сем прилагается; для того Ваше Высокопреосвященство покорнейше прошу о освящении оной церкви дать дозволение". По сему доношению преосвященный Гавриил, резолюциею от 23-го сентября 1793 года, благословил благочинному Покволитому освятить новоустроенную в слободе Алексеевке Свято-Николаевскую церковь и дозволил выдать для этого освященный антиминос. 24-го сентября 1793 года из Консistorии отправлен в Павлоградское духовное Правление указ об этом, к надлежащему исполнению».

## **VII. РОСТОВСКИЙ (НА Д.) УЕЗД.**

### **Таганрогская Архангело-Михайловская церковь**

с.847

«На берегу Азовскаго моря, на величественной, возвышенной равнине, где ныне красуется славный портовый город Таганрог, из давних, незапамятных лет, **даже и в период литовско-**

**польского владычества над всею местностью от Дона до Очакова** [sic!], существовала когда-то турецкая фортеция, стояла небольшая башня с незначительным числом турецко-татарского гарнизона. В мирное и спокойное время ловкие запорожцы с Калмиуса, а удалые донцы с Миуса, часто приезжали в эту фортецию под разными благовидными предложениями, с турецко-татарскою стражею вели законные торги и сделки по разным житейским предметам. Турецко-татарское название местности запорожцы перевели на свой язык и назвали ее— Таган-рог, Таганкин-рог. Сколько донцам казался хорош и увлекателен Азов, столько запорожцам представлялся нужным и необходимым Таганкин-рог. <...>»

## **IX. МАРИУПОЛЬСКИЙ УЕЗД.**

### **Город Мариуполь и городския церкви его**

с.997 - 998

«Город Мариуполь, на северном берегу Азовского моря, на месте знаменитой древнейшей, старожитной запорожской Калмиусской Паланки, основан и заселен в конце 1779 года [sic!] православными греками, прибывшими сюда из Крыма на постоянное жительство\*. <...>

Преосвященный митрополит Игнатий, распределивши выведенных им из Крыма греков в окрестностях Мариуполя, по разным селениям, сам остался на жительство в Мариуполе и первоначально для своей паствы совершал богослужения и священнодействия **в Калмиусском свято-Николаевском храме, каменном, крытом очеретом, камышем, устроенном и оставленном запорожцами**. В 1780 году заложил он в Мариуполе городовую, соборную, для греческого общества, Харлампиевскую церковь и 22-го апреля 1782 года освятил ее и открыл в ней богослужение и священнодействие».

### **Мариупольская Марии-Магдалининская церковь**

с.1001 - 1006

«Из разных местных документов мы имеем, под руками, несколько довольно обстоятельных и интересных, верных исторических сведений о Марии-Магдалининской церкви в городе Мариуполе. Во удовлетворение чувства любознательности современников и на память потомству, излагаем их здесь, по возможности, кратко и в последовательном порядке.

В построении Марии-Магдалининской церкви в г. Мариуполе живейшее участие принимал Азовский губернатор В. А. Чертков. Он сам начертил план для этой церкви, сам же положил и основание к сооружению ея.—В новооткрытой своей губернии избрав на Калмиусе наилучшее место для постройки города Павловска, в честь и во имя наследника престола Павла Петровича, Чертков хотел украсить этот город и приличною церковью в имя цесаревны, супруги Павла Петровича, Марии Феодоровны. Среди забот и трудов по устройству новаго города и церкви в нем, Черткова громом поразила весть о предоставлении всей этой местности, с огромнейшим пространством околичной земли, вышедшим из Крыма в Россию, на постоянное жительство, православным грекам. Начатая каменным зданием и выведенная в стенах своих, Марии-Магдалининская церковь предоставлена была, в дальнейшей судьбе своей, христианской заботливости и благочестивой ревности новых насельников Калмиуса. Но греки, поселившись на Калмиусе в нареченном Павловске, в основанном и утвержденном Мариуполе, занялись всецело собою и устройством своих дел, не обращая внимания на оставленную церковь. Время текло само собою, своим чередом, а положение Марии-

Магдалининской церкви в Мариуполе, не изменялось к лучшему: она оставалась по прежнему, в недоконченном виде.

Екатеринославская Казенная Палата, в феврале 1791 года, определением своим постановила: "Недоконченная строением в г. Мариуполе, начатая—было постройкою от казны за (во время) Правления бывшей Азовской губернии, каменная, во имя святыя мироносицы Марии Магдалины, церковь, согласно прошению Мариупольскаго греческаго общества, сею Палатою отдана была им на докончание собственным их коштом, с тем однако, чтоб достройка ея производима была по данному от Азовской губернской Канцелярии плану. Но преосвященный Феодосийский и Мариупольский епископ Дорофей сей Палате сообщил, что он в окончании достройкою сей церкви от предпоказаннаго Мариупольскаго греческаго общества никакой надежды не предвидит, потому более, что оно и собственным их иждивением построенная церковь, уже крайне обветшавшая, починкою не исправляет. Поелику же живущие в Мариуполе великороссийские и малороссийские люди не только сию церковь достроить, но и украсить ее изъявили усердное свое желание, как заверяет преосвященный Дорофей, ибо уже, по благословительной его грамоте, по усердию и особливому к сему богоугодному делу старанию, не только имеют немалое число от доброхотнаго подаяния в сборе денег, но уже начали строить к сей же церкви иконостас: то Палата, учиня довлеющую о том, с кем подлежало, справку, постановила дозволить означенным, пребывающим в г. Мариуполе великороссийским и малороссийским людям ту состоящую в г. Мариуполе, неоконченную, каменную церковь, на вышепрописанном положении достройкою исправить". Об этом постановлении своем Казенная Палата дала знать, к сведению и надлежащему распоряжению, преосвященному Амвросию Екатеринославскому от 14-го марта 1791 года, а Мариупольской Управе благочиния, чрез Мариупольскаго городничаго Ковалинскаго, от 14-го мая 1791 г.

В феврале 1791 года малороссийской нации люди, находившиеся при г. Мариуполе,— **прапорщик Павел Горленский**, Петр Пилипенко, **Петр Велегура**, Иван Головка, Емельян Дейнека и другие представили преосвященному Амвросию Екатеринославскому: "С (до) заселения города Мариуполя выстроена в нем из (от) казны **соборная** во имя святыя равноапостольныя **Марии Магдалины церковь**, которая и доселе оставалась без всех утварей церковных и без священнослужения; прошлаго ж 790 года, по усмотрению покойнаго преосвященнаго епископа Дорофея Феодосийскаго и Мариупольскаго, что при сем городе находится у приморских Азовскаго моря кос, в рыбных заводах, неимеющих собственного домовства малороссийских людей около двух тысяч человек, которые, по неимению здесь российского священника, часто лишались христианских треб, определен от него к сей церкви, находившийся в штате егож, иеромонах Михей, который для исповеди людей и ныне находится; а чтоб она церковь не могла далее оставаться не оконченною, отдал ее нашему обществу, с подтверждением нам о скором ея окончании потребностями, о чем и в Екатеринославскую Казенную Палату, с требованием резолюции, от онаго покойнаго епископа Дорофея, по соизволению его на нашу просьбу, писано; мы ж нижайшие по данной от него ктиторам сей церкви, от нас выбранным, грамоте, с доброхотных от нас подаяний, исправили все принадлежащие церкви сосуды и надобности, да и ныне стараемся к лучшему далее оной украшению. <...>

Более двух лет продолжались споры, препирательства и пререкания по сему делу. Греческое общество волновалось и не хотело уступить русским людям Марии-Магдалининской церкви, начатой в постройке русскими людьми, их же трудами и усердием продолженной, законченной и всем необходимым снабженной. Между Мариупольскою Управою благочиния и греческим Судом происходила усиленная и оживленная переписка; сущность ея передавалась Консistorии и Казенной Палате, преосвященному Амвросию и Екатеринославскаго наместничества правителю. Наконец, с течением времени, разсудок возобладал над страстями; дело правды восторжествовало

над изворотами лжи и зависти: греческое общество, в чувстве житейского благоразумия, успокоилось и перестало волноваться; Марии-Магдалининская церковь в Мариуполе осталась на всегда в ведении и наблюдении русского общества!».